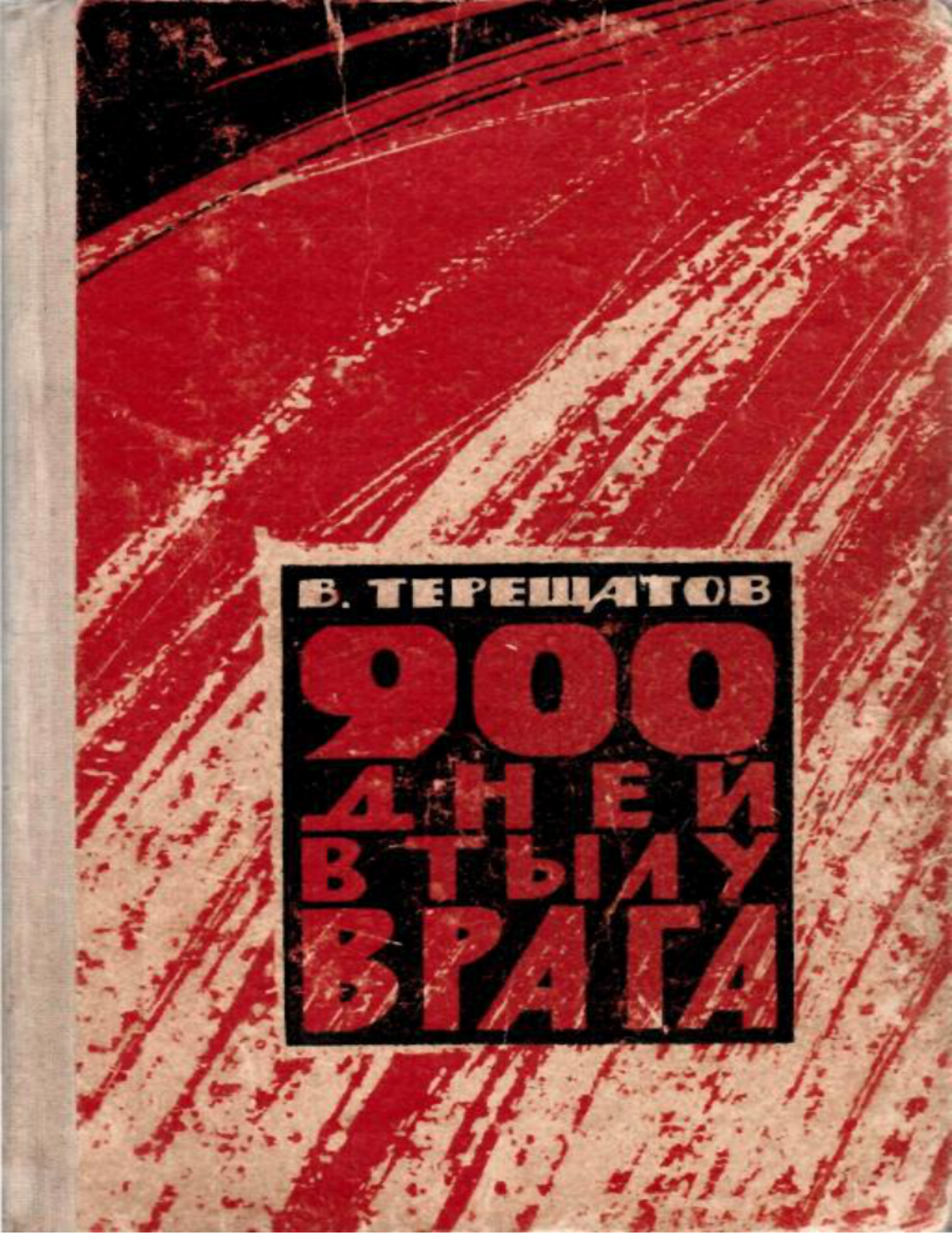
В. ТЕРЕЩАТОВ
900
ДНЕЙ
В ТЫЛУ
ВРАГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В летопись Великой Отечественной войны немало героических страниц вписали советские люди, мужественно сражавшиеся с немецко-фашистскими захватчиками в партизанских отрядах.

Книга «900 дней в тылу врага» документальная. Ее автор, В. И. Терещатов, в грозные дни войны был командиром молодежного партизанского отряда. Почти три года, до полного освобождения Калининской области от немецких оккупантов, вели бойцы этого отряда неравную борьбу с сильным и коварным врагом. Народные мстители взрывали вражеские поезда, мосты, распространяли советские листовки, уничтожали гитлеровцев и их прихвостней.

Автор, участник многих боев в тылу врага, правдиво и интересно пишет о тяжелых схватках с гитлеровцами, о суровой партизанской жизни.

Книга В. Терещатова учит мужеству, стойкости и преданности нашей Родине.

- 900 дней в тылу врага
  -
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    -
    - 1. Родина в опасности
    - 2. В глубокий тыл врага
    - 3. Расплата
    - 4. Мы действуем
    - 5. Под Насвой
    - 6. Вокруг Невеля
    - 7. Верених
    - 8. Бой с карателями
    - 9. По знакомым местам
    - 10. К Новоржеву
    - 11. Злосчастный обоз
    - 12. В западне
    - 13. Тяжелые испытания
    - 14. Впереди наши
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    -
    - 1. Россонский край
    - 2. На север
    - 3. Нежданные гости

- 4. Лжепартизаны
- 5. В канун Нового года
- 6. Гитлеровцы мстят за генерала
- 7. Проверка района
- 8. За шоссе Пустошка — Опочка
- 9. Лоховня
- 10. В Латвии и Белоруссии

- ЭПИЛОГ
  - 1. Там, где гремели бои

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

ТЕРЕЩАТОВ Виктор Ильич

В. ТЕРЕЩАТОВ

900 ДНЕЙ В ТЫЛУ ВРАГА

КАЛИНИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Родина в опасности

Война застала меня в Торжке, куда я приехал к сестре на летние каникулы.

Был воскресный день… Жаркое солнце с утра привело меня на Тверцу, откуда уже доносились звонкие мальчишеские голоса, смех купающихся людей. Прохлада воды, ласкающие лучи солнца, приволье — можно ли придумать более приятный отдых? В тот момент, конечно, никто не предчувствовал большой беды. Никто не думал, что этот солнечный день станет черным днем для советской страны.

В полдень на берег прибежали ребятишки. Перебивая друг друга, они кричали страшное слово: «Война, война!»

Шум и смех над рекой сразу смолкли. Людей как будто подменили. Лица у всех сосредоточились, нахмурились.

Через несколько минут берег опустел.

Возвращаясь домой, я увидел на площади много народа, столпившегося у репродукторов. Радио сообщало о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Вражеские самолеты уже бомбили советские города, где-то на границе шли жестокие бои и гибли люди.

Весь день только и разговоров было о войне. У райвоенкомата стояли мужчины с вещевыми мешками. Их провожала вся родня. Женщины плакали, мужчины неловко успокаивали их, просили не волноваться — война скоро кончится и они вернутся домой.

Никто не предполагал тогда, что война продлится годы, что далеко не всем, стоящим сейчас у призывных пунктов, удастся прийти обратно к родному порогу, что осиротеют дети, овдовеют жены…

По пыльному булыжнику строем прошли мобилизованные. Впереди, усердно раздувая щеки, шагали музыканты. Духовой оркестр играл старый боевой марш.

По сторонам колонны бежали женщины. Некоторые держали на руках маленьких детей. Слышался плач.

Сжималось сердце. Хотелось подбежать, стать в ряды этих людей и идти с ними. Идти до конца, до победы!

Долго бродил я в тот день по улицам Торжка. Убедившись, что обстановка очень серьезная, решил ехать домой — в родное Кувшиново.

На другой день у меня собрались ребята-одноклассники. Всех мучил вопрос: как быть, что делать? Пришло время испытаний, время, когда нужно постоять за Родину.

Мы сидели на завалинке. Павлик Поповцев, мой лучший друг, отбросил в сторону прут, которым чертил что-то на песке.

— Нет, так сидеть нельзя! Надо идти в армию… добровольцами.

— Правильно, Павка! — поддержал его Коля Горячев, наш общий любимец, неугомонный рассказчик и весельчак. — Я сразу же в разведчики пойду. Притащу «языка» — важного генерала, разузнаю все планы фашистов и сообщу нашему командованию… Тогда всем немцам — крышка… — Его круглое лицо раскраснелось, сильнее выступили веснушки, русый хохолок на голове смешно топорщился.

Все улыбнулись. В том, что Горячев хотел стать разведчиком, не было ничего удивительного. Еще когда мы играли в войну, он поражал всех своею смелостью, даже, можно сказать, дерзостью.

Все разом зашумели, заговорили, перебивая друг друга. Когда страсти улеглись, приняли решение: идти в военкомат. Пошли в тот же день. И получили отказ. На другой, третий день — то же самое, тот же ответ:

— Подождите, ребята, придет и ваша очередь.

Но ждать было невмоготу. Бои шли уже под Смоленском и в районе Великих Лук. Фашистские самолеты с черными крестами на крыльях нахально летали над нашим городом, бомбили Торопец, Ржев, Торжок. Под Селижаровом тысячи людей спешно рыли окопы.

Коммунистическая партия и Советское правительство обратились к народу с призывом — грудью стать на защиту Родины, создавать народные ополчения, разжигать пламя партизанской борьбы на оккупированной территории.

А почему бы и нам не стать партизанами? Как-то утром я специально пошел в лес, чтобы присмотреть подходящее место для отряда.

Стояло тихое солнечное утро. На траве, на листьях деревьев еще не высохла роса. Прозрачные капельки, переливаясь всеми цветами радуги, искрились на солнце. С веток густого куста свисали крупные рубиновые ягоды малины. Вот одна из них упала, и великие труженики-муравьи, упираясь лапками в хвойные иглы, общими усилиями потащили ее в муравейник. Прилетел, сел на сосну дятел.

Неожиданно высоко в небе загудел самолет. Вот он опустился ниже, от него отделились и полетели вниз белые клочки бумаги. «Листовки», — догадался я.

Прежде чем опуститься на землю, они долго кружились в воздухе. Одну листовку я успел схватить. Первое, что бросилось в глаза, — большой орел, держащий в своих когтистых лапах венок

со свастикой. Ниже было напечатано воззвание немецкого командования к русскому народу и армии. Предлагалось не оказывать сопротивления немецким войскам, а встречать их, как дорогих гостей и освободителей. В тексте были буквы, которые давно не употреблялись в русском языке, — «ять», твердый знак. Сразу видно, писал человек, который лет двадцать пять назад удрал из России.

Конечно, в листовках ничего не говорилось, как учредители «нового порядка» жгут русские города и села, убивают ни в чем не повинных стариков, женщин, детишек. Я скомкал бумажку, бросил наземь и побрел домой. Долго не мог успокоиться.

Под вечер собрались ребята. Разговоры — только о партизанском отряде. Строились планы, вносились предложения.

Некоторые хватили через край: рисовали заманчивые картины, как они возьмут в плен Гитлера, как привяжут его к елке над муравьиной кучей…

А утром случилось неожиданное. К нам в дом нагрянули две мамаши. Одна из них плакала. Они стали упрекать меня, что я посылаю их сыновей на верную гибель. Сначала я растерялся. О какой гибели шла речь? Потом понял: ребята дома стали хвастаться и рассказали о наших планах. Это уже было плохо. С первого же раза проболтаться, разгласить хотя и не бог знает какую, но все же тайну.

Я успокоил женщин, сказал, что их сыновья пошутили, ничего серьезного у нас нет.

Собрав ребят, я рассказал о случившемся. Все смотрели на виновников. Они молчали, понурив головы. Некоторые предлагали тут же исключить их из отряда, другие напротив советовали на первый раз их простить, дать возможность искупить свою вину. Сошлись на втором.

В отряде у нас было двадцать человек. Мы взяли себе за правило: ни с кем не заводить лишних разговоров. Меня избрали командиром. Мой первый приказ: потихоньку от домашних заготавливать продукты, теплую одежду и обувь, чтобы в случае необходимости можно было быстро уйти в лес и примкнуть к партизанам.

А фронт приближался подобно грозовой туче. Слышны были залпы дальнобойных орудий. По ночам багровое зарево освещало горизонт. Люди уходили на восток: Шли пешком, ехали на лошадях. На телегах сидели детишки, лежал немудреный домашний скарб. Густые облака пыли, поднятые сотнями ног, клубились в воздухе, покрывая седой пеленой траву и деревья. Через Кувшиново проходили отступающие части Красной Армии. Многие красноармейцы и командиры были ранены. Бинты долго

не менялись, были грязны, в пятнах запекшейся крови. Закрадывалась мысль: неужели конец, поражение? Нет, не может быть! Не склонит народ свою голову перед врагом. В груди поднималась лютая ненависть к захватчикам. Мы спешно готовились к встрече с фашистами.

Кроме охотничьих ружей, у нас было семь трофейных винтовок, два десятка гранат и несколько штыков. Ожидая прихода немцев, мы выкопали в глухом лесу, у села Прямухино, землянку, натаскали туда картошки, сухарей, соли, спрятали оружие и все это тщательно замаскировали. Своими силами сделали топографическую карту, цветными карандашами нанесли на нее лес, реки, дороги и болота.

Все шло пока хорошо. Тревожило одно: мне, как командиру, следовало сообщить о наших намерениях районному комитету комсомола. А что если из нашей затеи ничего не выйдет?

Наконец втроем — Поповцев, Горячев и я — идем в райком комсомола. Моросит мелкий осенний дождик. Под ногами хлюпает грязь. По булыжнику тарахтят военные повозки, шагают угрюмые красноармейцы. Мимо нас в мокрой плащ-палатке прошел здоровенный красноармеец метра в два ростом с пленным немцем. Немец, низенький, тощий, в потрепанной куртке и сапогах с широченными голенищами, смешно семенил, еле поспевая за своим конвоиром. Прохожие останавливались и кто с любопытством, кто с ненавистью смотрели на фрица.

Слышались возгласы:

— Довоевался сукин сын…

— Пат Паташона ведет!..

— Где ты, Ваня, выколопнул такого сморчка?

Мы впервые видели живого гитлеровского вояку.

— Неужели у них все такие замухрышки? — спросил Горячев.

— Придет время — увидим, — ответил Поповцев.

В райкоме нам долго пришлось ждать. В кабинете секретаря шло бурное совещание. Через дверь слышался горячий разговор о каком-то истребительном батальоне, который, видимо, по ошибке обстрелял наши самолеты.

— Кто давал право стрелять? — громко спрашивал чей-то бас.

— Они кружили над крышами, — оправдывался другой голос.

— А звезды на крыльях видели?

— Видели. Но ведь звезды могут и немцы нарисовать.

— Паникуете, товарищи! — гремел бас.

Слушать чужой разговор стало неудобно, и мы тихо вышли из приемной.

— Сердитые… Не попало бы и нам, — беспокоился Николай

Горячев.

Часа через полтора нас вызвали к секретарю. В комнате густым облаком висел табачный дым. У окна стоял военный с двумя шпалами на петлицах и курил папиросу. Мы молча топтались на месте.

— Ну что, орлы, членские взносы пришли платить? — спросил секретарь райкома.

— Нет, — ответил я. — Пришли по важному делу.

— Теперь все дела важные, — усмехнулся секретарь.

— А у нас особо важные. Мы прибыли сюда по призыву партии, — сказал я каким-то чужим голосом и почувствовал, что на лбу выступил пот.

— Ах, вот как… — удивился секретарь. — Тогда рассказывайте толком. Товарищ Митько, — обратился он к военному, — послушайте, может, это и по вашей части.

Военный повернулся от окна, окинул нас строгим взглядом и сел в кресло.

— Рассказывайте, — загудел его бас.

Мы догадались, что раздававшийся из кабинета голос принадлежал ему.

Почувствовав наше замешательство, майор улыбнулся.

— Что ж вы, как красные девушки, стесняетесь. Говорите смелее.

— Мы в партизаны пришли записываться, — решился наконец Поповцев.

— В партизаны?.. А с родителями посоветовались, не возражают?

— Посоветовались… Не возражают, — приврал Горячев. В его глазах появилась лукавинка.

Майор внимательно рассматривал каждого из нас.

— Что ж, хорошие бойцы нам нужны, но куда вас определить? В городе нет партизанского отряда.

Я встрепенулся.

— Отряд есть, товарищ майор. Дело за вашей поддержкой.

— Какой отряд? — удивился Митько.

— Наш… Сами организовали. И оружие есть, маловато, конечно, но на первое время хватит…

— И много у вас людей?

— Двадцать человек…

— Занятная вы публика — молодежь. Вот ты, — обратился Митько к Горячеву, — не испугаешься в бою?

— Я, товарищ начальник, в драке всегда первым… и здесь не отстану, — смущенно проговорил Горячев.

— Здесь убить могут.

— Это как сказать… А убьют… что ж…

— Смелый ты парень. Это хорошо. Ну, а с дисциплиной как у тебя? Что такое дисциплина, знаешь?

— Дисциплина, — скороговоркой выпалил Горячев, — такой порядок: ел не ел — кончай, спал не спал — вставай.

Митько засмеялся:

— Это ты правильно сказал. Ну, что ж, секретарь, возьмем таких орлов? Ребята вроде бы ничего.

— Ребята стоящие, товарищ майор, — ответил секретарь райкома.

Они проверили наши комсомольские билеты, подробно расспросили о семьях и, посоветовавшись между собой, велели завтра явиться в райком со всем отрядом.

Обратно мы не шли — бежали. Хотелось скорее сообщить ребятам радостную весть: отныне мы — настоящие партизаны.

В райкоме не подвели. Нас поставили на довольствие, вооружили десятизарядными карабинами и поместили в отдельный дом. К нам прикрепили опытного инструктора-подрывника, и мы с увлечением стали изучать подрывное дело.

Однажды, вернувшись с учения, мы застали в своем доме других партизан. Это была группа Веселова. Веселов до войны работал учителем, и я немного знал его. Вскоре мы с ним подружились и попросили объединить наши группы в один отряд. Разрешение было получено. Веселов, как старший по возрасту, стал командиром, я — комиссаром. Отряд назвали «Земляки».

Наступила зима. Повалил снег. Он покрыл землю, запорошил кусты, белыми шапками лег на широколапые ели. Немцы подошли к нашему городу, но, встретив упорное сопротивление советских войск, остановились. Образовалась долговременная линия фронта.

Нам выдали белые маскировочные костюмы, мы принесли из дома лыжи и стали ждать приказа о выходе на передовые рубежи. Наконец долгожданный день настал. Нам предстояло совместно с армейской разведкой ознакомиться с ближним тылом врага.

Как-то под вечер у нашего дома остановились две полуторки. Мы дружно погрузились на машины и поехали за город. Настроение у всех было приподнятое. Ребята пели песни, шутили, старались казаться веселыми и беззаботными, но чувствовалось, что они волнуются. Как никак первое боевое задание.

Было холодно, дул пронизывающий ветер, дорогу заметало снегом. Грузовики, не дойдя до намеченного пункта, забуксовали. Дальше ехать не было смысла. Мы соскочили с машин и, приплясывая от стужи, пошли пешком.

Впереди, рассекая черное небо, часто взлетали ракеты,

доносились выстрелы. Линия фронта была рядом, рукой подать. Всем не терпелось скорее перейти ее. Но по приказу мы должны были это сделать только утром.

В землянке, где пришлось заночевать, холодно и сыро. Чтобы хоть немного согреться, разожгли костер. Но от него мало толку. Мороз пробирает до костей. Дым ест глаза. Никто не может уснуть, ночь кажется бесконечной.

Примостившись в темном углу, неунывающий Николай Горячев рассказывает ребятам про Украину, где довелось ему однажды побывать.

— Пойдешь, бывало, на бахчи, — это вроде нашего огорода, только там арбузы растут. Кавунами их зовут. Выберешь самый большой. Вот такой, — Николай разводит руками. — Ножом его раз… два. Ломоть красный, сочный… Ешь, только косточки выплевываешь…

Сидящий рядом Семенов тыльной стороной руки вытирает губы.

— Что, Саша, слюнки потекли, — раздается дружный хохот.

— А то еще на сахарном заводе был, — продолжает Горячев. — Сахара там — горы… Черпай кружками и ешь себе на здоровье…

Всем ясно, что Николай немилосердно врет, но бойцы с улыбкой на лицах внимательно слушают его. И — странное дело: дым кажется не таким едким, в землянке вроде бы потеплело и на душе стало веселее.

Горячев — заядлый курильщик. Увидев мерцающий огонек папиросы, он прерывает свой рассказ и кричит:

— Сорок.

— Уже заказано.

— Ну, хоть разок затянуться.

— Да ты закури лучше… на табак.

— Мне не свернуть — руки озябли…

Ребята тянутся к кисету. Курить многие не умеют. Скручивая цигарки, они просыпают табак. Набрав полный рот дыма, пускают его к потолку. Ничего не поделаешь, на фронте без курева нельзя.

С рассветом подошли армейские разведчики. Помятые и закопченные, вылезли мы из землянки, погрызли вприкуску со снегом мерзлых сухарей и стали прилаживать лыжи. Командир разведки сказал, что вчера бойцы обнаружили группу немцев у сарая в лесу. Их следовало уничтожить или взять в плен.

Командир опытным глазом осмотрел людей, сделал кое-какие замечания насчет одежды, оружия, крепления лыж, и мы не спеша двинулись в путь.

Неожиданно стали бить немецкие минометы. Хотя мины

летели высоко над головой, ребята инстинктивно пригибались.

Поднимая фонтаны черной земли, мины разрывались возле тех землянок, где мы только что ночевали. Значит, немецкая разведка не дремала, и промедли десять-пятнадцать минут — нам пришлось бы плохо…

Когда приблизились к лесу, впереди взвились две зеленые ракеты.

— Ложись! — крикнул командир разведки, и мы бросились в рыхлый сугроб, ожидая выстрелов. Вверху по-прежнему летели мины.

Пролежав минут пять, двинулись дальше.

Вот и лес. Сквозь тяжелые лапы елей различаем сарай. Решаем обойти его с трех сторон. Со мной идут тринадцать человек. Нам приказано зайти с тыла. Когда прошли больше половины пути, услыхали автоматную очередь. Из сарая выскакивают четыре человека и по извилистой тропке бегут к поляне. Это немцы. Они в зеленых шинелях, в кожаных сапогах. Мы с удивлением смотрим на них и… не стреляем. И только тогда, когда немцы скрываются за деревьями, мы приходим в себя.

— Вперед! — кричу я.

Ребята бросаются в погоню, стреляют из карабинов по удаляющимся фигурам.

Бежавший позади немец на минуту приостанавливается, повертывается вполоборота и, раскинув руки, падает в снег.

— Ура! — кричат обрадованные бойцы и бегут дальше. Впереди всех Горячев. Он опускается на колено, прицеливается и стреляет. Падает еще один гитлеровец.

Увлеченный азартом погони, Горячев внезапно останавливается и испуганно кричит:

— Окопы!

Действительно, на краю леса виднеется темная полоса недавно вырытой земли. Мы круто разворачиваемся и бежим обратно. «Тьюф, тьюф!» — поют фашистские пули, срезая ветки деревьев.

Поспешно укрываясь за стволами деревьев, мы отходим к сараю. Нас догоняет Горячев, раскрасневшийся, возбужденный.

— Здорово получилось. Двух ухлопали… Посмотреть бы на них.

Ловлю себя на мысли, что такое же желание испытываю и я. Какие они, наши заклятые враги?

— А нас тоже могли бы шлепнуть, — продолжает Горячев, — отправились бы тогда в Могилевскую губернию. Вот жаль — пуля отстригла конец лыжи.

У покинутого врагами сарая нас ожидал отряд. Командир разведки поздравил нас с первым успехом, затем отметил на карте расположение фашистских блиндажей. Сарай, где немцы устроили наблюдательный пункт, пришлось сжечь.

На передовой мы пробыли несколько дней. Ходили с разведчиками и одни по ближним тылам врага. Мы выдержали первое боевое испытание, дававшее нам право выполнять новые, серьезные задания.

Но не всем участникам первого похода посчастливилось шагать дальше, кое-кто сам, а некоторые по нашему настоянию вынуждены были оставить отряд.

2. В глубокий тыл врага

В середине декабря сорок первого года части Калининского фронта под командованием генерал-полковника И. С. Конева перешли в наступление. Немцы, упорно сопротивляясь, вынуждены были оставить областной центр и отойти к городу Ржеву.

Командование партизанского штаба вызвало нас с Веселовым за получением нового задания.

— Хватит, — сказал Митько, — покружили в родных местах. Пора поглубже заглянуть фрицам в душу.

На другой день получили приказ: перейти фронт в районе Осташкова, углубиться километров на триста в тыл врага, собрать сведения о расположении и численности немецких частей, совершить диверсию на железной дороге и распространить среди населения листовки.

Дело в том, что немецкая пропаганда день и ночь на все лады кричала о разгроме Красной Армии, о захвате Москвы. Наши листовки правдиво рассказывали о положении на фронтах, призывали людей объединиться и вести беспощадную борьбу с иноземными захватчиками. Белые листочки бумаги переходили из рук в руки, из дома в дом. Их читали молодые и старые, мужчины и женщины. Воля людей к сопротивлению крепла, они выше поднимали головы, в их сердцах загоралась жажда мести.

Для выполнения задания отобрали одиннадцать человек, смелых, выносливых и надежных.

Мы выстроились во дворе. Майор Митько читал нам текст партизанской присяги, а мы торжественно повторяли слова клятвы.

> «Мы, граждане Великого Советского Союза, верные сыны героического русского народа, клянемся, что не выпустим из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен.
>
> Мы обязуемся беспрекословно выполнять приказы своих командиров, строго соблюдать воинскую дисциплину.
>
> За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над нашим народом мы клянемся мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.
>
> Кровь за кровь и смерть за смерть!
>
> Мы клянемся, что скорее умрем в жестоком бою с

врагом, чем отдадим себя, свои семьи и весь советский народ в рабство фашизму.

Если же по своей слабости, трусости или злой воле мы нарушим присягу и предадим интересы народа, пусть умрем мы позорной смертью от руки своих товарищей».

Я посмотрел на ребят. Взгляд их был мужественен и тверд. Руки крепко сжимали карабины. Всех охватило чувство необычайной приподнятости. Каждый из нас понимал, что отныне его жизнь принадлежит Родине, народу и что во имя народного счастья, свободы и независимости Родины он должен отдать все свои силы, а, если потребуется, то и жизнь.

На другой день, рано утром, машина повезла нас в Осташков. Стоял трескучий мороз, и мы после долгой езды в кузове едва не окоченели.

На место прибыли только под вечер. Старинный русский городок встретил нас неприветливо. Фашистские самолеты совершали очередной налет. Стреляли зенитки, зловеще выли пикирующие бомбардировщики, визжали и рвались бомбы. Дым заволакивал вечернее небо.

Машина остановилась на площади.

— Приехали, — устало объявил шофер.

На ночь расположились в большом, неосвещенном зале двухэтажного здания, ранее принадлежавшего какому-то учреждению. Здесь стояло много письменных столов, и мы кое-как улеглись на них. Стол, где устроился Горячев, стоял у окна, из которого была видна высокая колокольня с часами. Часы давно остановились. Застывшие стрелки показывали половину первого. Нет-нет кто-нибудь и спросит у Горячева:

— Коля, сколько там на серебряных?

Два раза он ответил. Потом, видя, что над ним смеются, начал сердиться.

В одну из бомбежек пламя зажигательной бомбы обожгло лицо нашему бойцу Ивану Попкову. Идти в тыл врага он уже не мог. Ваня загоревал. Да и нам было досадно лишаться товарища в такой важный момент: не сегодня-завтра нужно переходить линию фронта. Нас было немного, и терять в своем тылу бойцов не хотелось. Заметив наше беспокойство, Ваня успокаивал нас:

— Не тужите, друзья! Вместо меня придет в отряд брат Федя.

Его брат Федор действительно потом вступил в наш отряд, был отважным бойцом и хорошим гармонистом. Он погиб в бою с немцами.

После войны мы узнали, что Иван Попков тоже сложил голову в партизанской борьбе с врагами на Витебщине.

В Осташкове к нам присоединилась группа партизан во главе с лейтенантом Боровским. Боровской только что вышел из немецкого тыла для связи с частями Красной Армии. Теперь он направлялся с секретным пакетом в партизанский отряд, действовавший в районе Идрицы.

Боровской перед войной окончил Томское военное училище, служил в кавалерийском полку и во время первых боев попал в окружение.

Командир эскадрона, коммунист майор Литвиненко, умный, волевой человек, быстро разобрался в сложной обстановке. Он собрал на опушке леса своих бойцов, правдиво объяснил им положение и сказал:

— Кто не боится умереть за Родину, может остаться со мной. Остальные могут быть свободными…

С любимым командиром остались вес. Эскадрон стал одним из первых партизанских отрядов в Калининской области.

Боровской с гордостью говорил нам:

— Сведу вас к нашему батьке Литвиненко, он научит казацкой удали.

Ребята с завистью поглядывали на пистолет «кольт», из которого Боровской застрелил несколько гитлеровцев.

Линию фронта в районе Осташкова перейти нам не удалось. Красная Армия, прорвав немецкую оборону, перешла в стремительное наступление. Фашисты откатывались к Торопцу и Великим Лукам.

Мы тоже не стали сидеть в городе. Отказавшись от проводников, отряд двинулся вслед за наступавшими войсками.

Заснеженные лесные дороги были усеяны трупами оккупантов. Навстречу нам, сгорбившись от жгучего мороза, тащились пленные «завоеватели». В соломенных чоботах, укутанные в бабьи платки, в награбленных у крестьян тулупах, они шли, понурив головы, на восток. Невольно вспоминались слова старинной русской песни:

…Зачем я шел к тебе, Россия…

Сколько поучительных уроков преподала история чужеземным захватчикам всех мастей. Но им все мало. Нашлись опять безумные фанатики, которые, забыв эти уроки, вновь, очертя голову, пытаются одолеть великую Русь, покорить гордый и свободолюбивый советский народ…

На станции Пено отряд устроил короткий отдых. Нам показали место недавней казни отважной калининской партизанки Лизы Чайкиной. Сняв шапки, стояли сумрачные

бойцы. На митинге мы поклялись отомстить за кровь смелой патриотки.

Двигаемся дальше. Наш путь лежит по истерзанной врагом земле. Еще дымятся остатки сожженных деревень, лежат трупы расстрелянных жителей, плачут убитые горем люди, дрожат от голода и стужи детишки. Многие из них только вчера остались круглыми сиротами.

Тяжело смотреть на все это. И руки партизан крепче сжимают карабины…

На станции Соблаго мы явились свидетелями мужества и стойкости советских железнодорожников. Красная Армия потеснила врагов к Торопцу. Нужно было быстрее восстановить разрушенный путь, чтобы пустить поезда с боевой техникой и подкреплением. Но немецкие самолеты не давали возможности завершить ремонт дороги. Стоило железнодорожникам приняться за дело, как над головой появлялись вражеские бомбардировщики. Много погибло здесь смелых людей, но никакие жертвы не остановили мужественных патриотов — ночью поезда были пущены.

Вскоре отряд сошел с большака и направился по глухим проселочным дорогам в сторону Великих Лук. Несколько раз нас замечали немецкие летчики. Они налетали, как стервятники, стараясь расстрелять отряд из пулеметов.

Боровской раздобыл две немецкие повозки и, взяв с собою пятерых партизан, выехал вперед. Мы пошли следом за ним.

Здешние места были свободны от немцев и их прихлебателей. Видимо, неплохо поработали здесь партизанские отряды Ленинского, Сережинского и Торопецкого районов под командованием коммунистов И. М. Круглова, П. П. Синицына и Г. А. Климова.

ВЕРЕНИЧ Д. Д.

ПОПОВЦЕВ П. Я.

ГОРЯЧЕВ Н. И.

ВОРЫХАЛОВ В. Е.

БЕЦЕНКО В. М.

СОКОЛОВ В. Д.

КУЗЬМИН К. М.

НЕФЕДОВ А. Ф.

3. Расплата

На ночевку, как всегда, расположились по два-три человека в доме. Немцев поблизости не было, и Веселов, учитывая трудный путь в дальнейшем, распорядился отдыхать без часовых. Изба, где мы устроились с Поповцевым, стояла на краю деревни Савастеево.

Хозяйка, добрая и приветливая старушка, тотчас затопила времянку, принялась готовить ужин. Мы подсели с мороза к огню и с удовольствием стали подбрасывать в топку колечки золотистых стружек, валявшихся на полу.

— Чья работа, бабушка? — спросил Поповцев, указывая на новенькие кадушки.

— Старик мой Сидор мастерит. Он у меня хороший бондарь.

— А где же он?

— С утра позвали в другую деревню гроб делать, вот до сих пор и нету. Наверно, самогону нажрался, проклятый.

Мы с аппетитом поели картошки с солеными огурцами, поблагодарили хозяйку и завалились на мягкую постель.

— Спите, сынки, — сказала хозяйка, завешивая кровать ситцевой занавеской.

Утром я проснулся первым. На дворе светало. Не желая тревожить Поповцева, осторожно оделся, вскинул на плечо карабин и вышел на улицу. Кругом стояла мертвая тишина, лишь кое-где пели запоздалые петухи. Все белело от густого пушистого инея. Спустившись с крыльца, я заметил свежие следы сапог. Следы уходили за деревню. «Немцы», — мелькнула тревожная мысль. Я вернулся в избу.

— Ой, сынок, кажись, неладное стряслось, — всплеснула руками хозяйка.

Она рассказала, что поздно ночью приходил ее Сидор, а с ним люди в белых халатах и с винтовками. Двое зашли со стариком в дом, напились воды и молча вышли.

— А хозяин?

— Хозяина взяли с собой. Положил он инструмент и ушел, шибко напуганный.

— Они говорили что-нибудь?

— Ни словечком не обмолвились, сынок. Злые. Так глазищами по сторонам и шнырят.

Я почувствовал, как по телу пробежал неприятный холодок.

— Вот так номер, — вскакивая с постели, проговорил Поповцев.

Он слышал, что ночью в доме топтались какие-то люди. Не

подозревая об опасности, Павел перевернулся на другой бок и снова уснул. Было ясно — мы уцелели благодаря случайности.

Отыскав Веселова, я рассказал ему обо всем. В это время недалеко затрещал пулемет. Мы выбежали на улицу и, заряжая на ходу карабины, бросились к околице.

Веселов приказал занять оборону. На фоне темного леса, в конце заснеженного поля, виднелся небольшой погост. Оттуда доносились выстрелы. У часовни метались фигуры людей. Вскоре стрельба прекратилась, и на дорогу выполз большой обоз. Едва он скрылся в лесу, я взял с собой Поповцева и Ворыхалова, и мы втроем пустились на лыжах через поле.

— Может, Сидора моего увидите, гоните его домой. Он в заячьей шапке! — крикнула нам вслед хозяйка.

Мы шли по свежему следу фашистских разведчиков. Почти у самой часовни, уткнувшись лицом в сугроб, лежал убитый. В стороне валялась пушистая заячья шапка…

— Вот он, наш Сидор, — сказал Поповцев, перевертывая застывшее тело.

Он был застрелен в затылок. Ворыхалов поднял со снега шапку и накрыл ею лицо старика.

У кладбищенской ограды лежали расстрелянные люди. Чуть дальше, на дороге, у саней, мы увидели семь изуродованных красноармейцев. Оказалось, что поздно вечером из Великих Лук сюда прибыл большой карательный отряд немецко-финских фашистов. Они схватили возвращавшегося деда Сидора и велели вести их к нему домой. В деревне было тихо, и враги ничего подозрительного не нашли там. Они приказали вести их обратно.

Не хотелось старому Сидору тащиться в поздний час из дому, но враги пригрозили оружием. Боясь, что старик разболтает об их приходе, они застрелили его.

Утром у погоста неожиданно появилась красноармейская разведка. Каратели издали заметили ее, подпустили вплотную и открыли сильный огонь из пулеметов.

Разведчики не растерялись. Они соскочили с повозок и с криком «ура» бросились на врагов. Завязалась смертельная схватка. Немало карателей полегло от меткого огня советских воинов, но борьба была неравной. Последний боец, истекая кровью, с проклятием швырнул во врагов гранату и, прошитый пулеметной очередью, упал на дорогу.

Ошеломленные дерзостью русских разведчиков, каратели учинили дикую расправу над мирными жителями, расстреляли всех, кто попал им под руку. Затем погрузили на повозку убитых солдат и, боясь расплаты, поспешили убраться восвояси.

Этот случай, когда чуть не решилась судьба отряда, послужил

нам уроком. Караульная служба стала для нас святым делом.

Маршрут, оставленный Боровским, совпадал со следом карателей.

Близ густого ельника отряд наткнулся на убитую лошадь с перевернутыми дровнями. На дровнях сидела большая черная собака. Высоко задрав морду, она протяжно выла. При нашем приближении собака нехотя отошла в сторону и, поглядывая на нас, молча села.

— Чего это так воет пес? — заинтересовались мы. Ребята перевернули дровни и в ужасе замерли. Под дровнями, обняв двух малышей, лежал седой, как лунь, старик. Испуганные детишки, судорожно ухватившиеся за полы дедушкиного тулупа были прошиты автоматной очередью. Мороз пошел по коже при виде этого страшного зрелища.

— Видно, дед с внучатами, — сказал Володя Баранов.

Все молчали. Каждый из нас в эту минуту думал об одном: этого так оставлять нельзя. Враг должен сторицей получить за свои преступления.

Надев шапки, мы двинулись дальше. Собака бросилась к дровням, уткнулась мордой в трупы и завыла пуще прежнего.

На дороге у хутора нам повстречался обросший и оборванный инвалид. Затягиваясь крепким самосадом, он хриплым голосом предупредил:

— Не ходите туда. Там недавно уложили шестерых. Вон они… на поле, около Малой Сосновахи.

— А немцы есть? — спросил Веселов.

— Не знаю. Утром были.

— Надо проверить, может быть, Боровской попался, — сказал командир.

К убитым пошли Поповцев, Горячев и я. Это была опасная разведка: днем, на виду. Мы двигались на лыжах осторожно, стараясь прятаться за редкий кустарник.

Первый труп лежал недалеко от кустов. Убитого мы не смогли опознать — лицо его было разворочено разрывной пулей. Второй лежал дальше. Смахнув с лица убитого снег, Горячев испуганно посмотрел на нас:

— Связной Боровского…

Очевидно, немцы нарочно подпустили разведчиков к деревне, а затем напали на них. Партизаны, отстреливаясь, отходили к лесу. Одного за другим каратели убили их.

Третьим оказался Боровской. Лейтенанта узнали только по одежде. Враги добивали его прикладами.

Но карателям нелегко досталась победа. Снег вокруг трупа был сильно утоптан. В нескольких местах чернели пятна

вражеской крови. Здесь же валялись стреляные гильзы от пистолета «кольт» и голубой конверт от секретного приказа. Сам приказ, по нашему предположению, Боровской сумел уничтожить.

Мы зарыли лейтенанта в снег, а когда вернулись на хутор, попросили крестьян похоронить наших погибших товарищей.

Идти дальше по маршруту Боровского было рискованно, и мы решили податься правее.

Конечно, будь нас больше, мы сумели бы отомстить врагам за все. Но силы были неравные — нас двадцать, а карателей, по рассказам местных жителей, — около двухсот. Но, как говорится, бог шельму метит.

Неожиданно нас нагнал лыжный батальон красноармейцев. Мы рассказали бойцам о случившемся. Командир батальона, смелый и решительный человек, приказал преследовать врагов.

— Хотите быть в компании, идите с нами, — предложил он.

Мы с радостью согласились.

К вечеру фашистский отряд был обнаружен в соседнем селе. Без шума батальон приблизился к домам. Взвилась красная ракета, а вслед за ней грянуло дружное «ура».

Мало кому из карателей посчастливилось уйти. Им отплатили и за Боровского, и за детей, и за деда Сидора. Позже выяснилось, что отряд карателей принадлежал специальным частям «СС» под грозным названием «Череп».

Через два дня наш отряд, миновав крупные деревни Гороховье и Сидоровщина, приблизился к железной дороге Новосокольники — Дно. Использовали и охраняли ее немцы и финны. Разведка, возглавляемая Горячевым, обнаружила немецкую экономию, куда враги согнали большое количество захваченного скота и целый табун лошадей, предназначенных для гитлеровской армии.

Мы наведались туда, щедро одарили жителей близлежащих деревень буренками, выбрали себе с десяток хороших рысаков и, забрав изменника-управляющего (полицейские убежали раньше), покинули опустелое хозяйство.

Под вечер вышли на исходный рубеж к железной дороге. Была тихая ночь. Ярко светила луна, искрился разноцветными огоньками недавно выпавший снежок.

Отряд двигался по открытому полю. В морозном воздухе далеко разносились скрип повозок и фырканье лошадей. Где-то рядом лаяли собаки, слышались людские голоса.

Верхом на коне показался разведчик Баранов.

— Давай, — махнул он рукой.

Сытые кони вмиг достигли переезда, и мы очутились по другую сторону линии.

За ночь проехали километров сорок. Когда стало светать, устроили суд над изменником-управляющим.

— Смотри, — сказали мы ему, — ты стоишь на плененной земле, а карают тебя свободные советские люди. Люди, которых ты променял на скот.

Приговор был суров. Фашистский прихвостень получил по заслугам.

4. Мы действуем

Однажды на привале ребята услыхали короткие автоматные очереди. Мы засекли направление выстрелов и выслали туда трех разведчиков. Через два часа они вернулись. К нашему удивлению, их было уже не трое, а человек двенадцать.

— Братву батьки Литвиненко ведем! — восторженно кричал Горячев.

Радости не было границ. Дело дошло до объятий.

Чтобы добраться до штаба Литвиненко, находившегося в деревне Морозово, нужно было сделать около двадцати километров. Мы прибыли туда в полдень. Сам Литвиненко вышел встречать нас. Он был в кубанке, кавалерийском полушубке и меховых унтах. Придерживая маузер, Литвиненко крепко пожимал наши руки.

— Первая ласточка прилетела, — улыбаясь, говорил он.

Литвиненко подробно расспросил нас о гибели лейтенанта Боровского, о наших первых боевых делах, а под конец сказал:

— Что ж, хлопцы, будем робыть разом. А зараз отдыхайте…

Горячев в кругу ребят старался копировать Литвиненко:

— Ну что, братва. Будем рубить немцев!

При этом он искренне сожалел, что не имеет маузера.

Наша группа остановилась в двух километрах от штаба, в деревне Кряковка.

В ту пору партизанское движение было еще невелико, а поэтому немцы чувствовали себя вольготно. Они бесцеремонно разгуливали по проселочным дорогам, заходили в избы, требуя продуктов:

— Яйки, яйки даешь…

И тут же заодно забирали теплые вещи: валенки, шапки, полушубки.

В сорок первом году был на редкость обильный урожай хлеба. Крестьяне по традиции собрали его коллективом, разделили между собой и спрятали от врагов.

В деревни часто наведывались немецкие заготовители. Они читали грозные приказы командования. Но крестьяне хитро водили гитлеровцев за нос.

— И рады помочь, да нечем, — говорили они, показывая пустые амбары.

Заготовители ругались и, несолоно хлебавши, поворачивали пустые сани обратно.

Но не только по хлебным делам наезжали гитлеровцы. Они выбирали и назначали старост и полицейских.

В те времена много разного люда проживало в деревнях, на оккупированной территории. Одних не успели взять в Красную Армию, другие попали в окружение или вырвались из немецкого плена и теперь ждали момента, чтобы перейти линию фронта.

Немало гнездилось по деревням и преступников, выпущенных гитлеровцами на свободу. Они жили на широкую ногу, гнали самогон. Лютой ненавистью ненавидя советский строй, они шли на всякую подлость: выдавали немцам сельских активистов, семьи военнослужащих и всех тех, с которыми имели какие-либо личные счеты.

Но среди старост и полицейских были и люди, не только сочувствовавшие, но и помогавшие нам в борьбе с оккупантами. Были и такие, которых специально оставляли на оккупированной территории подпольные партийные и советские организации, армейские штабы. Какой выдержкой, силой воли должны были обладать они, постоянно встречая, презрительный взгляд односельчан, выслушивая слова проклятий! И так длилось не день и не месяц. И только значительно позже, когда земля вновь стала свободной, народ узнал правду об этих стойких борцах, об их мужестве и героизме.

Как родник, пробивая почву, набирает силы, так с каждым днем росло и крепло партизанское движение. Партизаны все чаще стали появляться в деревнях и селах. Народная молва преувеличивала их подвиги. И в этом не было ничего удивительного: народ так истомился в фашистском рабстве, что хотел видеть своих освободителей выдающимися героями.

Так случилось и на этот раз. С приходом нашей группы население пустило слух, что к Литвиненко прибыл из советского тыла целый полк хорошо вооруженных бойцов. В одном селе нам рассказывали, что молодой партизан захватил в плен двадцать пять гитлеровцев. Мы слушали эти истории и невольно вспоминали былинных русских богатырей.

В это время Литвиненко провел две боевые операции, в ходе которых было уничтожено много фашистов и военной техники.

Мы разъезжали по деревням, рассказывали людям о разгроме немцев под Москвой, распространяли свежие листовки.

Колхозники, оставшиеся в деревнях по различным обстоятельствам, зашевелились. Они вооружались чем могли и записывались в партизанский отряд. Ряды народных мстителей росли с каждым днем.

Попадая в умело расставленные сети, гитлеровцы тоже вынуждены были заговорить о партизанах. Правда, в те дни они еще не верили в силу нашего оружия, называли партизан бандитами и обещали скоро выловить их всех до единого.

В тылу врага нам пришлось увидеть фашистский «новый порядок». Здесь мы услышали слова, о которых когда-то только читали в книгах: община, земский двор, бургомистр, жандарм. Многое вернули гитлеровцы из прошлого, вплоть до лучины. Порой можно было подумать, что жизнь отбросила нас на целый век назад.

Через неделю наша группа вышла на первую диверсию — к станции Идрица. Нужно было подорвать полотно железной дороги. Дорога имела важное стратегическое значение: по ней немцы подвозили войска и боевую технику к фронту.

На операцию выделили семь человек. Поздно вечером нас подвезли на лошадях к реке Великой. Мы попрощались с товарищами и отправились в путь. Дувший, с вечера ветерок крепчал. Вскоре повалил снег, и началась ужасная вьюга.

Мы долго искали переправу. Нам было непривычно видеть в морозную зиму незамерзшую реку. Наконец нашли подходящее место и осторожно перебрались на другой берег.

Шли медленно, все время проваливаясь в рыхлый снег. После трехкилометрового пути неожиданно наткнулись в потемках на крестьянский двор. Из подворотни залаяла собака. На наш стук вышел рослый мужчина. Увидев перед собою вооруженных людей в белых маскхалатах, он принял нас за немцев. Но когда Веселов спросил его, далеко ли немцы, хозяин понял, кто мы.

Оставив на улице часового, вошли в избу. Хозяин зажег семилинейную керосиновую лампу, и в доме сразу стало уютно. Мы попросили занавесить окна. Пожав плечами, мужик стал возиться с занавесками. Стены и переборки избы были оклеены листами из иллюстрированных немецких журналов. Чего здесь только не было: и цветные фотографии Гитлера, Геринга и Розенберга — «правителя» оккупированных восточных областей, и снимки гитлеровских вояк, орудий, танков, самолетов. На фотографиях были колонны русских военнопленных, разрушенные советские города, горящие села. И всюду хвастливые надписи.

Хозяин уловил наши взгляды.

— Да, тяжело бороться с ними… — как бы невзначай молвил он.

— Ничего, на нашей стороне правда, — ответил Володя Баранов.

— На правде далеко не уедешь, — проговорил хозяин. — У них сила.

— Наша сила сильнее, — вступил в разговор Веселов.

— Уж не себя ли вы считаете за силу? — с ехидством спросил мужик.

— А хотя бы и себя, — обрезал я.

Мужик замолчал, спрятав глаза.

Часа через полтора метель немного стихла, но ветер завывал по-прежнему. Хозяин вышел вслед за нами. Мы надели лыжи и, чтобы скрыть свой истинный маршрут, направились в противоположную сторону.

Разговор в избе оставил неприятный осадок на душе.

— Есть сволочи на белом свете, — вспомнив мужика, проговорил Веселов. — Сидит себе на печке и ждет хорошей жизни от «новых» хозяев. Такой тип ни за грош продаст человека…

С трудом пробравшись через густой ельник, мы пошли по краю темного леса.

Впереди показалась широкая полоса Витебского шоссе. Чтобы перейти его, сняли лыжи. Сделали это умышленно. Дело в том, что немецкое командование во всех своих приказах не уставало повторять, что всякий человек на лыжах считается партизаном, а лыжный след — партизанским.

Один за другим вышли на укатанное автомашинами шоссе. Кругом — ни души. Только уныло шумят могучие сосны, да гудят телефонные провода.

Пройдя с полкилометра, круто свернули в сторону и скрылись в лесу. Шли по компасу. Идти ночью по лесным дебрям и сугробам трудно. Ребята начали сдавать. От усталости клонило в сон.

В четвертом часу устроили привал. Все, за исключением часового, ткнулись в снег и моментально заснули. Но январская стужа скоро взяла свое. Через час, лязгая от холода зубами, поднялись. Было еще темно. Ветер раскачивал высокие сосны, гнал сверху колючую крупу.

— Сейчас бы под одеяло, — вздохнул Ворыхалов. Ему никто не ответил, но каждый, наверно, подумал в эту минуту о домашнем уюте.

— Пошли, — коротко приказал Веселов.

Промокшая от снега одежда быстро покрылась ледяной коркой. Маскхалаты напоминали грубую брезентовую робу. Идти стало еще труднее. Только к утру мы выбрались из леса на большое поле. Вдали виднелись силуэты строений. Посоветовавшись, решили зайти обогреться. Выбрали большой дом. Постучались.

Распахнулась дверь. На пороге показался человек с фонарем в руках.

— Вам кого? — спросил он.

— Да вот в гости заехали, — сказал Веселов.

— Вы не туда попали. Здесь управа, — ответил незнакомец.

Потоптавшись у здания, пошли дальше. Начинало светать. Снег заметал наши следы.

Весь день мы провели на ногах.

Был уже поздний вечер, когда до нас долетел протяжный паровозный гудок. Близость цели ободрила ребят. Веселов надел очки. Он всегда надевал их в ответственные моменты.

— Ну, ребята, держись, — сказал он.

Но до железной дороги было еще далеко. Мы добрых сорок минут пробирались по мелколесью, прежде чем увидели стальные пути. Шли осторожно, часто останавливались.

— Кто-то стоит, — с тревогой сказал Веселов, показывая на черный силуэт.

— Куст можжевеловый… — всматриваясь в мутную даль, ответил Удалов.

Веселов, проклиная плохое зрение, в сердцах выругался.

Мы уже начали сомневаться: был ли это гудок, как вдруг увидели перед собой ленту огней.

Паровоз, замедляя ход, приближался к железнодорожному разъезду. Вот он остановился, тяжело дыша. Мы подползли ближе к полотну. В освещенных окнах пассажирского вагона мелькали фигуры гитлеровцев. С любопытством наблюдая за скопищем врагов, находившихся от нас в нескольких шагах, мы не сообразили, что предпринять.

— Сюда бы батьку Литвиненко с отрядом, он дал бы им прикурить, — шепнул мне Горячев.

Веселов протер очки и жестом приказал идти за ним. Остановились в глубоком овраге.

— Ну, кто пойдет? — Веселов испытующе посмотрел на каждого.

Ребята зашевелились. Горячев, Удалов, Поповцев и другие подняли руки.

Не хотелось упускать интересного дела, и я уговорил Веселова послать на диверсию нас троих: Горячева, Удалова и меня. Мы взвалили на плечи взрывчатку и не спеша пошли к линии. Метель еще не утихла. Она надежно прикрывала нас от постороннего глаза.

Показались телеграфные столбы. Через пять минут мы были на железнодорожной насыпи. Дорога шла в две колеи. Мы внимательно осмотрели пути. Один был ржавый, другой поблескивал стальной синевой — по нему ходили поезда.

— Человек… — трогая меня за рукав, проговорил Горячев..

Действительно, по линии кто-то шел с фонарем в руках. Мы поспешно спрыгнули в кювет и притаились там. Это оказался

обходчик. Ни нас, ни наших следов он не заметил. Через минуту у рельса лежали толовые шашки. Удалов прикрыл меня от ветра и снега маскхалатом, а я зажег спичку. Бикфордов шнур со свистом выбросил струйку пламени. Мы побежали к кустам. Через минуту раздался взрыв, но ни ракет, ни выстрелов не последовало. Очевидно, немцы из-за метели ничего не слышали.

Притаившись в кустарнике, мы с нетерпением стали ждать поезда. Время тянулось томительно медленно. Наш слух напрягся до такой степени, что начались галлюцинации. Порою казалось — поезд рядом. Но проходила минута за минутой, а его все не было.

— А вдруг самого Гитлера кувырнем, — дуя на озябшие руки, пошутил Удалов.

— Может быть, и кувырнем, — в тон ему ответил я.

— Тогда сразу война кончится. Да?

— Должно быть, так.

Удалов начал было клевать носом, но в это время раздался пронзительный вой сирены. Из-за поворота с шумом выскочила бронедрезина с пассажирским вагоном. Она стремительно приближалась к месту взрыва. Послышался скрежет металла и звон битого стекла. Сделав резкий поворот влево, вагон грохнулся под откос. Полетели искры, что-то вспыхнуло и загорелось. На время все стихло. Лишь продолжала завывать неугомонная вьюга, да клубилось пламя у перевернутого вагона.

Мы понимали, что немцы так не оставят этого дела и постараются напасть на наш след. Так и есть. В небо взвились красные ракеты. Отрывисто заработал пулемет…

Несколько дней спустя разведчики Литвиненко принесли нам данные о результатах диверсии. Мы узнали, почему не попал в нашу ловушку пассажирский поезд. Оказывается, в ту ночь по станциям был дан приказ немецкого командования — незамедлительно пропустить специальную бронедрезину с вагоном, в котором ехали пятьдесят гитлеровских офицеров. Во время крушения больше половины их было убито и ранено.

В тот же рейд мы взорвали мост через реку Великую и устроили там засаду. Засада, правда, не удалась: к мосту подошли два танка.

Литвиненко, узнав о наших делах, специально приехал в Кряковку поздравить нас с боевым успехом.

— Молодцы, — сказал он. — Будьте, товарищи, и впредь смелыми бойцами, громите фашистов, помогайте пашей Красной Армии.

Ночью мы вместе с отрядом Литвиненко нагрянули в бывший совхоз «Поддубье». Здесь гитлеровцы сосредоточили большое количество лошадей, скота и птицы для снабжения своей армии.

Немцев там не было, а их прислужники — управляющий и несколько полицейских — не оказали нам никакого сопротивления. Мы их забрали с собой, чтобы осудить, а лошадей, скот и птицу раздали местному населению.

Февраль был на исходе. Все ярче светило солнце, все больше грело оно остуженную зимними ветрами землю.

С приходом весны оттаивали, становились мягче и сердца людей. И несмотря на то, что кругом были враги и было неизвестно, сколько еще продлится война, — все становились добрее, чаще улыбались, старались сделать друг другу приятное.

В такие дни вспоминалось, мирное время, девчата, с которыми вместе учились, дружили, в которых молча влюблялись…

Я тоже не раз вспоминал одноклассницу, белокурую девушку с косичками. Перед самой войной я учил ее кататься на велосипеде.

И вот теперь все чаще вставал передо мной ее образ, ее улыбка, слышался ее голос, слова песни, которую она пела:

…Близится лето, солнцем согрето.
Счастьем сияет весна…

Как бы хотелось вернуть довоенное время!

Почти всю зиму вместе с отрядом Литвиненко мы пробыли в тылу врага. Громили немцев, уничтожали полицейских, бургомистров и других предателей.

Многому научил нас храбрый командир.

Срок нашего задания подходил к концу. Мы раздали последние листовки, запрягли лошадей и, простившись с боевыми товарищами, направились к линии фронта.

Покидая Кряковку, я не думал, что нам придется в две последующие военные зимы вновь побывать здесь. Но об этом рассказ пойдет ниже.

Следуя в советский тыл, мы задались целью вывести к своим побольше окруженцев, которые укрывались в лесах и деревнях. Разрозненные, они не знали, что предпринять, с чего начать борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

За неделю нам удалось встретить семнадцать командиров Красной Армии. Среди них были танкисты, артиллеристы, летчики.

Сначала они относились к нам, юнцам, с недоверием. Но ледок недоверия скоро растаял.

На одной из стоянок, когда мы вновь пересекли линию Новосокольники — Дно, в деревню неожиданно прикатили три

эсэсовца. Наши ребята сидели на завалинке и преспокойно курили, наслаждаясь коротким отдыхом. Вдруг прямо к избе мчатся сани с тремя гитлеровцами. Владимир Баранов бросается к взмыленной лошади и хватает под уздцы. Остальные подбегают с карабинами. Ошарашенные гитлеровцы таращат глаза и неохотно поднимают руки. На шапках у них эмблема карателей — белые кости и череп. Оказывается, в соседнюю деревню прибыла рота эсэсовцев. Немцы и не предполагали, что здесь могут находиться партизаны.

Пока мы приводили в исполнение приговор, часовой увидел, как из соседней деревни выехало человек тридцать фашистов. Схватив лыжи, мы бросились им наперерез.

Фашисты заметили нас и стали на ходу отстреливаться. Мы залегли и открыли прицельный огонь. Еще восемь врагов нашли смерть на снежном поле.

В деревне, где только что побывали эсэсовцы, нас окружила толпа взволнованных людей. Перебивая друг друга, крестьяне рассказывали, как каратели загнали их в сарай и готовились сжечь. Только близкие выстрелы партизан помешали совершить им черное дело. Жители деревни плача благодарили нас за спасение.

Через два дня группа соединилась с частями Красной Армии.

В советском тылу мы пробыли около месяца. В ту пору в Кувшинове находился штаб Калининского фронта. Немцы знали об этом и часто бомбили город. Однажды днем налетели девятнадцать стервятников. Наши зенитчики сбили сразу пять самолетов. В одном месте упали рядом два штурмовика. Народ бросился к самолетам. Побежали и мы. Как сейчас помню: в снегу валяется оторванная голова фашистского летчика.

Какой-то старик швырнул в нее комком снега, плюнул и злобно сказал:

— У, паразит…

В толпе кто-то хихикнул, а старик горестно проговорил:

— Они у меня меньшого сына убили…

В одну из бомбежек мы потеряли нашего бойца Сашу Семенова. Он был насмерть сражен осколком бомбы. Сашу хоронили с воинскими почестями.

5. Под Насвой

В середине апреля 1942 года наша группа вновь переходила линию фронта.

Снег почти стаял. Увязая по колено в грязи и воде, пробирались мы темной весенней ночью к железной дороге Новосокольники — Дно. Нас провожала армейская разведка. Впереди и по сторонам взвивались немецкие ракеты, эхом доносились глухие пулеметные очереди.

Мы желали лишь одного — скорее миновать железную дорогу. Из-под ног то и дело взлетали вспугнутые чибисы. Они подолгу кружились над нашими головами, нарушая тишину предательским писком.

Часа в два ночи подошли к станции Насва — гнезду немцев и полицейских. Попрощались с армейской разведкой и, огибая станцию, стали переходить железнодорожную насыпь.

Неожиданно из-за поворота темной громадой выполз бронепоезд. Группа оказалась разделенной на две части. Пришлось залечь. Сверкнув огнями, вражеский поезд растаял в ночной мгле.

Сразу за линией началась глинистая, вязкая пашня. С трудом переставляя ноги, мы медленно шли на запад. Как назло, рядом вспыхнул пожар. Зарево осветило окрестность. Впереди не было ни одного кустика, за которым можно было бы укрыться.

Начал брезжить рассвет, когда, усталые от ночного похода, мы вышли к спящей деревушке. Горячев подбежал к столбу и долго читал название деревни, написанное по-немецки.

— Артимоново… — наконец сказал он.

Идти дальше было опасно. Мы выбрали заброшенный дом на отшибе и, осмотревшись кругом, быстро зашли внутрь. Здесь нам предстояло провести долгий и тревожный день.

Только уснули — часовой разбудил нас.

— На дороге немцы, — доложил он.

Мы с Веселовым влезли на чердак. Мимо дома проходил обоз. Человек сорок гитлеровцев шли и ехали, громко разговаривая.

— Да, местечко выбрали ходовое, — сказал наблюдатель.

До обеда мы еще два раза видели немцев. Во второй половине дня случилось непредвиденное. К нашему дому, играя в лошадки, прибежали деревенские ребятишки.

Впереди скакал мальчишка лет восьми. За ним, держась за веревку, гналась девочка. Надо было немедленно что-то предпринять.

Если выйти из дома, ребята испугаются, убегут в деревню и

расскажут там о нас. У Горячева быстро созрело решение. Он снял оружие, схватил в руки попавшуюся веревку и, как ни в чем не бывало, сел на завалинку.

Детишки подбежали к крыльцу. Девочка, заливаясь смехом, крикнула:

— Тпру!

Раскрасневшийся мальчуган готов был уже подняться на крыльцо и шмыгнуть в открытую дверь, но тут Горячев спросил их:

— Ребята, не видели здесь лошадь?

Дети посмотрели на него удивленными глазами, переглянулись и замотали головой.

— Не видели, — сказал паренек.

— А я видела, а я видела! — залепетала девочка. — Ее вчера угнал, немец, вон туда, — и махнула рукой по направлению к станции Насва.

Николай несколько минут разговаривал с ребятами, а потом, вскинув на плечо веревку и хлопнув парнишку по плечу, сказал:

— Пошли по домам.

Девочка снова надела на своего «коня» веревку, дернула вожжами, и они побежали прочь. Горячев стал свертывать папиросу, — видно, и он немало переволновался.

— Ну, как? — спросили мы у него.

— Вроде обошлось.

Время тянулось мучительно медленно. Минуты казались часами.

По деревне проехали две автомашины с немецкими солдатами.

Наши нервы напряглись до предела.

Вскоре наблюдатель сообщил, что опять видит ребятишек.

На этот раз их было уже четверо. Впереди бежала знакомая нам парочка. Ребятам, видно, нравился этот заброшенный дом.

Горячев вышел на улицу. Дети, увидев его, круто повернули и бросились наутек.

— Ребята! Катя! Куда вы?! — закричал он.

Но остановить их было невозможно. Горячев вернулся. Настроение у всех было скверное.

Время подходило к пяти.

Мы молча сидели в своей ловушке, страстно желая, чтобы скорее стемнело или пошел проливной дождь, — может, тогда не каждый разохотится прийти сюда. Но в тот день, как назло, светило яркое солнце и на небе не было ни облачка.

— Мужики идут! — крикнул наблюдатель.

— Приготовиться! — приказал Веселов.

Щелкнули затворы. В доме воцарилась мертвая тишина.

— Начинается, — шепнул мне Веселов.

Четверо мужчин без оружия разбились по двое, стали обходить дом. Мы поняли их замысел.

Я взял Поповцева и вместе с ним вышел навстречу мужикам.

— Эй, не видели здесь парня с лошадью?! — крикнул я басом.

Мужики остановились.

— Чего молчите? Вас спрашиваем! — в сердцах сказал Павел.

— Никого не видали, — ответил за всех длинный детина. — Мы в поле идем.

Мужики, потоптавшись на месте, повернули. Они на самом деле пошли в поле и долго ковырялись там, может быть, для вида.

Веселов взглянул на часы.

— Шесть. Надо собираться.

Хотя до темна еще добрых два часа, оставаться здесь дальше опасно. Далекий лес у горизонта манит к себе. Решаем идти прямо по полю.

Шли быстро, не останавливаясь. Когда до леса оставалось не больше полкилометра, мы увидели отряд немцев, человек пятьдесят. Засвистели вражеские пули. Начали отстреливаться. Лес все ближе и ближе, до него каких-нибудь двадцать метров. И тут сраженный пулей падает Витя Моисеев. К нему подбегают ребята, подхватывают на руки и несут. Еще мгновение, и группа скрывается в кустарнике. Немцы стреляют в нашу сторону, но пули летят мимо. Мы останавливаемся, чтобы осмотреть Моисеева. Ранение тяжелое, в лопатку. Что делать?

Нужно искать надежных людей, чтобы оставить его на излечение. Послали в деревню Горячева с Ворыхаловым, но их там обстреляли враги. С Поповцевым идем в другую деревню. Стучимся в дом у околицы. Залаяла собака, вышел испуганный хозяин:

— Уходите, ребята, — говорит он. — Кругом немцы. Карательная экспедиция против партизан идет.

Возвращаемся к отряду.

— Придется идти обратно, — выслушав наше сообщение, решает Веселов.

Ребята приуныли, притихли. Раненый Виктор, сдерживая боль, просит оставить его и идти дальше. Но разве можно бросить в беде товарища?

Окончательно решаем вернуться и наскоро мастерим носилки.

— Вынесем его за линию фронта, потом вернемся сюда, — говорит Веселов.

Всю ночь двигаемся по старой дороге. Переходим опять железную дорогу и уже на рассвете попадаем в такое болото, что едва выбираемся из него.

Достигнув нейтральной зоны, отряд остановился на берегу реки Чернушки, в деревне Борки.

Моисеева сразу же отправили в госпиталь, а сами стали ждать случая, чтобы идти обратно.

В Борках нам пришлось встретить 1 Мая сорок второго года. В честь праздника решили провести торжественное собрание. Отряд расположился на небольшой лужайке. Ребята раздобыли где-то кусок красной материи и покрыли им принесенный из дома столик. Бойцы сразу повеселели, настроение у всех поднялось.

— Президиум будем избирать? — спросил Веселов.

— А как же, — серьезно ответил Володя Баранов. — По всем правилам, как раньше…

Это «как раньше» больно задело наши сердца. Вспомнилось празднование 1 Мая в довоенное время. Бывало накануне праздника все в доме красилось, мылось, подновлялось. Пеклись пироги и другие вкусные вещи. Наконец наступал долгожданный день. Задолго до назначенного срока ребята собирались возле школы. Ветер полоскал алые полотнища флагов. Звучали торжественные марши. Девушки несли в руках нежные цветы яблонь и вишен, искусно сделанные из тонкой бумаги. Стройными рядами мы выходили на главную улицу. Так было… А скоро ли опять так будет?..

В президиум избрали Веселова, Поповцева и меня. Собрание было не совсем обычным. На повестке дня два вопроса: о празднике 1 Мая и о бдительности. Поставить второй вопрос нас заставило одно непредвиденное обстоятельство…

По первому вопросу выступил я, как комиссар отряда. Я рассказал о самом главном — о положении на фронтах, о мужестве советских людей в тылу. Затем под одобрительные возгласы и шумные, аплодисменты бойцов был зачитан приказ командира отряда о праздничном подарке матери-Родине — подрыве вражеского поезда. В то время у нас имелось несколько мин с электрическими взрывателями, и нам не терпелось проверить на практике новую технику.

По второму вопросу выступил Веселов. Дело в том, что днем боец отряда Владимир Арефьев на посту нарушил устав караульной службы. Он сел на землю, поставил к углу сарая свой карабин, нахлобучил на глаза шапку и стал распевать песни. Мимо проходил Веселов. Он незаметно взял арефьевский карабин, а потом громко свистнул. Арефьев вскочил, как

ужаленный, и сразу — за карабин. Карабина нет…

На собрании ему здорово попало от командира и от всех бойцов. Сконфуженный и пристыженный, Арефьев дал слово больше не повторять подобного.

На подрыв немецкого поезда отправились Поповцев, Горячев, Ворыхалов и я. Достигнув железной дороги, мы заложили под рельс взрывчатку с миной. Недалеко от насыпи Поповцев воткнул в землю написанный на небольшой фанерке лозунг «Да здравствует 1 Мая!»

Мы отошли в сторону и стали ждать эшелон. Когда начало светать, со стороны Локни показался немецкий поезд. Ветерок развевает дым паровоза. Напрягая зрение, мы различаем на бронированных площадках орудия. Поезд все ближе и ближе. До места, где заложена мина, остается двести метров, сто… Взорвется или нет?

…К небу взлетает столб черного дыма, раздаются грохот и скрежет железа. Паровоз и платформы летят под откос.

Мы обнимаемся и быстро уводим от этого места.

— Первомайский привет фрицам, — смеется Василий Ворыхалов.

Ярко светит весеннее солнце, пробивается молодая травка. На сердце у нас радостно и хорошо.

В нейтральной зоне мы задержались. Рядом с нами дислоцировался отряд великолукских партизан под командованием Мартынова. Мартыновцы делали вылазки на участок железной дороги Насва — Новосокольники. С их отрядом мы встречались еще ранней весной, когда выходили из немецкого тыла. Тогда в деревню Санники, где стояло охранение местных партизан, внезапно нагрянули финские лыжники-каратели. Они убили несколько партизан и заживо сожгли все население деревни. Потом мы видели место, где разыгралась эта страшная трагедия. Остовы печных труб, груды пепла — вот и все, что осталось от когда-то большой русской деревни.

В первых числах мая, преследуемый карателями, из вражеского тыла вышел отряд Бондарева.

Капитан Бондарев, молодой и энергичный человек, сумел сколотить из окруженцев хороший отряд. Несмотря на многодневные бои с карателями, бондаревцы сохранили боевой дух, захватили много трофеев, в том числе противотанковое орудие, отбитое у немцев под станцией Маево. Бондаревская артиллерия носила громкое название «Чапаевский осколок».

Среди прибывших мы встретили своих старых знакомых, выведенных нами из окружения в марте, — капитана Алексеева и старшего лейтенанта Батейкина. Алексеев был начальником

штаба отряда, Батейкин — начальником санчасти. Повстречали здесь и нашего земляка, кувшиновца Николая Ершова, раненного в ногу.

Отряд Бондарева остановился по соседству в деревне Жары.

Однажды вечером часовые задержали двух неизвестных. Не обыскав, начальник караула привел их в штаб. Бондарев потребовал документы. Один из задержанных выхватил из кармана пистолет и выстрелил ему в голову. Все это произошло мгновенно и было так неожиданно, что находившиеся в штабе партизаны замешкались, а неизвестные выскочили в открытое окно и бросились к лесу. Только за деревней они были настигнуты и застрелены бойцами караульной службы. Мы жалели, что их не удалось захватить живыми и выяснить, кто они такие и откуда.

Бондарева в бессознательном состоянии срочно отправили в Москву. Благодаря вмешательству опытных врачей института имени Склифосовского его удалось спасти.

Через год мне пришлось встретить Бондарева в Торопце. На голове его краснел большой шрам. На вопрос, что он думает делать дальше, Бондарев ответил:

— Бить фашистов.

Вскоре в Жары прибыл уполномоченный Калининского штаба партизанского движения старший политрук Алексей Иванович Штрахов. На базе бондаревского отряда он создал из разрозненных партизанских групп единую партизанскую бригаду, командиром которой был назначен отважный артиллерист «Чапаевского осколка» лейтенант Алексей Михайлович Гаврилов. Это был кадровый командир Красной Армии. Гаврилов командовал партизанской бригадой до освобождения Калининской области от фашистских захватчиков. Потом служил в армии. Незадолго до окончания войны майор Гаврилов геройски погиб под Берлином.

На берегах реки Чернушки, где в 1943 году рядовой Александр Матросов закрыл своим телом амбразуру дзота, был создан партизанский район, служивший перевалочным пунктом на пути к фашистским тылам.

Отсюда в конце мая сорок второго года впервые повели под Себеж свою бригаду Марго и Кулеш, отсюда в тыл врага ушли с бригадой Гаврилов, Штрахов и многие другие партизаны Калининской области.

Руководил партизанским движением в тылу врага областной комитет Коммунистической партии, секретарем которого был Иван Павлович Бойцов. Обком создавал на оккупированной территории подпольные райкомы партии, руководившие

деятельностью партизанских бригад и отрядов. Для населения оккупированных районов областной комитет партии издавал специальный выпуск газеты «Пролетарская правда», листовки, которые партизаны широко распространяли в тылу врага. Коммунисты и комсомольцы являлись ядром партизанских отрядов и организаций, шли в первых рядах народных мстителей, показывая образцы героизма и отваги.

В нейтральной зоне мы пробыли целый месяц. За это время пустили под откос два поезда, взорвали два шоссейных моста, сотни метров железнодорожных путей и провели до десятка боев с немцами и полицейскими. В одну из схваток нам удалось спасти от фашистской неволи тридцать девушек, которых враги гнали на станцию для отправки в Германию. Операцией руководил Поповцев, и все ребята очень завидовали ему, когда девчата наперебой горячо целовали его за спасение.

Близ станции Насва нам удалось подстрелить матерого полицая Максима, а несколькими днями позже мы едва не схватили начальника Локнянской полиции, бывшего деникинского офицера Агамбекова.

На эти операции мы израсходовали весь наш боевой запас: патроны, взрывчатку, гранаты, а когда представилась возможность идти в немецкий тыл, идти уже было не с чем. Пришлось направиться в Торопец, где находился партизанский штаб.

6. Вокруг Невеля

В Торопце к нам в группу влились новые бойцы — наши школьные товарищи из Кувшинова — Виктор Соколов, Николай Орлов, Константин Кузьмин, Федор Попков и другие. Услышав о наших делах, ребята прибыли к нам по доброй воле. Каждый из них горел желанием внести свой вклад в общее дело защиты Отечества. Мы были рады им. Невольно вспомнилась наша родная школа, наши учителя и наставники Мария Ильинична Баранцева, Василий Павлович Шилов, Сальма Юрьевна Вийбус, Мария Павловна Дерябина. Они научили нас не только читать и писать, они открыли нам целый мир, заронили в наши детские души первые понятия о долге и чести, о патриотизме. Слушая их рассказы об иноземных захватчиках, приходивших на нашу землю с мечом и огнем, о битве на льду Чудского озера, о знаменитом Бородинском сражении, мы восхищались мужеством и героизмом наших предков, проникались чувством любви к своей Родине.

— Ну вот, теперь почти весь класс в сборе, — говорил Поповцев. — Вместе учились, вместе будем драться с фашистами.

Худенький, щуплый Соколов не производил впечатления отважного, выносливого партизана. Однако он скоро проявил свои незаурядные боевые способности и стал одним из самых лучших наших бойцов. Смелому, сообразительному, хорошо разбирающемуся в топографии, отлично владеющему оружием Соколову доверяли самые опасные задания. Он подрывал вражеские поезда, снимал часовых, меткими выстрелами из снайперской винтовки уничтожал гитлеровских солдат и офицеров. К тому же Соколов был компанейским парнем, любил пошутить, посмеяться, неплохо пел, и его в отряде очень любили.

В момент подготовки к новому походу Веселова неожиданно отозвали в распоряжение другого штаба. Командование группой принял я. Это меня сильно волновало и беспокоило. Нелегко самостоятельно водить людей по фашистским тылам, кормить, одевать их, выбирать надежные места для привалов, а главное, наносить врагу удары. Во всем нужны сметка, проницательность, а ведь мне всего восемнадцать лет.

Выручала товарищеская спайка: все ребята были смелые, дружные, инициативные, на них можно было положиться.

В один из жарких летних дней 1942 года мы прибыли к реке Ловати, в местечко Купуй. На этот раз нам предстояло перейти линию фронта между Великими Луками и Невелем, у станции Чернозем.

Местечко Купуй было перевалочным пунктом по переброске

партизан на данном участке фронта. Купуй тех дней напоминал Запорожскую Сечь. Каких людей здесь только не было! И бородатые старики, и безусые, вроде нас, ребята, и женщины. Люди разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, латыши, эстонцы и даже… немцы. И одет весь народ был замысловато: кто в сапогах, кто босиком, один в немецком френче, другой в рубашке, третий в шинели, четвертый в фуфайке. Но все были заняты одним делом — подготовкой к походу: чистили винтовки, смазывали пулеметы, делили патроны и сухари, проверяли и укладывали взрывчатку, гранаты, мины. Местечко кишело подобно муравейнику.

Здесь мне встретился старый приятель Альберт Храмов, который тоже готовился с группой партизан перейти линию фронта. Мы решили переходить вместе.

Вечером паромщики переправили нас на другой берег Ловати.

Не теряя времени, мы еще засветло подошли к исходному рубежу. Летняя ночь коротка, а путь предстоит далекий. Каждая минута на учете, мешкать нельзя. Идем без проводника, по карте и компасу. Наиболее опасен переход железной дороги Великие Луки — Невель. Дорога действует и усиленно охраняется. Нам нужно незаметно перейти ее. Долго пробираемся по кустам, стараясь не шуметь. И вдруг — сильный залп! Бойцы наши, ничего не понимая, припали к земле, притаились. Слышно только их тяжелое дыхание. В чем дело? Даю ребятам знак оставаться на месте, а сам, приподнимая голову, ползу вперед, пристально вглядываясь в кусты. Невдалеке замечаю замаскированную батарею и слышу немецкую речь. Вот так номер!.. Чуть не попали в лапы врага. Видимо, немецкие зенитчики, услышав в небе гул, дали залп по самолету.

Напрягая внимание, осторожно, чтоб не хрустнула ни одна ветка, ползем в сторону. Фашистская батарея все дальше и дальше. Останавливаемся, чтобы передохнуть. Страшно хочется курить.

С группой партизан Храмова мы благополучно перешли две железные дороги и сделали около шестидесяти километров по вражескому тылу. После очередной дневки в лесу настал час расставания. Храмову нужно идти на север, нам — на юг. Мы не знаем, что ждет нас впереди и придется ли свидеться вновь.

И вот мы одни. Тишина. Высоко в небе ярко горят звезды, ночь ласкает своей теплотой. Кажется, что все вокруг спит спокойным мирным сном. Но враги не спят, и мы идем, держа оружие наготове. Близится рассвет, все явственнее проступают очертания предметов. По низине клубится белесый туман,

застилая неширокую речку и прибрежные кусты ивняка. Мы подходим к незнакомым постройкам, осматриваем их — нет ли там кого. Надо узнать, где мы находимся. Беру двух человек. По огородам пробираемся в деревню. Осторожно стучим в окно дома. Только бы не залаяла собака. (Ох, уж эти деревенские собаки! Много крови испортили они партизанам. Невольно они становились пособниками наших врагов. Другой раз все идет гладко, и вдруг — собачий лай. Он настораживает немецких часовых, не дает нам осуществить задуманное). На наш стук к стеклу прильнула чья-то лохматая голова:

— Кто здесь?

— Ви хайст дизез дорф? — вместо ответа спрашиваю я. И тут же на ломаном русском языке добавляю:

— Какой деревня? Наши германский зольдат есть деревня?

— Видусово… деревня Видусово. Ваши солдаты сегодня вечером были здесь… Вечером… Ушли…

Так же бесшумно уходим прочь. В кустах рассматриваем карту, находим на ней Видусово и идем дальше по маршруту. Компас выводит нас на большак, и мы, поразмыслив, идем прямо по нему. На пути попадается большой мост через реку, на нем чернеет сторожевая будка, в будке висят брезентовые плащи. Очевидно, охрана заметила нас и сбежала. Сразу за мостом сворачиваем влево, направляемся к маячившим на фоне неба размашистым соснам. С большака вслед нам раздается автоматная очередь, слышны громкие крики. Это охрана подняла тревогу. Мы пробираемся меж частых стволов деревьев и уходим все дальше.

Начинает светать. Пора располагаться на дневку. Выбираем удобное место, ложимся на мягкий мох и засыпаем.

В обед назначаю разведку во главе с Поповцевым. С ним идут Соколов, Нефедов и Смирнов. Ребята уходят, а через несколько минут недалеко слышится частая винтовочная стрельба. Неужели наши напоролись на немцев?

Вскоре выстрелы смолкают, но что-то долго нет ребят. Наконец прибегает встревоженный Соколов.

— Что случилось? — спрашиваю его.

— Убили одного… остальных, не знаю…

Виктор переводит дух, утирается рукавом телогрейки, рассказывает:

— Пришли в деревню Лепешиху. Кругом никого не видно, только мужики косят траву, да бабы белье на речке стирают. Зашли в дом, напились молока и стали выходить. А здесь по нам как чесанут. Ребята побежали к речке, я спрятался под крыльцо и сижу там. Слышу — мужики мимо проходят и говорят, что

комсомольца убили.

Оказывается, траву косили полицейские. Они видели, как ребята пришли в деревню, и устроили засаду.

В этот вечер товарищи так и не вернулись к нам. Не пришли они и ночью.

В целях безопасности решаем сменить место стоянки. Утром мы пробираемся по густому лесу к болотистой речке Язнице и располагаемся на ее берегу. На поиски пропавших товарищей высылаем четверых бойцов.

В лесу тихо, не слышно ни звука. Утренний туман пеленой повис над рекой, и сквозь его кисею едва заметен противоположный берег. Над нами, совсем низко, закурлыкали вспугнутые кем-то журавли. Может быть, их вспугнули те, кого мы ждем?

Над верхушками деревьев поднялось солнце. Туман рассеялся. Место, где мы расположились, оказалось на редкость грибное. Ребята моментально набрали боровиков, разожгли небольшой костер, и вскоре нас защекотал приятный запах жареных грибов.

Часа через три с противоположного берега донесся радостный голос Горячева: — А вот и мы, привет!

Мы увидели четверых наших товарищей. Радости не было границ. С нетерпением ждали, когда они переплывут реку. Но радость наша была омрачена. Поповцев сообщил о гибели бойца Смирнова. Ребята молча обнажили головы.

Скоро вернулись двое других разведчиков. Соколов рассказал, что женщины похоронили Смирнова на берегу реки. Вскоре после этого в Лепешиху прибыл отряд немцев.

Бойцы клянутся отомстить за гибель партизана. К сожалению, сейчас к деревне нельзя подойти незамеченными. И мы даем слово вернуться в эти края.

Было уже темно, когда группа переправилась через Язницу. Долго двигались по густому многолетнему бору и лишь к полуночи вышли к незнакомой деревне. Оставив группу во ржи, я с двумя бойцами пошел к черневшим невдалеке избам. Мы выбрали убогий домишко и тихо постучали. На порог вышел невысокий мужик в полушубке и подштанниках, похожий на чеховского злоумышленника. Он равнодушно посмотрел на нас и, смачно зевнув, спросил:

— Чево надо, ребята?

— Наши есть в деревне?

— Полицейские? А то как же, есть.

— И солдаты есть?

— Солдаты днем были. Говорят, поехали на партизан в

Лепешиху.

— А разве и здесь есть партизаны?

— Похаживают. Нешто не знаете, или вы не здешние?

— Из Невеля мы.

— А-а-а. А я принял вас за топорских. Всегда оттуда приходит ваш брат.

— Нет, батя, со сволочами мы не в дружбе, — сказал я.

— Как? Нешто вы не из тех? — удивился мужик.

— Мы — разведка Красной Армии. Специально пришли переписывать полицейских, чтобы скорее рассчитаться с мерзавцами.

У мужика сон как рукой сняло.

— Ух ты, мать честная! Здесь для вас работа найдется. Округ Невеля сплошь полицейские.

— Нас много, батя. Справимся.

— Ну, дай бог.

Мужик говорил правду. За три года партизанской жизни мы нигде не встречали такого рассадника полицейщины, как здесь.

Пять ночей ходили мы по деревням, расклеивая и разбрасывая листовки. Полицейские пришли в смятение. Многие из них убежали в волостные центры, другие схоронились невесть где.

Впереди у нас много дел. Мы должны проверить, как действуют железные дороги Невель — Полоцк, Невель — Витебск и совершить там диверсии.

Поздно ночью выходим к первой дороге. Ребята работают дружно. Мины замаскированы так искусно, что вряд ли их заметит даже опытный глаз обходчика или патруля. Можно возвращаться, но в карманах у нас лежат новые взрыватели, и нам очень хочется испытать их.

Виктор Соколов советует заминировать телеграфные столбы. Предложение его принимается. Минируем несколько столбов. Взрыватель сработает через двенадцать часов. Отходим в сторону и располагаемся на высоком лесистом пригорке.

На восточной части неба занимается утренняя заря. Скоро немцы пустят свои поезда. Выставляем наблюдателя, а сами засыпаем. Через некоторое время меня будят.

— Поезд идет, — сообщает наблюдатель.

Беру бинокль. Лес скрывает состав, но белая лента дыма отчетливо указывает на приближающийся паровоз. Проходят три, пять минут, и до нас доносится гул взрыва.

— Попался! — ликует Горячев.

На железнодорожной насыпи клубится густая завеса черного дыма. Неистово заработал пулемет, захлопали винтовочные

выстрелы. Через час к месту крушения прибыл вспомогательный поезд, который должен потушить пожар, собрать раненых и убитых, восстановить разрушенный путь.

Мы смотрим на часы. Скоро полдень.

— Сейчас начнется, — говорит Соколов.

Действительно, через несколько минут раздаются один за другим взрывы. Снова строчат вражеские пулеметы.

Затея удалась На славу. Я благодарю Виктора за остроумное предложение. Ребята возбуждены, все радуются. Мы представляем себе панику, которая охватила находившихся на линии немецких солдат. Подумать только — среди белого дня заплясали телеграфные столбы!

Еще не успело стемнеть, как группа пошла дальше, к дороге Невель — Витебск. Расстояние невелико, и мы рассчитываем прибыть туда до рассвета.

В полночь устраиваем привал. Ребята сильно проголодались. У нас ни кусочка хлеба, и мы решаем сходить за продуктами в деревню.

Горячев упрашивает послать его. Я знаю, что ему до страсти хочется достать курева. Подумав, соглашаюсь. Парень он толковый, сделает все как надо. Горячев берет с собой еще двух бойцов. Через час ребята возвращаются. Они несут вареную картошку, кринки с молоком и ржаные лепешки — все, чем могли снабдить их радушные крестьяне. Горячев складывает в кучу ворох свежих табачных листьев и тут же вытряхивает из кармана огромную горсть табака.

— Вот они корешки с листочками, — говорит он с улыбкой и, протягивая кусок газеты, предлагает отведать самосада.

В эту ночь нам не удалось достичь Витебской дороги.

Лишь начало смеркаться, а у нас случилось несчастье. Саша Цветков, подготовляя мину, нечаянно замкнул провода электродетонатора. Раздался взрыв. Мелкими осколками детонатора Цветков был ранен в руки, ноги и живот. Раны были не смертельные, но идти он больше не мог. Смастерив носилки, мы медленно стали выходить из леса.

Ночью группа заминировала железную дорогу Невель — Витебск, перешла ее и двинулась дальше. На нашу беду здесь совершенно не было леса, и нам пришлось торопиться, чтобы затемно миновать открытое место. Носилки с Цветковым казались свинцовыми, мы быстро выбились из сил.

В деревнях уже затрубили пастушьи рожки, когда мы, вскарабкавшись по крутому косогору, с радостью увидели островок деревьев. Это были невысокие, но ветвистые сосенки, как будто специально предназначенные для нас. Бойцы стали

располагаться на отдых. Днем нам пришлось подняться по тревоге. Мимо нас следовал большой обоз немцев. Невдомек было врагам, что всего в нескольких шагах от них находятся партизаны. Немцы ехали к железной дороге.

В сумерки ребята заметили приближающуюся подводу. Когда она поравнялась с нами, мы остановили ее. Старик-ездовой сообщил приятную новость: утром на наших минах подорвался вражеский эшелон — тридцать вагонов с солдатами и грузом. Неплохо сработано, пусть фашисты знают партизан!

Ночью тучи затянули небо, пошел дождь. Скоро мы вымокли до нитки. Теперь наша группа двигалась на восток. Мы шли без карты и лишь поглядывали на светящуюся стрелку компаса.

Во втором часу ночи я взял с собой трех партизан, чтобы зайти в видневшуюся невдалеке деревню. По картофельному полю вышли к черневшим на пригорке строениям. Кругом темно и тихо. Только монотонно шуршит дождь.

Постучались в ближайшую избу. Залаяла собака. В доме поднялась возня, но дверь не открывают. Мы постучали опять. Послышалось сразу несколько мужских голосов.

— Пошли прочь, — сказал я, увлекая за собой ребят.

Едва мы достигли поля, как взвилась и рассыпалась искрами осветительная ракета. Ребята бросились в картофельную ботву. Из деревни донеслись крики и озлобленный лай собак. Пригибаясь, мы быстро стали уходить по борозде. Засвистели над головами пули. Нас заметили. Бойцы подняли на плечи носилки с Цветковым и пошли быстрее. Лай собак становился все ближе. Мы прислушались. На том месте, где только что был наш привал, горланили люди.

— Погоня, — сказал Поповцев.

Достигнув темного бора, мы заняли оборону. Не верилось, чтобы ночью в такую погоду нас могли преследовать.

Четверо бойцов унесли Цветкова в глубь леса, а остальные приготовились к встрече. В течение часа мы терпеливо ждали своих преследователей. Сидя в засаде, ребята еще больше намокли и озябли.

На рассвете еще раз пришлось повстречаться с немцами. Встреча была неожиданной и короткой. В момент перехода одной из проселочных дорог на нас наскочила легковая машина. Бойцы даже растерялись от неожиданности. Черный лимузин мчался прямо на нас. Шофер-немец так опешил, что выпустил из рук руль. Машина на большом ходу свернула в сторону, подпрыгнула в кювете и с маху ударилась радиатором в дерево.

— Огонь! — успел крикнуть я.

Немцы пытались бежать, но это им не удалось. Мы обыскали

трупы трех офицеров, облили машину бензином и подожгли ее.

— Куда это они в такую рань собрались? — сказал Нефедов, указывая на пылавшую машину.

— Ты у них спроси, — засмеялся Ворыхалов, — они тебе сейчас все расскажут.

Когда группа ушла в лес, сзади послышались выстрелы. Видно, немцы наткнулись на своих соотечественников и теперь открыли беспорядочную стрельбу.

Дневку провели в живописном месте на берегу озера.

До обеда мы хорошо отдохнули и привели себя в божеский вид: умылись, починили одежду, выстирали белье, проверили оружие. На той стороне озера временами слышался гул автомобильных моторов. Там, наверное, проходила дорога. Раза два до нас донеслись одиночные выстрелы.

Под вечер мы заметили на озере рыбачью лодку. Бородатый крестьянин выбирал из осоки берестовые поплавки. Я окликнул его. Услышав мой голос, рыбак выпрямился и, приложив ко лбу ладонь, стал вглядываться в прибрежные кусты. Он увидел меня, но не подал вида.

— Отец, нет ли закурить? — крикнул я еще раз.

— Сейчас, сынок. Вот только проверю сеть, — бойко отозвался старик.

Я присел на кочку и стал следить за его работой. Незнакомец ловко подтягивал к себе сеть. В ячейках поблескивала трепещущая рыба. Улов был хороший.

— Что нужно, парень? — спросил рыбак, причалив к берегу.

— Нет ли закурить, батя? — вновь задал я вопрос.

— Есть. Только дрянной табачишко-то у меня.

— Сойдет.

Старик насыпал мне самосада.

— Свой? — спросил я.

— Ты обо мне спрашиваешь? — поднял глаза дед.

— Нет, о табаке…

Мы оба засмеялись.

— Табачок у меня свой, сынок. Где ж другого взять.

— А у немцев разве нет?

— Есть. Только он нам не по вкусу, поганый дюже, — открыто сказал старик.

Поговорили о рыбалке. Я осторожно завел разговор о партизанах. Дед был себе на уме и старался перевести беседу на другую тему. Но я не отставал.

— Партизан полно кругом, а где они располагаются — неизвестно, — уклончиво отвечал мой собеседник.

— Слушай, отец, брось притворяться. Ведь ты своих

обманываешь, — не выдержал в конце концов я.

Старик прищурился.

— Знаем мы своих…

Я вынул партизанский документ и подал ему. Долго крутил и перечитывал его недоверчивый старик, а потом вздохнул и решительно сказал:

— Вот что, парень… Ты Межу знаешь? Она недалеко отсюдова, верст тридцать будет. Вот там и найдешь партизан.

— Далековато… Поближе их нет?

Старик хмыкнул:

— Ишь ты, шустрый какой. Ближе ему подавай. — Он на минуту задумался, перебирая рыбу, потом продолжал:

— Ну, если хочешь ближе, тогда иди в Рудню Серванскую. Найди там хромого Ваську. Скажи, дядька Семен с озера прислал. Он знает.

Дед, видимо, не догадывался, что я не один. Я поблагодарил его за совет, он насыпал мне на дорогу табаку и пожелал счастливого пути.

В Рудню пошли трое бойцов. Хромого Ваську они нашли сразу. Он хорошо принял ребят, почти силком усадил их за стол. Тем временем, пока они ели, дом окружили вооруженные люди. Дело чуть не дошло до потасовки, но скоро выяснилось, что это были белорусские партизаны. Хромой специально вызвал их условным сигналом.

Много было радости у нас в этот день — ведь мы встретили своих товарищей по оружию.

Вскоре наша группа пришла в район Усвяты Смоленской области, в расположение бригады Дьячкова. Вместе с партизанами Дьячкова мы совершили несколько ночных вылазок под город Невель. Добытые сведения о немецких воинских частях и оборонительных сооружениях были переданы штабу Красной Армии.

7. Веренич

Лето было на исходе. Пока держалось тепло и не опали листья, нужно было еще раз пробраться в глубокий тыл врага. После недолгого отдыха мы вторично прибыли на перевалочный пункт Купуй. Места здесь были нам знакомые, и никто не сомневался в удачном переходе линии фронта. На этот раз с нами шел новичок — Дмитрий Веренич, уроженец Пинской области. Судя по его рассказам, он немало испытал в своей жизни. Работал батраком у панов, служил в польской армии. В тридцать девятом году, когда Гитлер направил свои дивизии на Польшу, Веренич попал в плен. В Гамбурге ему удалось бежать. После многодневных скитаний с трудом добрался до границы, перешел ее и случайно наткнулся на русских пограничников. После проверки ему разрешили поехать в родной Лунинец. Вскоре началась война. Веренич в это время работал на железной дороге. Ему выдали броню и эвакуировали в глубь нашей страны. Потом он попал в Кувшиново.

Пренебрегая броней, Веренич упросил меня принять его в отряд и теперь шел вместе с нами. Он, как и все, нес на себе взрывчатку, боеприпасы и листовки.

Поход в тыл врага доставлял Вереничу нескрываемое удовольствие. Но бойцы на первых порах относились к нему с недоверием. Помню, перед выходом в немецкий тыл они подошли ко мне:

— Как бы не утек этот друг в свою Польшу…

Дмитрий Веренич оказался смелым партизаном. Его бесстрашие и отвага, искренность и прямота скоро создали ему непререкаемый авторитет среди бойцов. В бою он всегда был первым. Зимой сорок третьего года Веренич единодушно был избран комиссаром отряда. Однажды Веренич, Поповцев и я проезжали верхом мимо бывшего барского имения. Вереничу захотелось пить. Он попросил нас обождать, а сам поскакал к имению. Когда вошел в дом, там оказались немцы. Пятеро солдат бросились к Вереничу, пытаясь схватить его живьем. Веренич не растерялся. Выскочив из дома и спрятавшись за угол, он быстро снял автомат и короткой очередью из него сразил, первого немца. Перебежав за другой угол, он уложил второго гитлеровца. Услышав выстрелы, мы поспешили ему на помощь. Возле имения мы увидели пятерых убитых вражеских солдат. Последнего из них Веренич уложил прикладом автомата.

— Попить спокойно не дадут, черти, — говорил он, утирая рукавом потное лицо.

В Купуе нам предложили воспользоваться услугами слепого проводника из деревни Мамонькино, рассказали, как найти его, дали пароль.

Лунной ночью отряд подошел к деревне. Здесь кончалась нейтральная полоса и начиналась вражеская территория. Мы отыскали дом проводника. Хозяин быстро вышел на условный стук, словно давно поджидал нас. Седая борода его белела на темном ватнике, густые брови скрывали слепые глаза.

— Ну?.. — спросил он негромко.

— Веди, батя, — сказал я.

Старик повел нас огородами, потом полем. Он вел так быстро, что мы еле поспевали за ним. В одном месте проводник неожиданно стал. Остановились и мы. Я подошел к нему: невдалеке кто-то кашлял. Подождав минуты две, старик свернул влево, пошел сначала медленно, осторожно, а потом ускорил шаг. Недалеко от железной дороги он сошел с тропки.

— Вот так идите, — показал проводник палкой и снял шапку. — Помоги вам бог.

— Спасибо, отец, — отвечали бойцы.

В два ночных перехода группа пересекла две действующие железные дороги и снова оказалась в глубоком немецком тылу. Люди преобразились: стали подтянутее, серьезнее.

В то время из-за своей малочисленности наш отряд не мог нападать на крупные гарнизоны немцев. Но в наших руках было сильное оружие — листовки. В них правдиво освещались военные действия, рассказывалось о партизанском движении. Люди жадно читали их, передавали из рук в руки. Листовки появлялись одновременно в разных селах и деревнях. У страха глаза велики. Немцам и полицейским казалось, что вся местность наводнена партизанами. Гитлеровцы создавали специальные группы для розыска людей, распространявших листовки, но поиски не давали результатов. Опасаясь какой-нибудь неожиданности, полицейские стали по ночам укрываться в больших гарнизонах, а местные жители, довольные трусостью блюстителей порядка, рассказывали им наутро, будто по деревням ночью проходили сотни красноармейцев или отряды партизан.

Из всех листовок нам больше всех нравилась такая.

На лицевой стороне крупным планом был нарисован немецкий солдат в мундире без брюк. Позади солдата на коленях стоял плюгавый человечишка и угодливо лизал длинным языком зад фашистскому вояке. Внизу лаконичная подпись:

— Ты скажи мне, гадина,

сколько тебе дадено?

А на обороте было напечатано:

> «Полицейский! Скоро Красная Армия придет в те места, где ты творишь свое черное, подлое дело. Народ сам выберет тебе заслуженную кару, и ты никуда не уйдешь от нее. Убежища у врага не ищи. Немцы знают, коль ты изменил Родине, то им изменишь всегда. Задумайся над своей судьбой. Вспомни родных, которых ты опозорил проклятым полицейским именем. Сегодня еще не поздно повернуть оружие, быть вместе с народом, но завтра может пробить твой час.
>
> Эта листовка служит тебе пропуском в партизанский отряд или на сторону Красной Армии».

Население с большим удовольствием подбрасывало полиции подобные листовки. Да и сами немцы смеясь дарили их своим прислужникам.

Как-то наша разведка доложила, что в деревне Чернецово стоит казачья часть, которой командует русский подполковник. Что если попытаться уговорить казаков перейти на нашу сторону? Мы написали письмо и переправили с одной смелой девушкой в гарнизон. Письмо было вручено лично подполковнику. Выпроводив всех из штабной комнаты, офицер расспросил девушку об истории письма.

— Это провокация, — сказал он. — Говорите правду, иначе расстреляем.

Девушка была готова к любому обороту дела.

— Я вам сказала правду, — ответила она. — А смерти я не боюсь. Немцы убили моего отца и мать. Вы, русский, хотите расстрелять меня.

Она так посмотрела на офицера, что тот отвел глаза. Они долго говорили между собой. Прощаясь, подполковник сказал:

— О письме забудьте. Передайте своему атаману привет, но предупредите его, чтобы связных ко мне не присылал. За их судьбу не ручаюсь. Мы сами перейдем, когда надо, прямо в Красную Армию. А теперь идите.

Наступил конец сентября. Серебряные паутинки тонким кружевом окутывали ветви деревьев. Было тихо и спокойно. Птицы покинули свои родные места и улетели на юг. Только одинокие синицы, радуясь первым заморозкам, прыгали с ветки на ветку, перекликаясь пискливыми голосами.

Наш отряд стоял недалеко от асфальтированного шоссе Пустошка — Невель. Обстановка была серьезная: почти всюду в деревнях стояли немецкие части. Разговоры велись вполголоса. Старались как можно реже разжигать костры. Но вот однажды в нашем лагере вдруг раздался звонкий заразительный хохот. Мы вскочили на ноги и тут же обнаружили нарушителя дисциплины.

— Ты чего заливаешься? — сердито накинулись мы на него. Боец захлопал глазами.

— Я… так… случайно… вспомнилось… — растерянно оправдывался он.

На следующий день повторилась такая же история. Теперь смеялся другой боец. Оказалось, что кто-то из разведчиков принес в отряд сборник юмористических рассказов. Читая их, ребята забывались и надрывали со смеху животы. Книгу пришлось до времени отобрать.

Ведя разведку и разбрасывая листовки, мы не забывали о диверсиях на железной дороге. Ребята давно надоедали пустить их проверить взрывчатку.

И вот время подошло.

Диверсию наметили провести на участке Новосокольники — Идрица.

Под вечер две тройки партизан вышли к железной дороге. Одна из них, возглавляемая Виктором Соколовым, направилась восточнее Пустошки, другая, во главе с Поповцевым, — западнее. С Соколовым пошли Николай Орлов и Анатолий Нефедов; с Поповцевым — Николай Горячев и Василий Ворыхалов. Остальные партизаны пошли к шоссе Пустошка — Невель. Лес хорошо скрывал нас от постороннего глаза, и мы двигались днем.

У дороги залегли, замаскировались. Лес по обеим сторонам шоссе вырублен. Справа дорога далеко просматривается. Слева, за небольшим мостом, — сворачивает в сторону и теряется в густом сосняке. Недалеко от нас валяется остов грузовой машины, за ним виднеется одинокая могила с крестом.

— Свой, — говорит Беценко, указывая на могилу.

— Откуда ты знаешь? — удивляется Толя Нефедов.

— Бачишь, крест не березовый и русская каска у ног…

— Немцы! — предупреждает Веренич.

Из-за поворота по шоссе строем и вразброд идут солдаты. Их человек восемьдесят. Они, очевидно, только что вышли из гарнизона. Топот кованых сапог, говор и смех эхом разносится по лесу. Сейчас солдаты поравняются с нами. Уже отчетливо видны их лица, ордена и медали на мундирах. Веренич, сжимая в руках карабин и скрипя зубами, шепчет мне в лицо:

— Уйдут, командир, бить надо… уйдут…

— Лежи, — отвечаю я, дотрагиваясь до его плеча. Чувствую, как тело его бьет легкий озноб.

Немцы прямо перед нами. Один солдат бросил в кювет окурок сигареты — тонкая струйка дыма пробивается сквозь редкую траву.

Когда немцы скрываются, Веренич дает волю своему возмущению:

— Почему не стреляли?

— А сколько, по-твоему, мы могли убить? — задаю я встречный вопрос.

— Сколько? Ну, человек пятнадцать.

— А потом что?

Веренич озадачен.

— Ты не подумал о ребятах. Куда они пришли бы с задания, если бы немцы погнались за нами?

— Это верно, — соглашается Веренич. И как бы к слову добавляет: — А все-таки жаль, что ушли…

У шоссе мы пробыли весь день. Движение по нему оказалось не таким интенсивным, как предполагалось. Мимо нас изредка проносились одиночные грузовики. Раза четыре прошмыгнули мотоциклисты, видимо патрульные.

К вечеру нам надоело смотреть на убегавшие мимо машины, и мы стали выбирать себе цель.

Я послал Веренича под мост и велел по сигналу бросить противотанковую гранату в автомашину. Первым по мосту проехал порожний русский «газик», захваченный врагами, наверно, в сорок первом году. Лотом пропыхтел неуклюжий тягач. Веренич посмотрел на меня и недовольно махнул рукой. Через несколько минут я увидел в бинокль приближавшуюся справа груженую машину. В кузове, на брезенте, распевая песни, сидело шестеро гитлеровцев.

«Весельчаки едут», — подумал я и дал знак Вереничу.

Машина была рядом. Веренич не спеша вышел из-под моста и, изогнувшись, с силой бросил одну за другой две гранаты. Эхо взрыва громом прокатилось по лесу. Едва рассеялся дым, мы подскочили к перевернутой машине. Немцы все убиты. На обочине и в кювете валяются новые автопокрышки и ящики с какими-то приборами. Беценко чиркнул спичку. Заплясали длинные языки пламени. Через минуту мы собрались и покинули это место.

На рассвете вернулся Поповцев. Вид у него хмурый, недовольный.

— Что случилось?

— Да… — махнул ом рукой. — Хотели взорвать эшелон, а

попала дрезина со шпалами.

— А это кто? — указываю на незнакомого пария.

— Доброволец…. Ночью зашли в деревню Гудец. Пристал к нам. Возьмите, говорит, с собой… Ну, мы и взяли.

Вид у пришельца необычный и даже потешный. На голове чудом держится фуражка с красным околышком, рваная фуфайка подпоясана узким сыромятным ремнем, холщовые некрашеные штаны вправлены в стоптанные дырявые валенки. За плечами, на веревке, — ржавая русская винтовка.

Парень с улыбкой глазеет на нас.

— Иди сюда, — позвал я его.

Придерживая винтовку, он делает несколько неуклюжих шагов.

— Зачем пришел?

Доброволец улыбнулся до ушей, посмотрел на партизан, но, увидев серьезные взгляды, покраснел и уставился в землю.

— Ну, говори, зачем пришел?

— Воевать, — невнятно бормочет парень.

— С кем?

— С кем вы, с тем и я.

— А с кем мы?

— Не знаю…

— Как же так. Идешь воевать и не знаешь, с кем?

— Мне все равно…

Выяснилось, что Петя — так звали паренька — входил в состав какой-то вооруженной банды, которая грабила население и пряталась в лесу и от немцев и от партизан. Там он в чем-то проштрафился и вынужден был бежать. Родителей у Пети не было. Побродив один по лесу, он пришел к тетке в Гудец, а когда там появились наши, встретил Поповцева и со слезами на глазах упросил его взять в отряд.

— Выходит ты «зеленый»?! — рассмеялись мы.

— Выходит, — смущенно согласился паренек.

Поповцева мы поругали, но Петю в отряде оставили. Он чем-то сразу приглянулся нам. Да и жаль стало мальца. Куда бы он пошел, если бы мы его не приняли? Пете объяснили наши порядки, и он остался у нас под кличкой «зеленый». Его так и звали потом — Петя Зеленый.

Пора было уходить, но мы ждали Соколова. На душе было неспокойно. Со стороны шоссе, где накануне мы подбили машину, доносилась частая стрельба. Иногда казалось, что выстрелы приближаются, и тогда наши руки невольно тянулись к оружию. Время шло медленно.

Наконец вернулся Соколов.

— Эшелон подловили, — коротко сообщил он.

Мы поздравили ребят с успехом. Петя хорошо знал здешние места и уверенно повел нас по лесам и перелескам на восток. Там нас давно интересовал железнодорожный разъезд Власье. Дважды наша группа переходила здесь ночью железнодорожную линию, захотелось и днем взглянуть на эту мирную станцию.

— Может, и живут-то там два паршивых немца, а мы боимся их, — говорил Горячев.

Ранним утром, оставив в лесу ребят, я с Вереничем и Нефедовым пошел в разведку. Меж деревьев заметно вырисовывается островерхая крыша железнодорожного вокзала, на путях — часовой. Размеренным шагом прохаживается он от семафоров до вокзала и от нечего делать считает шпалы.

— Скучное у него житьишко, — сморщив нос, говорит Нефедов.

Другой гитлеровец — у здания вокзала. Длинный, как жердь, в стальной каске и потрепанной шинели, он очень напоминает огородное чучело.

Часовые сошлись вместе. Нарушая устав караульной службы, они закурили и громко заговорили между собой.

— Вон еще часовой стоит, — показал рукой направо Анатолий.

На пригорке за вокзалом поблескивает на солнце штык.

В семь часов ударил колокол. Из казарм высыпали полураздетые фрицы. Началась утренняя поверка, потом завтрак. Немцы ели прямо на улице, расположившись вокруг походной кухни. Солдаты с аппетитом уплетали из котелков какое-то варево, запихивая в рот большие куски хлеба.

На станцию прибыл воинский поезд. Загудел от голосов перрон, забегали у вагонов солдаты. Бряцание оружия, звуки губных гармошек, гогот, спор, ругань — все слилось в какой-то гул. Только паровозный машинист, поглядывая из своей будки, оставался безучастным. Вот он спустился по ступенькам, осмотрел пыхтящий паровоз и осторожно, чтобы не замарать новый френч, вытер паклей руки. Раздалась команда. Тонко засвистел паровоз.

Через разъезд за день прошло больше десятка составов. Наблюдать такую картину было не очень приятно. Гитлеровцы везли на восток танки, автомашины, боеприпасы. Каждый состав — это новый удар по Красной Армии.

Ко мне прижался Веренич.

— Ночью бы так ехали, сволочи, мы бы им дали прикурить… — шепотом проговорил он.

Я посмотрел ему в лицо. Его глаза отливали стальной

синевой. На скулах бегали желваки.

— Ничего, Дмитрий, потерпи немного. Всему свой черед.

Вечером на разъезд прибыли еще две роты немецких солдат.

Я слышал, как посылал проклятия в адрес гитлеровцев Веренич.

Ночью, возвращаясь с разъезда, зашли в деревню. Дом, куда мы постучались, принадлежал старосте. Хозяин сначала принял нас холодно, но узнав, что к нему пришли партизаны, угодливо пригласил к столу. Жена захлопотала и моментально поставила перед нами обед. От жирных щей шел пар, большие куски свиного холодца поблескивали на тарелке. Вместе с огурцами, гриба ми, капустой появилась и четверть самогона.

— Угощайтесь! — предложила хозяйка.

— Нет, спасибо, — ответил я и перехватил взгляд ребят, устремленный на стол. Мы спросили хозяина о положении в деревне. Он охотно отвечал. Немцев в деревне не было. Заходили сюда накануне, забрали мясо, хлеб, картошку. В соседней деревне расстреляли молодую учительницу — она рассказывала ребятишкам о борьбе Красной Армии с фашистскими захватчиками. Потом стал жаловаться на свое житье.

— Уж очень вы кстати пожаловали, дорогие гости, — заискивающим тоном говорил он. — Вот, глядишь, и Красная Армия придет. Людям-то ничего, а каково мне. Скажут, был старостой, немцам прислуживал. Оно выходит так, а фактически нет, дорогие гости. Ничего плохого для народа я не делал. Силком толкнули на эту собачью должность, а теперь вот выкручивайся, как можешь. Давеча вечером заглянул ко мне бургомистр из Новосокольников. Спрашивает: «Что нос повесил?» — Ну, я ему и выложил всю душу. Выслушал он меня до конца, а потом постучал пальцем по столу и сказал: «Смотри, Федор, хвостом не виляй. Собака и та двум хозяевам не служит».

— Знаете что, ребята, — сказал вдруг староста, — дайте мне любое задание. Хочется гору с плеч сбросить Какое угодно задание дайте.

Я подумал. Может, и впрямь человек принесет пользу народу. Мы не знали, придется ли еще быть в этих местах, но заданий дали ему много: помогать во всем партизанам, узнать номера вражеских воинских частей, дислоцирующихся в Новосокольниках, составить список предателей, сообщить о замыслах немцев. Мы предупредили старосту, что специально проследим за выполнением задания.

8. Бой с карателями

Следующий рейд в тыл врага отряд «Земляки» совершал в январе 1943 года. Вместе с нами через линию фронта шли отряды Яковлева, Бухвостова и партизанская группа во главе с командиром 8-й Калининской бригады Карликовым.

В сумерки мы вышли к немецким рубежам. Вот разведчики остановились. Остановились и мы. Вдали замерцал и быстро погас холодный свет ракеты. От разведчиков подошел связной — Анатолий Нефедов.

— Видна железная дорога, — сообщил он.

Выслали вперед несколько человек. Щелкнули предохранители автоматов. Наступила ответственная и опасная минута. Все напряжены. У каждого одна мысль — пройти благополучно. Быстро приближаемся к линии, переваливаем через невысокую насыпь и ускоряем шаг.

— Скорей, скорей!

Кругом — снежное поле. Все мы, за исключением людей Карликова, одеты в белые халаты. Они же заметно чернеют на снегу, и партизаны в сердцах ругают их за демаскировку. Слева показался темный силуэт сарая. Берем правее, подальше от построек. Бот уже пройдено двести метров от железной дороги, триста, четыреста и вдруг… хлопок ракетницы. В звездное небо летит яркая ракета, за нею другая, третья. Нас заметили. Немцы размахивают руками, показывая в нашу сторону.

Назад возвращаться поздно. Теперь — только вперед. Пока часовые поднимут гарнизон и примут решение, мы уйдем далеко.

Потные и усталые спешим в потемках по глубокому снегу. Сзади доносятся беспорядочные выстрелы. Гитлеровцы уже поднялись по тревоге.

Скоро рассвет. Напрягаем последние силы. Хочется уйти подальше, но надо искать дневной приют. Специально делаем крюк, чтобы хоть немного запутать следы, и останавливаемся в спящей деревушке.

Все, кроме часовых, расходятся по избам и, не раздеваясь, ложатся на полу. Утомленные тяжелым походом, люди тут же засыпают.

Мне тоже хочется спать, но сердце чувствует какую-то тревогу. Что предпримут немцы? Может быть, организуют погоню?

Выхожу из дома и медленно иду по улице. Часовые стоят на местах. Тишина.

— Как дела, Витя? — спрашиваю Соколова.

— Пока все нормально.

— Посматривай по сторонам. Следи за дорогой.

— Не провороню, — серьезно говорит Виктор. Постепенно светает. Из труб потянулся дымок — хозяйки начинают затапливать печки.

Я вхожу в дом и развертываю карту, но мне не удается рассмотреть ее. За окном раздаются два винтовочных выстрела.

— Тревога!

Выскакиваю на улицу. Кричат люди, где-то громко ржет лошадь, слышится стрельба. Большей карательный отряд въезжает в деревню. Каратели, видно, случайно наткнулись на нас. Соколов первым заметил обоз и без оклика пустил в ход оружие. Когда я подбежал к нему, с ним уже было пять бойцов.

Немцы в панике разворачивают лошадей, но сделать это нелегко. Лошади вязнут в глубоком сугробе. Бросив повозки, каратели бегут. На вражеской лошади, вздымая белые вихри снега, мчится с захваченным станковым пулеметом Поповцев, за ним тянет «максима» Дмитрий Веренич. Несут на плечах минометы Горячев и Ворыхалов.

Я благодарю Соколова за находчивость и смелость. Все радуются успеху. Но не рано ли? Ведь день еще впереди, и надо быть начеку.

Когда рассвело, мы снова увидели карателей. Теперь они шли на нас с трех сторон. Шли, чтобы отомстить за свое поражение. Нам отступать некуда, надо принимать бой.

Немцы пробираются по снегу. Они одеты в белые халаты, но на фоне темного кустарника их хорошо видно.

Расстояние между нами сокращается. «Стрелять только по сигналу», — передается по рядам приказ. В голове мелькают воспоминания о психической атаке из картины «Чапаев».

— Держись, ребята! — громко говорит Карликов.

И вот первые вражеские пули струйками бороздят пушистый снег. Каратели стреляют разрывными и зажигательными пулями. Загорелась соломенная крыша дома, задымила другая. Начался пожар.

Над нашими рядами раздается гневный голос Федора Яковлева:

— Огонь по фашистскому зверю!

Застрекотали пулеметы, захлопали винтовочные выстрелы, залаяли автоматы. Пошло в ход партизанское оружие!

Дрогнув, залегли вражеские цепи. Дым закрывает неприятеля, режет глаза. Плачут деревенские ребятишки, голосят женщины, спасая от огня добро. В соседнем дворе протяжно и дико мычит корова. Мы советуемся с командирами и принимаем

решение помочь населению.

Разбиваемся на две части. Одни держат оборону, другие собирают людей и прикрывают их отход в соседнюю деревню. Огонь немцев усиливается. Они бьют из крупнокалиберных пулеметов. Человек десять гитлеровцев короткими перебежками стараются обойти нас с левого фланга. Я показываю на них Вереничу. Он понимает меня и утвердительно кивает головой. Руки его словно приросли к гашетке пулемета. Вражеские автоматчики совершают ошибку. Они поднимаются и все бегут к большой сосне. Веренич тут как тут! Недаром еще в польской армии он был отличным пулеметчиком. Длинная пулеметная очередь, и мы видим, как семь человек остаются на снегу. Остальным удается добежать до дерева, и они ведут оттуда интенсивный огонь. Боец из отряда Яковлева выскакивает из-за колодца, бросает в них гранату. Она не долетает. Он ползет на несколько метров вперед и пытается бросить снова. Но не успевает размахнуться — вражеская пуля обрывает его жизнь. Нам сообщают, что два человека убито и несколько ранено.

По цепи передается приказ Яковлева: отходить за озеро. Я понимаю умный приказ командира. Если немцы вздумают преследовать нас, они должны будут выйти на открытую местность. Решатся ли они на это?

Мы отступаем, не прекращая огня. Нет, немцы не решаются покинуть свое укрытие.

Не успели наши оставить догоравшую деревню, как фашисты ватагой кинулись к брошенным поутру повозкам. Они надеются найти там потерянное оружие. Нет, партизаны не бросают захваченные трофеи. Словно в подтверждение этому Веренич выпускает по ним очередь из пулемета.

— Вот оно, ваше оружие! — кричит он.

Мы смотрим друг на друга и не можем сдержать улыбки: грязные халаты, закопченные от дыма лица. У Виктора Дудникова словно нарочно намалеванные усы.

Приводим себя в порядок, перевязываем раненых. Павел Турочкин, наш главный санитар, бегает среди ребят, предлагая индивидуальные пакеты.

В схватке не заметили, как прошел день и наступили сумерки.

— Теперь фрицы сюда не сунутся, — смеется Горячев, скручивая папироску.

Что правда, то правда. Темнота для гитлеровцев — злейший враг.

Через полчаса отряды построились в походный порядок и двинулись дальше.

Вторую ночь шагали мы по вражескому тылу без сна и отдыха, но никто не ныл и не жаловался. Многие из нас не раз совершали такие походы, а кто шел впервые, тот терпел.

Наутро увидели деревню. На душе сразу полегчало. Ребята прибавили шагу. Немцев здесь не было. Они стояли гарнизоном в девяти километрах отсюда.

— Боятся ехать к нам, — нараспев сказал бородатый крестьянин, первый, кого мы встретили в деревне.

— Почему? — спросил Яковлев.

— Тиф лютует.

Мы переглянулись.

— Вот так здорово, — сказал Веренич, прикрывая рукой лицо. Он отморозил уши и щеку, и теперь они распухли, покраснели.

Между тем ребята уже разошлись по теплым избам.

— Что же будем делать? — спросил я у Яковлева.

— Надо поднимать людей, пока не уснули, — сказал он.

Войны выходили из домов хмурые, недовольные. А мороз, как нарочно, крепчал все больше, пробирал до самых костей.

Крестьянин нам сообщил, что до ближайшей деревни Маковейцево — километров двенадцать.

— Только не пройти вам туда, вишь сколько снега насыпало, все дороги занесло.

Положение — аховое. Решаем остановиться в тех пяти домах, где нет больных. Как можем, инструктируем ребят. Только бы не подцепить страшную болезнь.

В избы набились битком. Тесно, да тепло. После мороза теплота размаривает людей, и они засыпают чуть ли не стоя.

9. По знакомым местам

Через двое суток отряды прибыли в деревню Морозово, где прошлой зимой стоял штаб отряда Литвиненко. Жители рассказали, что после нашего ухода Литвиненко вел тяжелые бои с оккупантами, а весной ушел куда-то в сторону Пскова.

Разведка принесла приятную весть. На другой день, после нашего боя с карательным отрядом в районе села Скоково, опустился фашистский самолет. На нем прилетело гитлеровское начальство. Карателей выстроили на плацу. Штабной офицер зачитал короткий суровый приказ. Командованию карательного отряда приписывалась умышленная сдача оружия партизанам. Командир отряда и четверо его помощников были расстреляны на месте, а отряд расформирован.

— Побольше убивали бы друг друга — скорее бы война кончилась, — шутил Веренич. Лицо его кровоточило, и теперь было забинтовано. Виднелись только серые улыбающиеся глаза.

Дмитрий был неравнодушен к захваченному у карателей оружию. Проверяя трофейный пулемет «максим», он обычно говорил:

— Хороший, надежный друг. В одной ленте двести пятьдесят патронов. Может быть, это двести пятьдесят убитых фрицев…

Так и пришлось закрепить за Вереничем станковый пулемет. Вторым номером у него стал Толя Нефедов. Хуже обстояло дело с минометами. У нас не было ни минометчиков, ни мин. После недолгого раздумья сделали минометчиком Петю Зеленого. Он положил в корзину с сеном пяток мин и возил их, как пасхальные яйца. В первом бою Петя попробовал оружие. Он израсходовал весь боезапас, но не причинил врагу никакого ущерба. Мины ложились далеко от цели. На мой вопрос, почему мины не долетают, Петя, не растерявшись, ответил:

— Нет угломера…

Минометы мы хотели утопить в проруби, но потом нам удалось сменять их у местных партизан на трофейные автоматы.

Разведчики работали на славу. Мы хорошо знали расположение вражеских гарнизонов, пути передвижения немцев. В этом нам крепко помогало население, которое давало нашим разведчикам нужные сведения. У гитлеровских убитых офицеров мы захватили карты, различные приказы, благодаря чему нам были хорошо известны планы и намерения гитлеровского командования.

Население встречало нас, как дорогих и желанных гостей. Женщины дарили нам шерстяные носки, рукавицы, шарфы. На

жителей деревень не действовала немецкая агитация. Фашистские пропагандисты на все лады старались представить партизанскую борьбу как антинародное, «бандитское» движение. Имперский начальник охранных отрядов СС и начальник немецкой полиции генерал Ценнер в звериной ненависти к партизанам в августе 1942 года отдал официальное распоряжение о том, чтобы во всех случаях вместо «партизаны» говорили «банда» или «банда грабителей».

Но все потуги оккупантов дискредитировать партизанское движение были напрасными. В глазах советских людей партизаны оставались мужественными патриотами, борцами за народное счастье, за честь и независимость своей родины.

Изучив данные разведки, Яковлев предложил совершить совместный налет на гарнизон Слободку, но непредвиденное обстоятельство помешало нам осуществить его. В отряде Яковлева начался тиф. Болезнь свалила сразу четверых бойцов. Мы всполошились. Ни докторов, ни лекарств. Как быть?

На следующий день заболели еще трое, а к вечеру слег сам Яковлев.

Мы узнали, что за Кудеверем, в районе Пушкинских гор, много партизанских отрядов. Решили идти туда. Больные метались в жару. Яковлев лежал без сознания, часто бредил. Мы ничем не могли им помочь и только безжалостно гнали коней, стараясь скорее прибыть к месту. По дороге слегли еще несколько человек.

На третьи сутки наша разведка встретилась с местными партизанами. К счастью, мы нашли здесь и врачей, и медикаменты.

Дня через три Яковлеву стало лучше. Договорившись с местным командованием, мы оставили у них нашего боевого друга с отрядом до выздоровления, простились с ним и под вечер отправились в район Пустошки.

В это время у нас в отряде было тридцать бойцов. Почти все комсомольцы. Смелые, отважные. Каждый из них был готов совершить подвиг во славу любимой Родины.

В течение двух недель отряд «Земляки» прошел через Кудеверский, Пустошкинский, Идрицкий районы, побывал в десятках сел и деревень, распространяя там листовки, вселяя в сердца советских людей веру в победу.

В это же время наши подрывники Ворыхалов, Орлов, Турочкин, Попков, Кузьмин, Дудников сходили на железную дорогу Идрица — Новосокольники и среди белого дня вывели из строя большой участок пути. Собравшись в Морозове после двухнедельной вылазки, мы узнали от населения, что немцы

интересуются нашим отрядом. Оставаться здесь стало рискованно, поэтому на другой день перебрались в укромный, лесной хуторок километров за восемнадцать от Морозова.

Горячев в эти дни не дремал. Его разведка зорко следила за ведущими к Пустошке дорогами.

— Пока тихо, — каждый раз докладывал Николай. Однажды, вернувшись из разведки, Николай притащил в штаб мешок, набитый чем-то мягким.

— Вот вам с Вереничем подарок, — сказал он, вытряхивая на пол меховые комбинезоны, унты и рукавицы. — Догадайтесь, откуда это.

— Догадываюсь, из Хилькова, — ответил я. Мне уже была известна история этой одежды.

Весной сорок второго года мы встретили в поле двух обросших мужчин, одетых в крестьянское платье. На наш вопрос, кто они такие, незнакомцы давали сбивчивые, путаные ответы. Наконец убедившись в том, что мы партизаны, они обстоятельно рассказали свою историю. Это были советские летчики, сбитые вражеской зенитной артиллерией при выполнении боевого задания. С большим трудом они посадили машину на оккупированной территории и сожгли ее. После этого двое суток скрывались в лесу, а затем поздней ночью явились в деревню Хильково. Нужно было переодеться и узнать, как пройти через линию фронта. Дом, куда они постучались, принадлежал старосте. Выслушав просьбу нежданных гостей, староста сначала отказал, но потом смекнул, что за хорошие вещи не жалко дать тряпье. Он принес летчикам рваную одежду и потребовал, чтобы они скорее убирались, иначе он позовет полицейских.

Вместе с другими окруженцами мы вывели летчиков за линию фронта.

Горячев запомнил адрес старосты и теперь наведался туда. Самого хозяина Николай не застал — он ушел служить в полицию. Жена старосты сказала, что она с предателем не будет жить и собирается уехать куда-нибудь подальше.

— А сохранилась ли одежда летчиков? — спросил Николай.

— Под полом спрятана, сейчас, сынок, отдам… пригодится в холод.

И вот теперь Николай решил преподнести нам подарок. Мы обрадовались ему. Валенки у нас развалились, и мы надели унты, а из комбинезонов местный портной сшил два хороших полушубка.

Пользуясь затишьем, мы выслали к железной дороге диверсионную группу в составе Веренича, Соколова, Беценко и Попкова. Отряд снова стал готовиться к многодневной боевой

вылазке. Однажды глубокой ночью меня поднял начальник караула.

— Какой-то Шиповалов, — доложил он.

Я велел впустить его. Распахнулась дверь, и вместе с клубами морозного воздуха в избу вошел рослый, белый от инея человек.

— Командир второй бригады Шиповалов, — отрекомендовался гость.

— Присаживайтесь, — предложил я.

— Сидеть некогда. Немцы на хвосте, — заявил комбриг. — Вот случайно обнаружил вас, решил предупредить.

Шиповалов рассказал, что на днях он с небольшой группой перешел линию фронта и наткнулся на большое скопление немцев. Гитлеровцы открыли по ним бешеный огонь, а потом пустили вслед танки и отряд карателей. Танки вскоре вернулись обратно, но каратели преследуют группу по сей день.

— Много их? — спросил я.

— Человек триста.

Был второй час ночи. Я приказал поднять отряд и запрячь лошадей. Шиповалов пошел с группой дальше, а мы стали готовиться к встрече с противником. «Немцы идут ночью, значит, их действительно немало», — думали мы. Вспомнили ребят, которые ушли к железной дороге. Быть может, они теперь возвращаются с задания и не знают об опасности. Как поступить? Перебираю в голове различные варианты и останавливаюсь на одном.

Мы остаемся на хуторе до прихода немцев. С появлением врагов открываем дружный, короткий огонь и быстро отходим к озеру Ципиля, где дислоцируется шестая бригада Рындина. Рындин должен дать отпор фашистам, а мы тем временем вернемся опять на хутор, где встретим ребят.

Когда я вышел на улицу, отряд был в сборе. Запряженные кони, пофыркивая, жевали душистое сено. Хотя небо заволокло облаками, ночь стояла светлая. Мы то и дело посматривали в сторону темного бора, куда тянулась наезженная извилистая дорога.

Было тихо, и лишь где-то далеко-далеко слышался лай собак.

Близилось утро, но ни немцы, ни ребята не появлялись. Мы попеременно грелись в ближней избе и невольно завидовали хозяевам, которые похрапывали на мягких перинах.

Около шести часов утра хутор внезапно озарил свет ракеты. Из леса прямо на нас ехало с десяток всадников, а за ними длинной лентой тащился обоз.

— Огонь! — последовала команда.

Сверкнули язычки пламени, гулко захлопали выстрелы.

Несколько всадников кувырком полетели в снег.

Вздыбились, закружились кони. Дикий визг раненого жеребца заглушил крик испуганных всадников.

— Бей по обозу! — подал я команду.

Через минуту партизаны прекратили стрельбу, и мы, как было условлено, побежали к повозкам.

— А ну, черные, вороные, давай! — крикнул Горячев.

Сытые кони срываются с места и быстро несут нас прочь. Сзади — ракеты, сильная стрельба. Теперь скорее к Рындину, организовать мощную засаду, встретить преследователей.

Время шло к полудню, когда наш отряд после долгой езды выехал на лед озера Ципиля. Вот и деревня Ципилина Гора. Сейчас обо всем расскажем Рындину.

Но что это? Над нашими головами свистнули пули. Взметнулись над льдом столбы огня и дыма. Кони шарахнулись в сторону.

— Минометы бьют! — крикнул кто-то.

Из домов выскакивают люди. Они бегут к озеру и стреляют в нас на ходу.

Недолго думая, мчимся к противоположному берегу. Кругом свистят пули, рвутся мины. Кто-то из бойцов беспрестанно кричит:

— Командир, меня ранили! Командир…

С трудом добираемся до берега. Останавливаемся в кустах.

Я обхожу отряд. Убитых, к счастью, нет. Оказывается, на озере кричал Толя Нефедов. Пуля рикошетом попала ему в ногу, и теперь он лежал, облокотившись на пулемет, и охал. Мы осмотрели ногу. В валенке виднелось пулевое отверстие.

Ребята осторожно сняли валенок и рассмеялись. Пуля вывалилась из голенища, а на ноге чернел небольшой синяк. Анатолий робко ощупал его пальцами и тоже засмеялся.

— Эх ты, раненый, — нахлобучив на него шапку, сказал Поповцев.

Впоследствии мы узнали, что бригаду Рындина в тот день выбили из деревни большие силы карателей, а мы чудом ушли невредимыми со льда озера Ципиля.

Весь день отряд бродил по глухим проселочным дорогам, стараясь не попасться на глаза немцам. Всюду по сторонам слышались пулеметные и автоматные очереди. Это каратели, разыскивая партизан, прочесывали леса.

Вечером мы подошли к знакомому хутору. Приблизившись к опушке, выслали пешую разведку. За весь день никто из нас не проглотил ни крошки хлеба, и теперь, стоя на снегу, мы жадно всматриваемся в очертания хуторских строений и с нетерпением

ждем сигнала разведчиков.

Наконец в темноте показались огоньки.

— Идут… раскуривают, — сердито сказал Поповцев.

Огоньки приближались. Слышался негромкий разговор и сдержанный смех.

— Горячев смеется, значит, все в порядке, — догадались ребята.

— Почему задержались? — сердито спросил я, когда разведчики приблизились.

— Хозяин рассказывал нам, как напугали мы утром карателей.

— Где немцы?

— В обед поехали по нашим следам.

Узнав о нашем возвращении, хуторяне высыпали на улицу. Они наперебой рассказывали, как напуганные немцы до обеда окружали пустой хутор, а потом, войдя в него, поверили крестьянам, что нас триста человек. Они долго советовались, идти за нами в погоню или нет. Оказалось, что утром мы убили одиннадцать фашистов.

— Распрягать коней, командир? — спросил подошедший крестьянин.

— Распрягайте.

Жители усердно помогали нам. Одни распрягали коней, другие подкладывали сена.

Бойцы расходятся по домам, голоса стихают. На улице остаются одни часовые. Они зорко следят за дорогой, прислушиваются к каждому шороху. В их руках жизнь отряда.

Ночью разыгралась вьюга. Партизанская сестра — метель надежно скрыла наши следы. Теперь карателям тяжело искать нас, да они наверняка и не думают, что мы рискнем вернуться сюда.

Утром ко мне подошел щупленький шустрый паренек лет десяти. Со слезами на глазах он стал упрашивать меня взять его в отряд. Поняв, что меня не уговорить, мальчик пошел на хитрость. Он достал из кармана потертую бумажку, свернутую вчетверо, и решительно подал мне.

— Вот какие стихи я сочиняю, а вы не хотите взять меня в отряд, — с упреком сказал он.

Я развернул листок, исписанный детским почерком:

Шел в огонь и в волу,
Шел всегда вперед,
Бился за свободу
Советским патриот.

Но пуля коварная, вражья
Настигла его в бою,
Ранен солдат отважный.
И вот он уже в плену.

Его пытали и били.
Ни слова он не сказал.
Смертью ему грозили,
Но коммунист молчал.

Темной дождливой ночью
Вели его на расстрел,
Но в это время на помощь
Отряд партизан подоспел.

— Вот, оказывается, какой ты молодец! — похвалил я мальчика. — Было бы тебе годков на пять побольше — непременно взял бы в отряд. А за стихотворение тебе партизанское спасибо!

Днем на хорошем рысаке, в разрисованном цветными узорами возке вернулись с задания Веренич, Соколов, Беценко и Попков.

— Берегись! Временное правительство едет! — с улыбкой кричит Соколов.

На нем огромная меховая шапка и большущий тулуп.

— Наверно, музей ограбили, черти, — с завистью смотрит на приехавших Горячев.

Виктор с напускном важностью спрыгивает с возка, но запутывается в тулупе и под дружным хохот кувыркается в снег.

Купеческая шапка, которую он не может схватить, как бочонок, катится, гонимая ветром.

— Эх, мать честная, правительство упало, — смеются ребята.

Веренич доложил, что задание выполнено, вражеский поезд подорван.

— А это откуда? — спросил я, показывая на расписные санки.

— Подвернулись на пути. Идем вечером сюда, видим, — навстречу повозка, а в ней двое. Один — кучер, второй — вот в этом тулупе.

— Куда путь держите? — спрашиваем.

— В Пустошку, — отвечает кучер.

— Оружие есть?

— А то как же, — говорит он и с форсом показывает

новенький винторез.

— Давай сюда, говорю.

А он как заорет:

— Господин управляющий, карабин отбирают!

Тогда толстяк в шубе поднимается — и на нас:

— Что, говорит, за насмешка? Не видите, свиньи, кто едет? Арестую!

— Ну, раз такое дело, — ударили по ним из автоматов…

Веренич рассказал, что в воскресенье по большаку Красное — Пустошка немцы поведут большую группу молодежи для отправки в Германию. Жители умоляли помешать гитлеровцам.

Мы посоветовались и решили выручить юношей от фашистской каторги.

В воскресенье поднялись рано. Запрягли лошадей, проверили оружие. Шел небольшой снежок, и тулуп управляющего пригодился. Веренич бережно прикрыл им своего «максимку». К рассвету отряд достиг большака. Мы не хотели, чтобы нас видели люди, и поэтому последние деревни объезжали стороной. Жители в это утро встали чуть свет. Слышались голоса и плач женщин.

Мы развернули коней. Веренич снял с саней пулемет и вместе с Нефедовым подкатил его к ветвистой елке. Бойцы заняли удобные позиции.

Рассвело. Разговоры смолкли. Мы лежали на снегу под деревьями и напряженно вглядывались в дорогу, уходившую в густой кустарник. Вот вдали показались повозки.

— Едут! — сказал Соколов.

Все вмиг посуровели, взяли оружие на изготовку. Какова же была досада, когда вместо фашистов мимо нас на двух лохматых лошаденках проехали две укутанные в тулупы женщины.

— Вон твои каратели поехали, — поддел Соколова Горячев.

— Проехали и закурить тебе не дали, — в тон ему ответил Виктор.

Близился полдень. Мы уже стали сомневаться в успехе операции, когда наблюдатели предупредили о приближении врага. Теперь все воочию увидели противника.

— Ух, сколько их! — воскликнул Нефедов.

Вереница повозок быстро приближалась. Немцев на самом деле было много. Вот они уже рядом. Мы видим их лица, оружие.

Фашистские молодчики едут в деревню, чтобы собрать молодежь и конвоировать на станцию.

— Огонь!

Припал к «максиму» Веренич, глухо ударил ручной пулемет Васи Беценко, застрекотали наши автоматы. Стала на дыбы и рухнула в снег лошадь. Шарахнулась в сторону другая. Тщетно

пытались враги развернуть коней. Лошади вязли в глубоком снегу. Кое-кому из задних, наконец, удалось повернуть, и теперь они что есть мочи стегали лошадей, стараясь вырваться из этого пекла. Больше двух десятков неприятельских солдат; и полицейских остались лежать, прошитые пулеметным огнем. Мы радовались победе. Весть о спасении молодежи моментально облетела деревни, и когда отряд возвращался обратно, народ встречал нас, как самых дорогих гостей.

10. К Новоржеву

Через два дня отряд покинул хутор. Разведка приносила неутешительные сведения. Немцы собирались отомстить партизанам и стягивали в эти места крупные силы. Оценив обстановку, мы решили уйти в другой район. Нам предстояло пройти восемьдесят километров. Резвые кони быстро несли нас по зимним дорогам на север.

В два часа ночи разведка остановилась в поле.

— Свежий след, — доложил Горячев.

Осмотрели дорогу. Судя по всему, впереди проехали несколько повозок. Может быть, партизаны?

— Давай дальше, — сказал я Горячеву.

Но через пять минут отряд опять остановился.

— Убитый лежит, — сообщили разведчики.

Мы подошли. В двух метрах от дороги, на снегу, лежал человек в пальто, без шапки. Из карманов торчали две гранаты РГД.

— Вроде партизан, — сказал Поповцев.

Труп не успел окоченеть. Очевидно, его недавно сбросили с повозки.

— А ну, жми по следу, — велел я Горячеву.

Вскоре разведчики остановились у другого трупа. Это был мальчик лет десяти. Осветив фонариком обнаженную голову паренька, мы увидели красивое лицо с большими открытыми глазами. Тело мальчугана еще теплое.

В первой же деревне, которая попалась на нашем пути, след привел к старенькому дому. Разбудили хозяев.

— Кто у вас был? — спросил я.

Нечесаная, заспанная женщина долго молчала, переступая босыми ногами по заснеженному крыльцу.

— Кто был, тебя спрашивают? — зыкнул на нее Поповцев.

— Кудеверские… Васька с Лешкой.

— Кто они такие?

— В полиции раньше служили, а теперь, сказывают, в партизанах.

Принимаем решение остаться на день в деревне и выслать в погоню семерых ребят. Едут Веренич, Поповцев, Ворыхалов, Беценко, Дудников, Орлов и Петя Зеленый.

К обеду ребята возвращаются. Они везут с собой пятерых захваченных людей.

Бывших полицаев вводят в штаб по очереди, сначала Ваську, потом Лешку. Оба здоровенные детины, одетые в добротные

полушубки и одинаковые новые дорогие костюмы.

— Неплохо вас немчура вырядила, — сердито говорит Поповцев. Ноздри его орлиного носа гневно раздуваются. — Выкладывайте, за что убили людей?

В нашем отряде допросы обычно производил Поповцев. Он так умело вел следствие, что всегда получал нужные для нас сведения.

Головорезы молчат, понурив головы. Их бьет легкий озноб. Чувствуя, что здесь не до шуток, они постепенно развязывают языки. Мы узнаем гнусную историю падения этих отщепенцев. В сорок первом году они сдались в плен. В начале сорок второго поступили на службу к врагу. Полтора месяца назад два приятеля, получив инструктаж начальника Кудеверской полиции Леона, примкнули под видом окруженцев к одному из местных партизанских отрядов.

Командир отряда поверил им, как честным людям, и послал на задание. Вражеские агенты решили не откладывать своих черных дел. Воспользовавшись моментом, они застрелили командира группы. Затем убили еще одного партизана и выбросили в снег взрывчатку, которая предназначалась для подрыва поезда.

— Говорите, что нас обстреляли, — наказывал остальным партизанам Васька. — Кто пикнет, тому крышка.

С партизанами ехал на санях мальчик — проводник. Он добровольно вызвался показать дорогу. Поняв, что попал не в ту компанию, паренек стал проситься домой. Но мерзавцы столкнули его с саней и тут же пристрелили.

— Болтовни меньше будет, — сказал при этом Лешка.

И вот теперь пришел час расплаты. Палачи изворачиваются, юлят, становятся на колени, молят о пощаде. Лешка шмыгает носом, размазывает слезы.

— Нет, сволочи, пощады вам не будет, — поднимаясь со стула, говорит Поповцев. — Почудили и хватит.

Мерзавцев вывели на огород и расстреляли там. Трех других смалодушничавших бойцов под охраной препроводили в местный партизанский отряд.

Вскоре мы прибыли в Новоржевский район. Здесь в треугольнике Кудеверь — Опочка — Новоржев находилось немало партизанских сил. Мы очень обрадовались» когда на другой день бойцы разыскали отряд Яковлева.

Наш отряд расположился по соседству с бригадой Максименко. К нам сразу же приехал начальник штаба бригады капитан Алиев. Алиев сообщил, что невдалеке, в северной части Новоржевского и Ашевского районов, действуют ленинградские

партизаны. Вскоре мы встретились с командиром 3-й Ленинградской бригады А. В. Германом. Позднее, осенью 1943 года, Герман погиб в одном из боев с оккупантами.

Прошел завьюженный февраль. Наступил март. По ночам еще хозяйничает мороз, лужи покрываются тонкой корочкой льда, а в полдень уже заметно припекает солнышко. Порыжел санный путь, то тут, то там зачернели проталины. Скоро нужно будет расставаться с обозом. Поэтому пока разведка ищет нам «работу», решаем усиленно тренироваться в верховой езде. Главным инструктором в этом деле был Дмитрий Веренич. Его кавалеристы носились по деревне с утра до ночи. У нас не было седел, и мы мастерили их сами: резали валенки, шубы, строгали доски, гнули из проволоки стремена. Особое усердие проявлял Виктор Соколов. Он смастерил себе из старых валенок такое прекрасное седло, что все ахнули от изумления. Ездок, правда, из него получился неважный. Он никак не мог подладиться под такт бега лошади. Трух, трух, трух… трусила, подбрасывая седока, ленивая кобыла.

— Смотрите, джигит промчался! — смеялся над ним Горячев.

Однажды по деревне прошел слух, что Соколов собирается демонстрировать высший класс верховой езды. Все побежали на гумно. Виктор уже гарцевал там на коне. Он попросил отойти всех в сторону, отъехал подальше, разогнал коня и помчался к изгороди. Мы ожидали красивого прыжка, но конь, подскочив к изгороди, встал на задние ноги и… резко свернул в сторону. Кто-то хихикнул. Соколов успокаивающе похлопал лошадь по шее, выбрал изгородь пониже и вновь повторил свою попытку. И опять неудачно. На пятом заезде Соколов свалился с лошади. К нему подскочили ребята:

— Ну как, не убился?

— Да нет, пустяки, — вытирая грязное лицо, говорил Соколов, — что-то сегодня лошадь волнуется. Вчера свободно барьер брала…

Верховой ездой Соколов увлекся не на шутку. В заброшенной кузнице он раздобыл пару старинных стремян. После этого, куда бы мы ни приходили, он первым долгом разыскивал кузницу и рылся там в старых железках, стараясь найти шпоры. К сожалению, все его поиски были безрезультатны. А однажды с Соколовым произошел неприятный случай. Приехав в один из местных партизанских отрядов, он привязал к дереву лошадь. Когда же он собрался уезжать, то обнаружил, что кто-то срезал одно стремя. Виктор чуть не взвыл с досады.

Как-то вечером по просьбе жителей ребята собрались в просторной избе: пели песни, декламировали стихи. В последнее

время у нас стало правилом коротать свободные часы в кругу населения. Все на минуту забывали о черных днях оккупации, вспоминали довоенное время.

Помню, с каким душевным подъемом пел Виктор Соколов свою любимую песню «Трансвааль».

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне…

Люди сидели не шелохнувшись, внимательно слушали. Под Трансваалем все подразумевали свою советскую Родину, которая также была объята пламенем войны. Песня звала народ на священную борьбу с врагами.

Отец, отец, возьми меня с собою на войну,
Я жертвую за Родину младую жизнь свою…

Когда Виктор доходил до последнего куплета, материнские сердца не выдерживали, и женщины начинали плакать.

Были у нас и свои гармонисты, самые юные бойцы отряда: Федя Попков и Володя Волков. Они пришли в отряд прямо со школьной скамьи и, как гармонисты, пользовались в отряде большим уважением. Мы достали им одну гармошку, и они играли по очереди.

Когда на импровизированной сцене Поповцев читал горьковского «Буревестника», вернулся из разведки Горячев. Несмотря на важность донесения, Николай не осмелился нарушить тишину и потихоньку подал мне знак. Мы вышли. Сдерживая радостное возбуждение, Николай рассказал, что в селе Гривино, близ Новоржева, стоит небольшая немецкая часть, в которой служат сорок поляков. Поляки, как шепнул Горячеву один крестьянин, давно ищут связи с партизанами.

Сообщение Горячева нас обрадовало.

К Гривину была послана группа бойцов во главе с Вереничем. Веренич давно мечтал встретить своих земляков и за порученное дело взялся с радостью. Весь день бродил он с разведчиками возле Гривина. Но никто из поляков не показывался. Вечером наши бойцы задержали гривинского полицая, который рассказал им все подробности.

Гарнизон располагался в большом двухэтажном здании. Нижний этаж занимали немцы, верхний — поляки. На ночь для поддержки гарнизона из Новоржева приезжали на автомашине полицейские.

На следующий день весь отряд готовился к боевой операции. Мы с Соколовым и Вереничем сидели над картой, обсуждая план операции.

…Ночью отряд остановился в двух километрах от Гривина. Привязав лошадей, мы тихо пошли к селу. В деревне запели петухи. Было начало четвертого. В лощине чернели три избы. Мы решили заглянуть туда. Постучали в окно. В дверях появилась немолодая женщина.

— Матка, наш германские зольдат есть деревня? — спросил я на ломаном русском языке, стараясь выдать себя за немца.

Но провести женщину не удалось. Она поняла нашу хитрость, сразу же признала нас и проговорила:

— Гоните, милые, их отсюда, гоните иродов!

Женщина рассказала нам, как лучше подойти к казарме. В тыл гарнизону мы выслали засаду во главе с Горячевым, а сами стали карабкаться по крутой горе. Наш план прост: Соколов снимает часовых, а отряд полукольцом охватывает вплотную казарму и по сигналу открывает огонь по нижнему этажу.

Сжимая в руках снайперскую бесшумную винтовку, Соколов по-кошачьи обходит казарму. Пригнувшаяся его фигура в белом халате скользит на фоне здания, как призрак.

Близость утра притупляет бдительность часового. Солдат заходит в коридор. Там не дует. Он прячет лицо в поднятый воротник шинели, облокачивается на карабин и дремлет. И вдруг часовой слышит чьи-то крадущиеся шаги. Он пробуждается, выскакивает на улицу и лицом к лицу сталкивается с Виктором. В дрожащих руках немца лязгает затвор, но Соколов стреляет первым. Часовой мешком валится на землю.

Мы не заставили себя долго ждать. Веренич подтащил к колючей проволоке тупорылого «максимку», Нефедов — второй номер — расправил в руках змейку патронов. Наши автоматы уставились черными глазками в окна здания.

— Огонь!

Звякнули разбитые стекла, на втором этаже со звоном вылетела рама, выбитая ударом ноги. Несколько голосов сверху закричали:

— Мы поляки! Мы с вами!

Веренич громко запел:

Еще польска не згенела!..

Но из подвала резанул вражеский пулемет. Упал партизан. Из подвала послышались голоса гитлеровцев.

— Гранатой их! — крикнул я.

Сверкнули огненные вспышки гранат, эхом отдались взрывы. Фашистский пулемет захлебнулся.

Немцы и полицейские оказались в тисках: поляки сверху, мы снаружи. На улицу выскочила группа немцев. В нижнем белье, босиком, они бежали к большаку, скользили и падали на лед. Но там их давно поджидал со своими хлопцами Горячев.

Из распахнутых дверей выбегают поляки. Они жмут нам руки, обнимают. Многие из них тащат с собой сундуки и чемоданы. Занимается пожаром казарма, горят склады, автомашины, повозки.

Дело сделано. Пора уходить. Кто-то раздобыл лошадь. На повозку кладем двух своих боевых товарищей. Один из них убит, другой тяжело ранен. Отряд медленно покидает освещенное пожаром село. Слева на большаке мигают автомобильные фары: из Новоржева гитлеровцам едет подмога. Мы прибавляем шаг — надо скорее проскочить голую лощину. Поляки с багажом начинают отставать, и партизаны дружно помогают им.

Неприятель открывает бешеный огонь по нашей колонне. Два поляка замертво падают на землю. Отделение Соколова прикрывает отход отряда. Наконец мы минуем зону обстрела. Подходим к лошадям, складываем в повозки вещи польских солдат, захваченные трофеи. Еще не рассвело, и мы не можем как следует рассмотреть своих новых товарищей. Их тридцать два человека.

Мы везем с собой убитого бойца. Другой смертельно ранен. На пути фельдшер осмотрел раны, сделал укол, перевязал раненого.

— Выживет? — спросил я его.

— Нет, — ответил фельдшер.

Поляки оказались веселыми, общительными людьми. Почти все они были уроженцы города Млава, и лишь пятеро — из Краковского воеводства. Мы быстро подружились с ними, а потом плечо к плечу сражались против общего врага. Впоследствии к нам в отряд пришло еще несколько поляков. Особенно запомнились энергичные и отважные бойцы Морозовский, Коршляк, Люка, Фиевлек, братья Раковские.

Старше всех был Ящинский. Он имел отличную военную выучку и, несмотря на то, что был с одним глазом, стрелял без промаха. Сначала его в отряде называли «паном», но когда он показал класс стрельбы, Горячев заметил:

— Этот батя — снайпер. Он специально оставил себе один глаз, чтобы не щуриться при стрельбе. Ох, и хитер.

Бойцы дружно засмеялись. В нашем отряде, как и везде, прозвища были в большом ходу, Ящинский так и остался «батей-

снайпером».

Много хороших боевых дел совершили польские патриоты, и совершили бы еще больше, если бы отряд не попал в беду. Но об этом рассказ пойдет ниже.

Дмитрий Веренич ликовал. Как же, он давно мечтал встретить поляков, чтобы вместе освобождать Польшу. Теперь его мечта сбылась, и он, подходя ко мне, говорил:

— Пошли к Бресту, к Варшаве, до самой Германии дойдем.

Сначала мы и слушать не хотели об этом. Согласно заданию партизанского штаба наш отряд должен был дислоцироваться на территории Калининской области. Что же касается поляков, то мы слышали, что в советском тылу формируется польская дивизия имени Тадеуша Костюшко. Туда мы и думали при случае отправить наших друзей. Теперь же, когда Веренич нарисовал перед нами заманчивую картину похода через всю Польшу к границам фашистского логова, — предложение нам очень понравилось. Как-то мы сидели с Вереничем на завалинке и грелись на весеннем солнцепеке.

— Денек-то какой, благодать, — жмурясь, сказал он. — Сейчас у нас крестьяне хлеб сеют…

Было ясно, на что намекал Дмитрий.

— Вот что, — сказал я ему. — Будем воевать до апреля, а там перейдем фронт и попросимся в Польшу.

Веренич крепко обнял меня за плечи.

После гривинского боя ребята хорошо отдохнули и опять просились на боевую операцию.

Стояли тихие солнечные дни. Белоносые грачи собирались вить гнезда, недавно появившиеся скворцы заводили замысловатые трели.

К первому апреля почти весь снег стаял. Ненужные повозки мы роздали крестьянам и оставили себе лишь пару пулеметных тачанок. Чтобы не шлепать по грязи, каждый старался ехать верхом на коне. Даже те, кто раньше боялся тележного скрипа, теперь стали завзятыми конниками.

Отряд был готов к походу, но Горячев, сутками пропадавший со своей разведкой, не находил нам подходящего дела.

— Всюду большие, сильно укрепленные гарнизоны, — докладывал он.

Случай представился неожиданно. Как-то утром в деревню верхом на лошади прискакал двенадцатилетний паренек.

— Немцы пришли! Карательные! — кричал он.

Парнишка прискакал из деревни Кожино, которая находилась от нас в пяти километрах. По его словам, немцев там было около сотни. Пареньку было невтерпеж, и он изо всех сил торопил

партизан. Он даже отругал Толю Нефедова за то, что тот медленно вставлял ленту в пулемет.

Через пять минут отряд был в сборе. Человек сорок наших кавалеристов помчались к Кожину.

Немцев на месте не оказалось. Они ограбили десяток дворов, постреляли кур и ушли. Мы настигли их на перепутье между деревнями. Гитлеровцы как раз переправлялись по ветхому мосту через разлившуюся речку. Часть уже успела переправиться, несколько человек с кольями в руках гуськом переходили по выступавшему из воды бревну, а большинство карателей, ожидая свою очередь, топталось на нашем берегу. Мы быстро спешились и под прикрытием кустарника побежали к речке.

Нам не приходилось еще видеть такой паники, какая поднялась на переправе. При первых же выстрелах, кто не успел переправиться через речку, бросился в воду. Фашисты в смертельном страхе бултыхались, кричали, цепляясь друг за друга. Многие тонули, увлекая за собой на дно товарищей. Вниз по течению плыли брошенные грабителями корзинки с курами, ранцы и всякая утварь.

С противоположного берега фашистский пулеметчик попробовал прикрыть своих, но тут же замолчал, сраженный метким огнем Веренича. Переправившиеся через речку немцы не приняли боя и бросились наутек. Захватчики потеряли не менее сорока человек.

…Не прошло и двух дней, как разведчики сообщили нам новую весть. В селе Прокопово остановилась немецкая воинская часть. Гитлеровцы только что вернулись с фронта на отдых. По рассказам жителей, они держались нагло и самонадеянно.

Сообщение разведчиков подтвердили две девушки из Михайловского Погоста — Тася и Вера. Тася рассказала, что фашисты выгнали жителей из изб в бани, а сами сутки напролет пьют и гуляют.

— Я знаю, где у них штаб, — сказала Тася.

Мы изучили по карте подступы к гарнизону, наметили план нападения. Гарнизон находился далеко, и нам пришлось взять только кавалеристов. Силы были неравны. Врагов — триста, а нас только тридцать девять. Троих из них нужно было оставить для охраны лошадей, четверых — для прикрытия отряда. В ударной группе оставалось тридцать два бойца на сорок домов. Очень мало! Поэтому мы решили ударить по одному краю деревни. Пока разделываемся с этой частью гарнизона, рассуждали мы, другая встанет по тревоге и пойдет в бой на первую. Мы в это время отойдем, и немцы будут драться в потемках со своими.

…Весенняя ночь темна, хоть глаз выколи. Лошади чутьем

находят раскисшую дорогу. Когда на пути встречаются деревни, мы сворачиваем в сторону и обходим их по топким полям.

Время перевалило за полночь. Впереди послышалось шлепанье копыт, и перед нами вырос всадник.

— Приехали, — тихо доложил разведчик.

Мы прибыли к месту, где нужно было оставить лошадей. Я объявил о предстоящем налете и в ответ услышал возгласы одобрения.

— Дадим концерт фрицам.

— Ничего, что фашистов в десять раз больше, зато на нашей стороне темная партизанская ночь!

До гарнизона — не больше километра. Слева видны очертания деревенских изб. Соколов, Орлов и Ворыхалов отправились снимать часовых. Мы сидели и тихонько переговаривались.

Когда бойцы возвращаются, мы рассыпаемся в цепь и быстро идем по огородам к избам. Каждые двое партизан приближаются к «своему» дому. Гранаты и оружие наготове. Я иду с Вереничем, Поповцевым и Тасей. Улица пуста. Все кругом спит.

— Вот он! — указывает на штаб Тася.

В окне мелькнул, потух и опять зажегся бледный огонек. Мы прислушались — никаких звуков.

Первым с бесшумной винтовкой идет Поповцев. Он осторожно обходит дом и машет нам рукой.

— Давайте.

Останавливаемся у освещенного окна. На стенах висят офицерские френчи, шинели, бинокли, оружие. На полу — шестеро гитлеровцев. Седьмой перебирает на кровати белье.

— Господин офицер клопов гоняет, — шепчет Веренич.

Нами овладевает озорное настроение, хочется крикнуть в окно что-нибудь дерзкое.

В это время из-за угла вышел громадный верзила в каске, с винтовкой на плече. Он вплотную подошел к Вереничу.

— Бей! — крикнул я.

Веренич резанул из автомата. Фашист упал. В окна штаба полетели гранаты. Зазвенели разбитые стекла. Мы залегли. Полыхнуло пламя. Взрывы партизанских гранат загрохотали по деревне.

Расправившись со штабом, мы пошли по улице. Навстречу нам — Беценко и Толя Нефедов.

— Как дела?

— Гарно зробыли. Хлопцы вже тикают, як условлено, — сказал Беценко.

На другом краю деревни взвилась ракета, послышались

крики.

— Глядите, повозки стоят, — сказал Поповцев.

Мы увидели штук тридцать фургонов и несколько автомашин.

— Сожжем, — предложил Веренич.

Быстро вынули зажигалки. Вспыхнула солома, заклубился дымок. Едва я взобрался в один из фургонов посмотреть, что там лежит, как услышал крик Веренича.

— Немцы!

На нас двигалась группа гитлеровцев. Не мешкая, Веренич и Поповцев швырнули в их сторону гранаты и, отстреливаясь, стали отходить. Услышав крик Веренича, я спрыгнул с повозки, но в темноте попал ногой между тягой и оглоблей и упал. Когда поднялся, ребят уже не было.

В деревне усиливалась стрельба, все громче кричали немцы. Я взял автомат на изготовку и быстро пошел по улице. Мне нужно было перейти на другую сторону, куда отошли наши бойцы. Благополучно миновав улицу, я наткнулся на высокий плетень. Пока раздвигал прутья, ко мне подскочил гитлеровец. Он схватил меня рукой за шею и сильно рванул к себе. Я вырвался, но поскользнулся и упал. У самой головы просвистели пули, в лицо пахнуло порохом. К моему счастью, у немца кончились патроны или заел автомат. Он нервно дергал затвором, но выстрелов не было. Мой автомат стоял на взводе, и я в упор выстрелил в фашиста.

Перебравшись через плетень, побежал по огородам. В темноте различил силуэты людей, крикнул:

— Ребята!

В ответ послышалась немецкая речь. Я взял левее и осторожно стал обходить гитлеровцев. В деревне уже бушевал пожар, и свет зарева расползался все дальше по сторонам. Нужно было спешить.

Только за околицей я наткнулся на наших бойцов.

— Где Веренич? — спросил я у Горячева.

— Он не вернулся.

— Кто еще не пришел?

— Все пришли, кроме Поповцева и Веренича.

Мы невольно посмотрели в сторону деревни. Там все сильнее разгорался бой. Гитлеровцы били друг друга…

— Тише. Кто-то идет, — сказал Горячев.

— Эй, друзья, командир здесь? — послышался из темноты голос Поповцева.

— Здесь. — ответил я.

Веренич и Поповцев рассказали, как искали меня. Когда они

швырнули в гитлеровцев гранаты и побежали прочь, то подумали, что и я бегу вместе с ними, а потом ребята залегли и долго ждали меня. Их осветили ракетой, и они вынуждены были отстреливаться. Я проверил отряд. Только одного бойца легко ранило. Мы перекурили и двинулись в обратный путь.

На другой день по всей округе разнеслась молва о ночном бое. Люди говорили по-разному. Одни уверяли, что налетели десантники; другие доказывали, будто бы немцы напали на немцев.

Больше ста гитлеровских солдат и офицеров было убито в этом бою.

Фашистская печать жаловалась на несправедливое ведение войны, на то, что советские партизаны воюют якобы не по правилам…

Сравнивая действия русских партизан 1812 года и советских партизан 1942 года, гитлеровцы писали:

> «…потерявшие дух, полузамерзшие, голодные, отупевшие, вслепую блуждавшие по суровой, холодной и чужой земле, наполеоновские гренадеры в лохмотьях и спешенные кирасиры Мюрата право же не были трудной добычею для лихих давыдовских конников и для мужицкой сермяжной пехоты Фигнера, с вилами и дрекольем.
>
> Красные же партизаны — это двуногое зверье, остервенелое, головорезно-отважное, ненавидящее все, что только не Советская власть, коей они преданы с фанатизмом янычар. Таких партизан не надо гнать в бой наганом или же заградительным пулеметом. Они сами ищут боя, и каждый из них сам по себе политрук…»

Да. Если вникнуть в слова фашистского писаки, то в них есть много верного.

Безграничная преданность народу, любовь к Родине, жгучая ненависть к врагу — вот что вело нас в бой, помогало переносить все лишения суровой партизанской жизни.

Еще в сорок первом году Коммунистическая партия обратилась к нам с призывом:

> «Партизаны и партизанки! На Красную Армию и вас, ее помощников, смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецко-фашистских захватчиков. Великая, ответственная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!»

И партизаны с честью выполнили наказ ленинской партии. Земля горела под ногами чужеземных захватчиков. Много урона нанесли народные мстители оккупантам. Летели взорванные мосты, вагоны, стальные железнодорожные пути, полыхали пламенем вражеские гарнизоны, от меткого партизанского огня гибли тысячи немецких солдат и офицеров! Партизаны действительно стали надежными и верными помощниками Красной Армии.

Действия партизан удручающе влияли на моральное состояние гитлеровских войск. Вот, например, что писал в своем дневнике убитый партизанами немецкий офицер:

> «Здесь всюду и везде, в лесах и болотах, носятся тени мстителей. Это партизаны. Неожиданно, будто вырастая из-под земли, они нападают на нас, рубят, режут и исчезают, как дьяволы, проваливаясь в преисподнюю. Мстители преследуют нас на каждом шагу, и нет от них спасения. Сейчас я пишу дневник и с тревогой смотрю на заходящее солнце. Наступает ночь, и я чувствую, как из темноты неслышно ползут, подкрадываются тени, и меня охватывает леденящий ужас!»

11. Злосчастный обоз

Первая половина апреля была на исходе. Мы готовились к переходу через линию фронта. Вместе с нами шел отряд Яковлева.

Пятнадцатого апреля партизаны прощались с жителями деревни. Старики, женщины, дети высыпали на улицу. Наши отряды долго стояли здесь, население привыкло к нам, поэтому прощание было трогательным. Нас снабдили продуктами, женщины починили наше белье, напекли в дорогу лепешек, девушки вышили ребятам кисеты. Многие плакали, вытирая фартуками слезы, просили гнать с русской земли фашистскую нечисть и скорее возвращаться с победой. Всем опостылела, у всех тяжелым камнем на сердце лежала такая жизнь.

Далеко раскинулись границы партизанского края. За зиму в этих местах скопилось много бригад, отрядов и групп калининских партизан. Здесь стояли бригады Рындина, Бабакова, Карликова, Максименко.

Немцы побаивались заглядывать сюда, и лишь изредка по ближним партизанским тылам рыскали каратели.

За три дня до похода мы передали в другие отряды лошадей, станковые пулеметы, минометы и теперь шли налегке. Не чувствуя никакой опасности и тревоги, радуясь весне и скорому возвращению на Большую Землю, бойцы смеялись, шутили. Никто не предполагал, что через несколько дней нам придется по этим местам уходить от погони, никто не думал о приближающейся беде.

И вот партизанский край позади. Миновали последний опорный пункт — деревню Бокалово, занятую отрядом Григория Заритовского. Вечером подошли к деревне Вережье. Здесь нам предстояло перебраться через разлившуюся речку. К мосту выслали разведку, которая скоро вернулась с неприятной вестью — мост занят немцами.

Выяснилось, что вечером на противоположном берегу в деревне остановился большой отряд немцев. Местные жители рассказали нам, что у немцев много повозок и мало оружия.

— Фрицы остановились только на ночь, — высказал предположение Яковлев. — Дадут здесь храпака, а утром пойдут дальше.

Мы посоветовались и решили переждать. Пока располагались в Вережье на ночевку, наши разведчики задержали какого-то парня.

— Ходил здесь, вынюхивал, — сказал Горячев.

Парень назвался партизаном, но какого отряда — он так и не сказал. Вид у задержанного был подозрительный. Брюки навыпуск, ботинки. В одной руке — ржавая трехлинейка, в другой — белый узелок. Нам некогда было заниматься этим человеком. Мы обыскали его, отобрали оружие и посадили в подпол.

Ночью спали не раздеваясь, в полном боевом снаряжении.

Утром, едва блеснули первые лучи солнца, отряд поднялся по тревоге. Партизаны спешно высыпали на улицу.

— Немцы идут! — послышался голос.

Поднявшись с Яковлевым на пригорок, мы увидели в бинокль большой обоз. Враги действительно только заночевали в деревне и теперь двигались дальше. Породистые битюги тяжело тянули огромные фургоны на автомобильных шинах. Следом за повозками шли немецкие солдаты. Гитлеровцев было человек двести.

— Богатый обоз, — мечтательно проговорил Яковлев, — может, стукнем?

Веренич, Соколов и Горячев поддержали заманчивую идею Яковлева. Немцы в это время проходили среди редкого кустарника. Я навел бинокль на гитлеровцев и отчетливо увидел их лица. Один солдат, жестикулируя руками, что-то рассказывал, другие смеялись. Враги шли спокойно, не чувствуя никакой тревоги.

— Давайте пощекочем на прощание, — согласился я.

Веренич с группой автоматчиков быстро побежал вперед. Автоматчики должны были отвлечь на себя внимание гитлеровцев, а мы внезапно атаковать их с фланга и тыла.

Сначала все шло хорошо. Веренич вовремя открыл огонь, и мы увидели, как заметались фашисты. Выждав момент, отряд выскочил из укрытия.

— Ура! — понеслось в воздухе.

Не знали мы, что ночью в соседней деревне, куда двигался обоз, расположился большой немецкий гарнизон. Немцы неожиданно ударили по нашему отряду из орудий и минометов. Кругом загрохотало, полетели вверх комья земли. Боясь попасть в клещи, мы вовремя спохватились и стали уходить.

Веренич догнал нас и сообщил, что идет большой отряд немцев.

— А этот тип, — указал он на парня, — который был пойман вечером, хотел убежать к фашистам.

Утром, во время тревоги, мы забыли, что в подполе сидит задержанный. Воспользовавшись случаем, парень выбрался на волю и решил незаметно пробраться к немцам. К счастью, наши

ребята его задержали. Он оказался предателем и шпионом. Мы здесь же построили бойцов, зачитали короткий приговор и расстреляли подлеца на месте.

Настроение у всех было подавленное.

— Зря связались с проклятым обозом, — задумчиво сказал Яковлев.

— Кто ж знал, что так получится. Никому не известно, где его подстерегает беда, — проговорил заместитель Яковлева Георгий Филин. — Побежишь вперед — беду нагонишь, станешь отставать — беда тебя нагонит.

Решили отходить, чтобы оторваться от врагов. Но не тут-то было. Немцы настойчиво шли по нашим пятам. Весь день за спиной взвивались ракеты. Это передовые дозоры неприятеля давали сигнал основным силам, что путь свободен.

На ночь немцы стали с нами по соседству. Рано утром мы обстреляли их, но вынуждены были опять отступить. Перевес оказался на стороне врага.

Второй день шли за нами преследователи.

— Уж больно обнахалились эти обозники, — говорили партизаны.

В полдень мы пришли в деревню Бокалово, где находился отряд Заритовского. Не успели рассказать Заритовскому о случившемся, как из дубравы заработали сразу два пулемета. Завизжали над головой пули, полетела с крыш дранка.

У Заритовского оказалось много раненых. Пока запрягали для них коней, нам пришлось сдерживать натиск неприятеля. Патронов у нас было очень мало, и тут мы впервые пожалели, что отдали пулеметы и боеприпасы другим отрядам.

Заритовский попросил нас выдвинуться вперед и прикрыть его обоз, так как путь отхода лежал по голой, как ладонь, равнине. С большим трудом и жертвами удалось нам достигнуть леса. Мы выбрали старую вырубку и, пользуясь передышкой, перевязали раненых.

Недалеко ухнула вражеская пушка. Стая пичуг испуганно взметнулась в поднебесье.

Партизаны тревожно вскочили со своих мест, напряженно прислушались.

— Смотрите! — воскликнул Федя Попков.

К вырубке, взяв автоматы на изготовку, шли эсэсовцы. Они видели нас.

— В лес! — крикнул Яковлев.

Немцы, однако, успели открыть стрельбу. Сраженная вражеской пулей падает наша верная помощница Тася.

Мы отходим. Немцы не решаются нас преследовать.

К вечеру мы подошли к лесной деревушке. В ней находилось много партизан. Командиры рассказали нам, что всюду идут тяжелые бои с немцами. Гитлеровцы бросили на партизан пушки и танки.

Перед заходом солнца над деревней низко пролетел немецкий самолет-«костыль». Он рассыпал над крышами сотни листовок с призывами сдаваться в плен.

«ПАРТИЗАНЫ!

Час вашего уничтожения ближе, чем вы предполагаете. Вы окружены со всех сторон победоносной германской армией. Железное кольцо вам уже не прорвать. На помощь извне вы не можете рассчитывать. В целях напрасного кровопролития немецкое командование предлагает вам сложить оружие и сдаться в плен. Все прошлое будет забыто. Вам будет гарантирована жизнь. В случае отказа вы будете истреблены. СДАВАЙТЕСЬ!

Командующий германским и силами

гебитскомиссар Лозе».

Ночью к нам привели пленного обер-ефрейтора. Немец рассказал, что на борьбу с партизанами брошена шестнадцатая армия, вырвавшаяся недавно из окружения советских войск под Старой Руссой. Несмотря на то, что дивизии были изрядно потрепаны, они располагали грозной для партизан техникой.

Ночью над деревней самолеты сбросили осветительные ракеты и несколько бомб. Никто из нас не спал. Все с тревогой ждали утра. Немецкие листовки и действия авиации говорили, что день будет напряженный.

Утром, еще затемно, мы покинули деревню. Наш отряд уходил в лес вместе с местными партизанами. Несколько подвод с больными и ранеными двигались в середине колонны. Сзади шли специально выделенные люди, которые умело маскировали след.

Мы знали, что немцы будут искать нас в густых зарослях, а поэтому выбрали редкий олешник. Шли, соблюдая особую осторожность. То тут, то там слышались пулеметные и автоматные очереди. Около десяти часов над нами опять пролетел вражеский самолет-разведчик. Партизаны проводили

его глазами. Заметил или нет? В полдень с поста прибежал связной.

— Немцы идут по следу!

Мы заняли места и стали ждать. Прошел час, а немцев не было. В чем дело? Я взял с собою Соколова и Горячева, и мы втроем пошли в разведку. Идти пришлось недолго. Через сотню метров увидели большое поле и на нем немцев. Гитлеровцы группами бродили возле леса, заглядывали в кусты, но углубляться в лес боялись.

Вернувшись, мы обо всем рассказали своим. Люди немного повеселели, однако тревога не улеглась. Все ждали неминуемого боя. Некоторые беспрестанно курили, другие не спускали глаз с кустов, третьи сдержанно переговаривались между собой. «Только бы не было паники», — думали командиры. В такой момент паника страшнее всего. В полдень из местного отряда были посланы в наблюдение двое бойцов. Не прошло и десяти минут, как раздался треск сучьев и из кустов выбежал один из них. С поцарапанным лицом, с испуганными глазами он в страхе повторял:

— Немцы! Немцы!..

Бойцы моментально повскакивали со своих мест, тревожно засуетились. Я бросился с пистолетом к паникеру и сбил его с ног. Трус закрыл голову руками. Вскоре пришел его напарник. Он рассказал, как, увидев немцев, его товарищ сломя голову бросился бежать прочь.

Здесь же по отрядам был издан приказ: «За панику — расстрел».

Вечером на командирском совете решили поотрядно разойтись в разных направлениях. Мы с Яковлевым договорились идти вместе. Двое суток наши отряды уходили от карателей. Шли ночами, избегая населенных мест. Светлые, лунные ночи были врагам наруку, и нам подчас долго приходилось сидеть у большаков, чтобы пересечь дорогу. Движение вражеских войск не прекращалось ни днем ни ночью.

Шли без дорог, по компасу. Наши разведчики изредка заглядывали в деревни и каждый раз приносили нам невеселые вести. Кругом рыскали карательные отряды и полиция. На избах были вывешены строгие приказы — местным жителям вменялось в обязанность немедленно сообщать немецкому командованию о местонахождении партизан. Указывался перечень наград за выдачу партизанских командиров. Среди перечисленных фамилий упоминались и наши. Немцы сулили населению огромные суммы денег и хуторские наделы за успешную борьбу с партизанами. Но не так-то легко было найти предателей среди

советских людей.

Ранним утром наши отряды достигли Бокаловской дубравы. Впервые за эти дни бойцы разулись. Усталые и голодные, упали мы на ворох прошлогодних листьев и крепко уснули.

Днем в дубраву пришла группа местных партизан. Как и мы, они только что вырвались из окружения и теперь искали пристанища. Среди них было трое тяжелораненых.

Тепло грело весеннее солнце. Дубовая роща была наполнена разноголосым пением птиц. Из ближайшей деревни доносился крик петухов.

Ко мне подошел Горячев.

— Знаешь, командир, о чем я думаю? — заговорил он. — Вот если бы кончилась сейчас война, вышли бы мы из леса, пришли в деревню, вымылись в бане, наелись вволю, а потом с песнями поехали домой…

В полдень пришли еще несколько партизанских групп. Роща наполнилась говором, запылали костры. Но мы не стали засиживаться на месте и, как только стемнело, ушли дальше. Наутро отряд был уже под Вережьем, где недавно мы столкнулись со злосчастным вражеским обозом.

Здесь мы повстречали партизан бригад Карликова, Бабакова и Максименко. Расположив отряд на привал, я стал разыскивать кого-нибудь из комбригов. В кустах еще белел не растаявший снег, а на сырых проталинах, подстелив под себя наломанные сучья, группками сидели и лежали усталые партизаны.

— Какой бригады, друзья? — спросил я.

— Максименко, — послышался ответ.

— А где комбриг?

— Там где-нибудь, — показал рукой один из бойцов.

Пройдя полсотни шагов, я неожиданно столкнулся с начальником штаба бригады Максименко — капитаном Исмаилом Алиевым. Черноволосый, с небольшими усиками, стройный, подтянутый, он был всегда жизнерадостен и общителен.

— О, какими путями?! — радостно воскликнул он, обнимая меня.

— Такими же, как и вы.

— Э, э, дарагой, ты крепко пахудел… — с сильным акцентом, блеснув белыми зубами, продолжал Исмаил.

— Похудеешь, когда за тобой фрицы по пятам бегают.

— Да, фашист здорово взялся за нашего брата. Видно, достается им от партизан. Слышал, что немцы замышляют? Нет? На, читай, наши ребята достали.

Алиев порылся в планшетке и протянул мне вчетверо

сложенную бумагу. Пользуясь подстрочным переводом, я прочел приказ командующего войсками по охране тыла северо-восточной группировки немецких войск генерал-майора Шпеемана командиру 290-й пехотной дивизии.

В нем говорилось:

«Южнее Новоржева и Бежаницы безнаказанно действуют крупные силы советских партизан. Они создают исключительно тяжелое положение для работы тыловых частей и учреждений, срывают все мероприятия немецкого командования. Отряды местной самообороны, части 281-й охранной дивизии и «добровольческий легион» в течение зимы не могли ликвидировать существующую угрозу, размеры которой в связи с приближением лета все более возрастают.

На основании распоряжения командующего 16-й армией генерал-фельдмаршала Буша и ранее отданных мною указаний вверенной вам дивизии, руководствуясь «Боевой инструкцией по борьбе против партизан на Востоке» от 11 ноября 1942 года, приказываю:

1. К 16 апреля с. г. занять исходное положение и совместно с частями 201-й пехотной дивизии, 281-й охранной дивизии, частью сил 331-й пехотной дивизии быть готовым к выполнению задачи. О начале действий будет сообщено дополнительно.

2. При проведении операции широко использовать приданные дивизии подразделения национальных формировании, памятуя при этом, что большая часть их весьма ненадежна. Имеется много случаев перехода целых подразделений на сторону партизан. Отсюда необходимо предусмотреть меры к недопущению подобных случаев.

3. Местных жителей, заподозренных в сочувствии или помощи партизанам, расстреливать. Имущество и скот забирать для нужд армии. Деревни сжигать. Наиболее молодых и здоровых мужчин и женщин отправлять на сборные пункты для последующей отправки в концлагеря или на оборонительные работы в прифронтовую полосу.

4. Захваченных в бою партизан после короткого допроса расстреливать или вешать, лучше на глазах у жителей.

5. Разъяснить солдатам: никакой жалости! Интересы Великой Германии требуют этого. Солдаты вашей

дивизии показали образцы преданности фюреру на фронте и заслужили его высокую оценку. Будьте же достойны этой великой похвалы и теперь!

Хайль Гитлер!

Командующий войсками по охране тыла

генерал-майор Шпееман».

— Да-а, — задумчиво проговорил я. — Если бы мы раньше узнали о планах карателей!

— Э-э, друг лубезный, если все знать, война скоро кончится, — усмехнулся Алиев.

12. В западне

В ночь с 24 на 25 апреля сорок третьего года партизанские бригады и отряды тронулись к линии фронта. Мы с Яковлевым предлагали переходить линию фронта у станции Насва, но нас убедили, что есть путь лучше.

Длинной, зигзагообразной лентой вытянулась разношерстная колонна. Приказ дан строгий — не отставать. Люди понимают ответственность, жмутся друг к другу. В середине колонны больные и раненые, семьи местных партизан: женщины, старики и дети.

Идем по целине. Стоит удивительно теплая ночь. Небо заволокло черными тучами, земля окуталась непроглядной тьмой. Кругом ни звука, ни огонька. Люди идут на ощупь, спотыкаются, падают. Но задерживать движение нельзя. Впереди — долгий путь. До рассвета надо перейти железную дорогу Новосокольники — Дно, а до нее по прямой — тридцать пять километров.

В небе вдруг сверкнул ослепительный свет: гроза! Ударил с перекатами гром, и вновь мелькнула молния, озарив оголенные дали. Вспышки молний на руку врагу: он легко нас может заметить. После яркого света и без того темная ночь становится еще темнее. Чтобы не потерять друг друга, люди держатся за руки.

Заморосил мелкий дождь. Мы прибавили шагу. Разгоряченные бойцы сбрасывали с себя шубы, полушубки, ватные армяки, шинели. Народ верил, что отряды непременно перейдут вражескую линию обороны, и поэтому ничего не жалел, лишь бы скорее дойти до своих.

С приближением железной дороги немецкие гарнизоны стали попадаться все чаще.

Время близилось к рассвету, а до железной дороги оставалось еще добрых пять километров.

— Давай, давай ребята! — слышались подбадривающие голоса командиров.

Но как мы не спешили, рассвет пришел раньше, чем отряды достигли цели. Напрягая силы, шатаясь от усталости, партизаны с трудом карабкались по железнодорожному откосу, переваливали через насыпь.

Справа от нас возвышалась высокая колокольня, там были немцы. Они заметили нас и выпустили по колонне длинную очередь из пулемета. Жертв, к счастью, не было. Меня мучила страшная жажда. Горло пересохло. Я поднял попавшуюся под

ноги ржавую консервную банку и, не обращая внимания на стрельбу, зачерпнул из лужи воды. Выпил три банки подряд и потянулся за четвертой, но тут Ворыхалов дернул меня за рукав:

— Смотри, какие-то мужики.

Недалеко у кустов стояла группа людей. Они показывали на нас.

— Так это же немцы! — воскликнул Нефедов.

Мы всмотрелись. Мужики на самом деле были в зеленых немецких шинелях.

— Скорей отсюда, — заторопил я ребят.

Колонна уже скрылась в густых зарослях ивняка, и нам пришлось догонять ее. Рядом с нами оказался старик-военный с двумя шпалами на петлицах. Он едва передвигал ноги, опираясь на суковатую палку. Горячев взял его под руку:

— Держитесь, старина, сегодня дома будем, — подбодрил он его.

Не знал тогда Николай, что и самому ему не придется больше увидеть родного порога. Майор заговорил с нами.

— А знаете ли, ребятки, почему немцы так просто пропустили нас? Сегодня — пасха, не хотят, видать, фрицы погибать в Христов день…

Мы обрадовались такому известию. Праздник и в самом деле мог быть нам на руку.

В трех километрах от железной дороги путь колонне преградила река. По нашему предположению, это была Смердель. Мы знали, что на том берегу — нейтральная зона, а чуть дальше — передовая советских войск.

Быстро смастерили плоты, привязали к ним веревки и стали переправляться. Плоты засновали с одного берега на другой. Мы с Яковлевым переплыли последними, обрезали веревки и оттолкнули плоты от берега. Бурная вода понесла их по течению.

— Ну, Федя, теперь мы дома.

Согласно договоренности в знак дружбы и благополучного возвращения на Большую Землю мы с Яковлевым обменялись пистолетами. Я отдал ему трофейный парабеллум, а он мне — отечественный ТТ.

Хвост колонны медленно втягивался в темный еловый лес. Утомленные ночным переходом, люди больше не торопились. Вес были уверены, что опасность миновала. Впереди должны быть наши.

— Махорочки сейчас закурим у красноармейцев, — потирая от удовольствия руки, говорил Горячев.

Но в это время в глубине леса затрещали пулеметы, загремели взрывы гранат. Над головой противно завизжали пули.

Неприятный холодок пробежал по телу.

Я видел, как замешкались впереди идущие бойцы. Несколько человек побежало обратно к речке.

— Назад! — крикнул Яковлев.

Из глубины болотистого леса, где шел жестокий бой, бежали партизаны.

— Немцы! Кругом немцы! — кричал рыжий парень.

Мы остановили его.

— Говори толком, — сердито сказал Яковлев.

— Что говорить, они там наших столько положили, сейчас идут сюда, — сдерживая дыхание, затараторил боец.

— Брось молоть! — оборвал Яковлев.

Медлить нельзя, надо действовать.

Я подзываю Горячева и велю разведать одно из направлений.

— Будь осторожен, Николай.

Перебарывая усталость, Горячев улыбается:

— Не беспокойтесь, Ильич, комсомол не подведет.

К нам нерешительно подходят женщины-проводницы.

— Что за церковь стояла у железной дороги? — спрашиваю я.

— Погост Заклюка, — ответила одна из них.

Мы склоняемся над картой, находим указанное место и удивленно смотрим друг на друга. Наши отряды находятся между линиями немецкой обороны. Река, попавшаяся нам на пути, оказывается не Смерделыо, а Пузной.

Мы поняли, что ночью сбились с пути.

В той стороне, куда ушел с разведчиками Горячев, завязалась яростная стрельба. Она продолжалась не больше двух минут. Затем раздался взрыв гранаты, и все смолкло.

Прибежал боец яковлевского отряда Леша Павлов. Он был послан в разведку вместе с Горячевым. Одежда на нем изодрана, лицо бледное, испуганное.

— Что случилось?

— Напоролись на немцев. Ребята погибли. И Коля ваш… погиб…

— Не может быть! — воскликнул я.

В это время совсем рядом раздались автоматные очереди. Среди гражданских людей началась паника. Ей поддались и партизаны. Все перемешалось. Никакие команды и приказания уже не действовали. Люди бросились бежать. Гитлеровцы косили их автоматным огнем.

К счастью, впереди оказался комбриг Бабаков. Он выставил заслон, а сам, размахивая пистолетом, во всю мощь легких закричал:

— Стой! Куда прешь!.. Застрелю! Назад!

Это был критический момент. Не послушай люди комбрига, продолжай они бегство — тогда конец, полный разгром. Но человеческий разум, здравый смысл победил животное чувство страха. Люди опомнились, остановились, начали отстреливаться.

— Не отступать, товарищи! Бейте фашистскую сволочь, — продолжал греметь голос Бабакова.

Кто-то бросил гранату, она разорвалась в самой гуще гитлеровцев. Это было последнее, что окончательно решило исход боя. Немцы стали отходить.

Бойцы собирались по отрядам. Многие от стыда за минутную слабость не смотрели друг другу в глаза. Да, все могло кончиться иначе, не подоспей вовремя Бабаков. Теперь он стоял в кругу командиров отрядов и приказывал занять круговую оборону.

Пользуясь затишьем, мы узнали кое-что о случившемся. Оказалось, сбившаяся с пути по вине проводников партизанская колонна врезалась в расположение крупной фронтовой гитлеровской части. Немцы сначала растерялись и пропустили голову колонны. Потом пришли в себя и открыли ураганный огонь. Гитлеровцам удалось расчленить колонну на две части и одну из них рассеять.

Сидя в круговой обороне, партизаны старательно вывертывали карманы с надеждой найти там завалявшуюся корку хлеба. Съестные запасы мы израсходовали еще за железной дорогой, и теперь у нас не было ничего, кроме воды.

Несмотря на бессонную ночь и чрезвычайную усталость, спать не хотелось. Все с нетерпением ждали вечера. Только темнота могла помочь нам уйти из этого болотистого места, вокруг которого расположился неприятель.

Я никак не мог смириться с мыслью о гибели Горячева.

— Расскажи, друг, как было дело? — попросил я Павлова.

Павлов долго молчал. Он несколько раз взглянул мне в глаза. Видно было, и ему тяжело говорить о гибели Коли.

— Вышли мы из кустов на поляну. Посмотрели — никого нет. Дай, думаем, пройдем дальше. Только выскочили на середину, а нам — «Хальт!». Мы с Колей залегли, стали отстреливаться. Да куда там. Немцев, как собак нерезаных. Мы вскочили и обратно. Я добежал до леса, а Колю, видать, шибко ранили. Он упал. Когда я оглянулся, к нему подбежали немцы. Вдруг в том месте, где лежал Коля, взметнулся столб дыма, раздался взрыв. Фрицы вокруг него упали… Коля подорвал себя гранатой, — закончил рассказ Павлов.

Комок горечи подкатил к моему горлу. Болью кольнуло сердце.

«Не беспокойся, Ильич, комсомол не подведет», —

вспомнились его последние слова.

— Эх, Коля, Коленька!..

Под вечер командиры собрались на совет. Был разработан план дальнейшего продвижения. Командование отрядами поручили Бабакову. В голову колонны выделили наиболее отважных и опытных партизан-автоматчиков.

Наконец двинулись в путь. В лесу стояла кромешная тьма. Люди натыкались на кочки и деревья, под ногами хлюпала ледяная вода. Всем хотелось скорее выбраться из этой чащобы. Прошел час, другой. Казалось, все пойдет хорошо. Но колонна внезапно остановилась.

— В чем дело? Почему стали? — спрашиваем у передних.

Никто ничего не знает. По цепочке вдруг прокатывается шум. Из уст в уста переходят страшные слова: «Колонна разорвалась».

Какой-то ротозей, следуя за товарищами, зазевался и свернул не в ту сторону. Надеясь нагнать своих, он окончательно сбился с пути и повел нас совершенно в противоположном направлении. Когда спохватились, было уже поздно. Ротозея готовы были растерзать на месте.

Мы с Яковлевым переходим в голову колонны. Теперь нам самим приходится вести отряды. Ориентируясь по компасу, мы осторожно идем вперед. В лесу кое-где раздаются винтовочные выстрелы. Это беспокойные немецкие часовне отпугивают нашего брата. Гитлеровские части, безусловно, знают о том, что большая группа партизан находится в этом районе.

Два часа ночи. Люди совсем выбились из сил. С трудом пробираемся по лесному завалу и неожиданно попадаем в воду.

Советуемся. Решаем ждать утра.

Едва забрезжил рассвет, мы уже на ногах. От сырости знобит. Настроение ужасное. Где-то в тумане слышится немецкая речь. Настораживаемся. Палец тянется к курку. То здесь, то там раздаются какие-то сигналы. Слышен рокот моторов, визг циркульных пил.

Путь перерезает лежневая дорога. Меж деревьев видны зеленые шинели гитлеровцев.

По бревнам стучат кованые сапоги солдат. Немцы идут в обе стороны группами и в одиночку.

— Видно, важная артерия, — говорит Веренич.

Мы сидим у дороги несколько часов. Немцы тянутся беспрерывным потоком. По настилу тарахтят повозки, автомобили.

Я проверяю своих бойцов. Их осталось не больше половины. Часть ушла в голове колонны с Бабаковым, часть погибла.

Лица у людей хмурые, осунувшиеся. От ходьбы по болотам, кочкам и корягам обувь развалилась, и теперь многие бойцы оказались босиком. Ноги от ледяной воды посинели, ссадины кровоточили. Еще больше беспокоило нас отсутствие боеприпасов. У некоторых осталось всего по два-три патрона. Все понимали, что немцы, хорошо зная, в какое тяжелое положение попали партизаны, примут все меры к тому, чтобы нас уничтожить.

Днем по лесу разносились звуки мощных репродукторов. Фашисты передавали обращение к партизанам. Диктор уговаривал партизан переходить на сторону немецких войск. Он умолял, обещал, хвастал и стращал. Рядом со мной, облокотившись на автомат, сидел Веренич.

— Спишь? — спросил я его.

— Нет. Вот думаю… Из кожи лезут гитлеровцы. Листовки отпечатали, радио пустили в ход… Сдавайтесь… Будет гарантирована хорошая жизнь и питание… Мне вспоминается «Песня собак» венгерского поэта Шандора Петефи. Читал когда?

— Нет, не читал.

— В этой песне собаки поют:

«…О еде заботы нет.
Ест хозяин сладко.
На столе хозяйском
Есть всегда остатки.

Плеть — вот это правда —
Свистнет — так поплачешь!
Но хоть свистнет больно —
Кость крепка собачья.

Господин, смягчившись,
Подзовет поближе.
Господина ноги
Мы в восторге лижем!»

Помолчав, Веренич спросил:

— Ну, как?

— Хорошо написано, правильно.

— А фрицы предлагают нам превратиться в тех собак, которые грызут объедки да лижут хозяйский сапог.

Веренич долго смотрел на высокое безоблачное небо.

— Знаешь, командир, на кого мы сейчас похожи? — продолжал он. И, не дождавшись ответа, проговорил: — На орла

без крыльев. Он лететь не может, но рвать клювом и драться когтями сумеет.

После долгих блужданий по лесу мы приняли решение — идти назад, в глубокий тыл врага.

На другой день отряд вновь форсировал реку Пузну и к вечеру приблизился к железной дороге Новосокольники — Дно. Миновав редкий кустарник, по болотистому полю подошли к телеграфным столбам. Неожиданно взлетели две ракеты. Стало светло, как днем. Прямо перед собой мы увидели железнодорожный мостик, возле которого суетились немцы. Заметив нас, они бросились к пулемету.

Мы тоже открыли огонь. В это время с двух сторон вспыхнули ослепительные лучи прожекторов. Заработали вражеские пулеметы. Партизаны стали искать укрытия, но кругом была одна вода.

— Отходи! — крикнул я.

Отстреливаясь последними патронами, бойцы стали отступать. Было ясно, что враги специально закрыли переход через железную дорогу.

У моста мы потеряли многих боевых друзей: Константина Кузьмина, Владимира Волкова, Виктора Дудникова, помощника Яковлева Филина и других товарищей. В этом бою геройски погиб и Дмитрий Веренич, наш комиссар и лучший пулеметчик отряда, человек беспредельной храбрости и отваги.

— Пойдем влево. Туда, где выходили из тыла в первую ночь. Не может быть, чтобы немцы стояли по всей линии, — предложил Яковлев, когда сильно поредевшие наши отряды укрылись в лесу.

В час ночи партизаны вышли на старый след. Снова мы увидели телеграфные столбы.

— Линия, — сказал Ворыхалов.

Отряд залег. Я взял группу ребят и вместе с ними пошел проверить, нет ли засады. В двадцати метрах от столбов оставил бойцов, а сам, прижимаясь к земле, подполз к насыпи. На линии — ни души.

Я хотел уже было вернуться, как вдруг на путях выросли силуэты двух людей. Совсем рядом раздался голос. Люди на путях откликнулись. Значит, нас ждут.

Немцы сдержанно разговаривают. Мне удается уловить только два слова: «партизан» и «капут». Вдали вспыхнула ракета, осветив у телеграфного столба трех человек в касках и с пулеметом. Разговор прекратился, послышались приближающиеся шаги. Долговязый фашист, шлепая сапожищами по воде, прошел в трех метрах от моей головы.

Опять неудача! Нам абсолютно не везет. Снова вернулись в лес, чтобы там провести день.

В лесу жевали почки деревьев, пили из луж воду, крутили из прошлогодних листьев цигарки. Дым притуплял голод. Едва стемнело, отряд цепочкой потянулся из леса. В неглубоком овраге случайно наткнулись на двух спящих парней. Они пытались бежать, но были задержаны. Документов у них никаких не было. Один из них доказывал, что они с Чирой — такая кличка была у его товарища — партизаны и оба родом из Лихославля. Ребят пришлось взять с собой.

На этот раз берем круто вправо и снова выходим к железной дороге. Но не успели мы подойти к телеграфным столбам, как из темноты раздался гортанный окрик:

— Хальт! Хэнде хох!

Ночную тишину потрясли взрывы гранат. Опять вспыхнули лучи прожекторов, и вновь началась смертельная схватка. Под шквальным огнем неприятеля приходится отступать. Здесь мы теряем отважного командира Федора Яковлева, гибнут от фашистских пуль Федор Попков, Павел Турочкин и другие бойцы. Не вернулся из этого боя и Чира из Лихославля.

Мы — в ловушке. Немцы накрепко перекрыли нам все пути отхода. Остается последняя и решающая попытка прорваться к частям Советской Армии.

13. Тяжелые испытания

Ночью в третий раз с трудом переправляемся через знакомую Пузну. Приближается рассвет, и нам нужно как можно дальше уйти от места переправы. Ориентируясь по компасу, идем без отдыха по густым, болотистым зарослям на юго-восток. Утром натыкаемся на свежую вырубку, устраиваемся под пушистыми ветками елок и засыпаем беспокойным сном.

Часов в девять меня поднял Толя Нефедов.

— Немцы ходят, — сообщил он.

Я осторожно раздвинул ветки. Небольшая группа вражеских солдат пилила деревья. Немцы-лесорубы не представляли для нас большой угрозы, но и мы для них не были опасны. Редко у кого осталось два-три патрона, у большинства сберегался лишь последний заряд… для себя.

В полдень немецкие солдаты разожгли костры. Запахло чем-то вкусным. Немцы варили обед. Люди почувствовали острый голод. Закружилась голова — организм требовал пищи.

Вид у всех был страшный: осунувшиеся посиневшие лица, воспаленные глаза. Толя Нефедов не выдержал:

— Сейчас бы кусман черного хлеба, — мечтательно сказал он.

— Да с солью, — поддержал Ворыхалов.

Моментально всем представилась большая краюха ароматного хлеба, густо посыпанная солью, и сразу же появилась неудержимая слабость.

После этого случая всякие разговоры о еде были запрещены.

День клонился к вечеру. Окрасив розоватым цветом верхушки деревьев, выплыло из-за туч солнце. Высоко над головой послышался звук самолета.

— Наш, — улыбнулся Анатолий.

Немецкие солдаты, окончив работу, ушли. Мы с трудом поднялись и медленно потянулись в болотистый ельник. Когда отряд миновал заболоченный участок леса, перед нами раскинулась просторная равнина с извилистой речушкой и пологими, поросшими камышом берегами. Вскоре мы увидели в камышах людей, которых сначала приняли за партизан. Бросились было туда, но вовремя различили зеленые мундиры. Немцы строили через речушку мост. Косясь глазом на солдат, мы скрылись в камышах. На противоположном берегу реки заманчиво маячил вдали и манил своим мирным видом одинокий домик.

«Может быть, там нет гитлеровцев», — подумали мы и представили, как встретит нас гостеприимный хозяин, возьмет в

руки большую буханку свежего хлеба и начнет отрезать толстые ломти. А на столе в огромной солонке соль. Макай — не хочу.

Мы долго наблюдали за домом. Из него никто не выходил.

— Пошли! — сказал я.

Едва достигли воды, как возле нас фонтанами взвилась влажная земля. Зацокали, засвистели пули. Возвращаться назад было поздно. На наше счастье чья-то добрая рука положила через речку бревно. Мы быстро проскочили по нему. Надежда на помощь несла нас, как на крыльях.

Когда приблизились к дому, увидели немецкого солдата. Прижавшись к углу, он с колена бил по нас из карабина. Мы свернули к лесу.

Вскоре наступила ночь. Которая это была ночь наших скитаний, никто не мог сказать — сбились со счета. Я шел с пустым автоматом. В пистолете осталось три патрона. Последнюю гранату-лимонку я случайно уронил в воду во время переправы через Пузну.

Утром отряд приблизился к лесной просеке. Пока бойцы отдыхали, я пошел проверить, нет ли на просеке немцев. Придерживая по привычке автомат на изготовке, вышел на просеку. Посмотрел по сторонам — никого. Хотел идти дальше, но здесь же оторопел. Метрах в пяти-шести у толстого дерева стоял гитлеровец с направленной на меня винтовкой. Мне удалось разглядеть испуганное лицо солдата и трясущийся ствол в его руках. Немец целился мне в голову. Моя рука инстинктивно потянулась к пистолету.

В это роковое мгновение в голове промелькнула вся моя короткая жизнь. Последнее, о чем я подумал, — дойдут ли ребята до своих.

Грянул выстрел. Просвистела у виска пуля. Я метнулся в сторону, и развесистые ели укрыли меня от глаз фашиста.

Ребята были уже на ногах. Отряд быстро стал уходить в сторону. Сзади неслись крики и выстрелы.

Мы так увлеклись, что неожиданно натолкнулись на небольшую группу немцев. К нашему счастью, в руках у них оказались лишь топоры да пилы. Солдаты строили блиндажи.

Немцы опешили. Они выпустили из рук инструмент и, раскрыв рты, с удивлением уставились на нас — оборванных, босых, обросших, страшных. Почти вплотную прошли мы мимо блиндажей и молча скрылись в болоте.

Немцы, видимо, так растерялись, что не осмелились поднять тревогу.

Мы уходили по завалам. Двигаться было невыносимо тяжело.

— Не видать нам своих. Хана всем, — с апатией заявил

приятель Чиры.

— Не хнычь, — сердито оборвал его Толя Нефедов.

Сам он еле плетется.

— Устал? — спрашиваю.

— Устал, да что ж поделаешь, — пытается улыбнуться посиневшими губами Анатолий.

Идем по краю ельника, придерживаясь едва заметной тропы, протоптанной кем-то по пушистому, зеленому мху. Справа от нас просторная, залитая солнцем поляна. Невольно делаю к ней несколько шагов, но в голове стучит беспокойная мысль: «Не ходи, нельзя». «Солнце светит всем, но греет не каждого», — почему-то вспоминается изречение, вычитанное когда-то из книг.

Засмотревшись на поляну, потерял тропу. Начались поиски, но тропу так никто и не нашел. Неожиданно раздался непонятный крик, блеснули огоньки выстрелов. Упал с пробитой грудью боец Иванов. Послышался чей-то стон. Немцы били в упор. Лес сразу наполнился пороховым дымом. Люди на мгновение растерялись.

— Сюда! — крикнул я, увлекая ребят в сторону болотистого кустарника.

Удаляясь от засады, увидели на земле несколько обнаженных изуродованных трупов. «Вот что делают фашистские варвары!» — с гневом подумали мы.

Стрельба не смолкала. Слышались голоса гитлеровцев.

Я понял: кустарник разбит на специальные квадраты, которые усиленно охраняются. Враги, безусловно, слышали, как мы плескались в воде и трещали сучьями. Положение сказалось критическим. Между тем стемнело. Пришлось остановиться. Немцы методически простреливали наш квадрат разрывными пулями. Это была, пожалуй, одна из самых ужасных ночей в моей жизни. Гибель казалась неминуемой.

Чтобы не утонуть, уперся ногами в корягу и ухватился рукой за свесившийся сук. От усталости закрыл глаза. В голове каруселью закружились разные мысли. Вспомнился дом, родные, школа. События последних дней вновь прошли передо мной. Последнее, что удержалось в сознании, — раздетые трупы людей, только что виденные в кустах.

Тропу, по которой мы шли, видимо, проложили такие же, как и мы. Немцы встретили их и обстреляли. Вот почему оборвалась тропа. Гитлеровцы поджидали новую группу партизан, и мы наткнулись на них. Но зачем они раздели убитых? Для чего им понадобилась небогатая партизанская одежда?

Хлопок разрывной пули вернул меня к действительности. В темноте с трудом различил силуэты бойцов. Немцы не

переставали стрелять.

Возле нас то и дело свистели и щелкали пули. Неожиданно рядом грохнул выстрел. Послышался плеск воды. Все напряженно насторожились. Что такое?

— Приятель Чиры застрелился, — зашептали кругом.

Кто-то из ребят крепко выругался и плюнул…

Случай самоубийства неприятно подействовал на каждого из нас.

Время тянулось медленно. Ледяная вода сводила ноги, тело лихорадило от холода. Больше невозможно было ждать. Я дал сигнал приготовиться к походу. Объяснил план, подбодрил ребят, и мы тронулись в обратную сторону. Пробирались осторожно, медленно, след в след. Так шаг за шагом петляли до рассвета. Замкнутый немцами круг остался позади. Настроение поднялось, на сердце стало веселее. Но это был лишь временный прилив сил. Скоро все вновь почувствовали страшную усталость. От слабости подкашивались ноги. Люди стали отставать. Колонна растянулась. Пришлось остановиться на привал. Ребята утоляли голод молодой травой, липкими приторными почками с деревьев.

— Вот нам и крышка, — проговорил хриплым голосом партизан из яковлевского отряда.

Ко мне подошли трое.

— Не увернуться нам от плена, командир, — сказал один из них.

— Стреляться надо, — молвил другой.

Я окинул взглядом партизан:

— Живьем нас не возьмут. Будем идти еще день. Все-таки попытаемся прорваться.

Бойцы одобрительно кивнули головами.

14. Впереди наши

На привале тело наливалось свинцом, пухли ноги. Я понял: отдыхать больше нельзя. С огромным трудом поднялись с земли. Весь день мы не останавливались, медленно брели вперед. Часто всматривались вдаль в надежде увидеть заветную реку Смердель, за которой должны были стоять части нашей армии.

В сумке у меня лежала карта, испещренная пометками о расположении и численности вражеских гарнизонов. Много было гитлеровских приказов и различных важных документов. Все это во что бы то ни стало нужно было доставить за линию фронта и передать командованию Советской Армии.

К вечеру миновали заболоченный лесной массив, и все разом увидели блеснувшую между деревьев голубую ленту реки.

Впервые за много дней на лицах бойцов мелькнули улыбки. Мы с трудом сдерживали себя. Хотелось скорее перебраться на противоположный берег.

— Смотри, провода, — настороженно сказал Нефедов.

Вдоль берега тянулась паутина разноцветных телефонных жил. Провода явно принадлежали врагу.

— Вот и немцы идут, — упавшим голосом проговорил Разгулов.

В метрах, двадцати от нас шли немецкие солдаты. Их было человек двенадцать. Все с автоматами.

— Патруль, — догадались мы.

Ребята притихли. Гитлеровцы поравнялись с нами и стали не спеша удаляться.

Едва фашисты скрылись, мы бросились к реке. Мгновенно перекинули на другой берег ржавое, незаряженное оружие и, не раздеваясь, прыгнули в ледяную, бурлящую воду. Стремительный поток подхватил нас, закружил и понес по течению.

Тяжело дыша, вышли на берег и тут же в изнеможении повалились на землю.

Впереди, в нескольких метрах от реки, пролегал большак. По разрушенному мосту можно было определить, что дорога бездействовала.

Мокрые и обессиленные, вскарабкались мы по крутой насыпи на шоссе и увидели на песке свежие отпечатки русских, кирзовых сапог.

— Красноармейская разведка проходила, — высказал предположение Ворыхалов.

Сразу за большаком начинался сосновый болотистый лес. Решили там укрыться и хоть немного выжать одежду.

Большак просматривался противником, и, чтобы идти по нему, нужно было ждать вечера. Подул северный ветер, повалил снег. Все дрожали так, что зуб не попадал на зуб. Хотели разжечь костер, но не оказалось огня.

— Пошли, ребята, — не выдержал я.

Воспользовавшись снегопадом, вышли на шоссе. Мокрый снег таял на земле, и на дороге отчетливо виднелись бугорки песка. Вероятно, большак был заминирован еще с осени. Двигаясь по следу красноармейской разведки, мы вышли к сожженной деревне. У одинокого дерева стоял часовой. Мы остановились.

— Вот и пришли, — сказал я.

Каждый из нас понимал, что наступила решающая минута. Если это наши — мы спасены; если немцы — неминуемая гибель. Бойцы обступили меня плотным кольцом. Мы дали клятву умереть, но не сдаваться врагу. Как говорится, помирать — так с музыкой.

Выслали вперед двух бойцов. Надо было видеть нашу радость, когда они махнули нам шапками.

— Свои! — донеслось до нас долгожданное слово.

После долгих скитаний наш отряд достиг передового советского гарнизона Харайлово, Не верилось, что мы, наконец, выпутались из вражеских сетей. Каждый старался пожать руку советским бойцам.

Наш необычный вид привлек внимание всего гарнизона. Даже видавшие виды фронтовики качали головами:

— Эге, хлопцы, видно, не сладко пришлось вам в тылу у фрицев. Узнали, почем фунт лиха…

Мы думали, что сейчас нас накормят вкусным обильным обедом, но нам дали лишь по полсухаря на человека. И то начальник гарнизона распорядился выдать их из НЗ.

Оказалось, что немногочисленный Харайловский гарнизон был оторван от передовых частей больше чем на семь километров и никакого подвоза продуктов к нему в течение нескольких дней не было.

Ночевать нас здесь не оставили. Начальник гарнизона предложил идти на передовую.

— Там спокойнее, да и помощь окажут, — сказал он.

Делать нечего, нужно двигаться дальше. Была уже ночь, когда фронтовики проводили нас за пределы гарнизона.

— Будьте осторожнее, ребята, немецкие разведчики здесь здорово пошаливают, — говорили они нам на прощание.

Пробираясь по дремучему болотистому лесу, мы поняли, в каком положении находится Харайловский гарнизон.

После долгого пути мы услышали окрик часового. Пока

проверяли да выясняли, кто мы и откуда, прошел добрый час. Наконец отряд впустили за линию обороны. Командование распорядилось предоставить для нас единственное и самое хорошее помещение фронтовой полосы — баню. Ее, по-видимому, с вечера натопили, и мы очутились как в раю.

Вскоре все уснули мертвым сном. Спали без просыпа двенадцать часов, а когда нас разбудили, никто не мог держаться на ногах. Опухли.

Бойцы помогли нам выйти на улицу, где стояла походная кухня. Зазвенели котелки, ложки. Вкусный запах съестного приятно защекотал в носу. Где-то в землянке заиграла гармошка. Мы воспрянули духом. К нам возвращалась жизнь.

В полдень пришла весть о гибели Харайловского гарнизона. Рассказывали, что немцы, напавшие на Харайловский гарнизон, были одеты в партизанское обмундирование. И здесь мы поняли, почему там, в лесу, лежали обнаженные трупы убитых партизан. Враги готовились к хитрой операции. Они на рассвете навалились на горстку наших бойцов и ценой больших потерь осуществили свой замысел. Мы очень жалели своих спасителей и удивлялись своей судьбе. Стоило остаться в Харайлове, и нас постигла бы та же участь…

Двенадцатого мая наш отряд прибыл в Торопец. В партизанском штабе нас считали погибшими, и, когда мы появились на пороге, все очень удивились. Радости не было границ.

Здесь мы встретили старых знакомых, но многие из вражеского тыла не вернулись. Смертью храбрых погиб капитан Алиев. Комбриг Карликов был тяжело ранен, но его сумели вынести в советский тыл. Жаль было боевых друзей. Позднее мы отомстили врагу за их смерть.

В один из дней, когда мы находились на отдыхе, из Калинина сообщили, что меня вызывают в Москву, в Центральный штаб партизанского движения, для получения правительственной награды.

И вот — Москва!..

Вместе со мною приехали партизаны из Белоруссии и с Украины. Встали рано утром: не спалось. Нам предложили ехать в Кремль на автомашине, но мы отказались. Хотелось пройтись по городу, полюбоваться столицей.

Никогда не забудется этот майский день 1943 года. Яркое весеннее солнце, чистое голубое небо. По улицам проносятся автомобили, автобусы, звенят трамваи. В скверах — веселые, играющие детишки. Немцы болтали, что Москва вся в руинах.

Здесь же — никаких следов войны, только необычно много военных. В памяти всплыл образ Николая Горячева и слова его любимой песни:

…Письмо в Москву, в далекую столицу,
Которой я ни разу не видал…

Вот и Кремль. Взволнованные, входим мы в просторный зал. На Спасской башне часы бьют одиннадцать. Работник Президиума Верховного Совета СССР сообщает нам, что награды будет вручать Михаил Иванович Калинин.

Не успели мы освоиться с этой мыслью, как в зал вошел сам Михаил Иванович. Мы, стоя, приветствовали его, а он, прищурив глаза, отвечал нам доброй улыбкой. Первыми получали награды воины Советской Армии. Затем, после небольшого перерыва, секретарь Президиуме. Верховного Совета А. Ф. Горкин объявил:

— А сейчас, товарищи, ордена и медали получат народные мстители, наши партизаны.

Назвали мою фамилию. Робея, подошел к столу. Михаил Иванович шутит:

— Смелее, смелее, фашистов бить не боялся, а здесь струсил.

Рядом — фотокорреспонденты. Поневоле растеряешься… Но Михаил Иванович уже жмет мою руку и подает орден Красного Знамени. Волнуясь, я говорю, что моя награда — это награда всему нашему отряду, всем моим товарищам по оружию.

После получения наград решили сфотографироваться. Вышло так, что я сел рядом с товарищем Калининым. Обратив внимание на мою молодость (мне тогда было девятнадцать лет), Михаил Иванович, улыбаясь, спросил:

— А ты откуда же будешь, партизанчик?

Отвечаю:

— Родом из Калининской области и партизаню на ее территории.

— Земляк! — обрадовался Михаил Иванович. — А ну, рассказывай, давно ли из вражеского тыла? Как настроены люди?..

Я едва успевал отвечать на вопросы.

Фотокорреспонденты беспокоятся:

— Михаил Иванович, — просят, — одну минуточку!

Но он так увлекся разговором, что никак не может оторваться от нас и не сразу выполняет их просьбу.

Прием окончен. Надо уходить, Михаила Ивановича ждут важные государственные дела. Каждый из нас хочет еще несколько минут побыть с ним — не часто такое сличается в

жизни…

Подозвав меня, Михаил Иванович говорит на прощание:

— Передан, дружок, привет землякам. Скажи, пусть бьют врагов без пощады. Победа не за горами…

Вечером начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко представил нас товарищам Ворошилову и Василевскому.

…Через месяц наш отряд был готов к новому походу в тыл врага. Родина звала в бой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Россонский край

Июльский вечер 1943 года. Щедрое летнее солнце, нещадно палившее днем израненную землю, клонилось к закату. Его косые лучи, пробираясь сквозь ветви развесистых сосен, окаймлявших обширное поле аэродрома, освещали укрытые здесь от вражеской авиации самолеты.

Стояла удивительная тишина, и лишь высоко в безоблачном небе слышался далекий рокот охранявших аэродром истребителей. Мы прибыли сюда на нескольких грузовиках, чтобы ночью улететь в тыл врага. Мало кто из нас не был по ту сторону фронта, и мы ясно представляли себе, что ждет нас впереди.

Настроение у всех было приподнятое. Мы веселились, шутили, пели любимые песни: «Катюша», «Вечер на рейде» и «Там вдали за рекой».

Наша бригада специального назначения состояла из двух хорошо вооруженных отрядов, а также хозяйственного взвода и разведки. Командиром одного отряда был Александр Лопуховский, или Сан Саныч, как попросту звали его между собою бойцы. Балагур, плясун, весельчак, Лопуховский имел солидный партизанский стаж. На его груди поблескивал орден Красной Звезды.

Командиром другого отряда, костяком которого являлись наши бойцы из отряда «Земляки», назначили меня. Здесь были мои старые боевые товарищи Виктор Соколов, Павел Поповцев, Василий Ворыхалов, Николай Орлов, Василий Беценко. Толю Нефедова оставили дома: он серьезно заболел. Потом нам рассказывали, что после выздоровления, желая во что бы то ни стало найти наш отряд, Нефедов примкнул к какой-то партизанской группе и при переходе линии фронта погиб.

Политруком нашего отряда назначили Георгия Богданова (все звали его Юрой). Я знал о нем немного. До войны Богданов жил в Эстонии, в городе Нарве. Когда началась война, добровольно ушел в армию. Затем был пулеметчиком в одном из партизанских отрядов.

Наши отряды подчинялись штабу бригады, которой руководил Александр Владимирович Назаров, человек смелого, волевого склада.

Пока мы отдыхали, распевая песни, комбриг Назаров и комиссар бригады Вениамин Яковлевич Новиков договаривались с авиаторами о полете. Здесь произошло небольшое недоразумение: выяснилось, что мы прибыли не на тот аэродром. К счастью, Назаров быстро все уладил, нас посадили в самолеты и

через несколько минут доставили на другой аэродром.

Ночью на стареньких самолетах Р-5 мы полетели в тыл врага. Машина, в которой я летел, взяла сразу шесть человек. Четверых разместили в люльках на нижних плоскостях, одного в отсеке, между мотором и кабиной пилота, а меня положили в фюзеляж за спиной штурмана. Когда поднялись в воздух, я подложил под голову вещмешок и стал посматривать вниз сквозь небольшое отверстие. Самолет шел на большой высоте, но была лунная ночь, и я отчетливо видел под собой проплывавшие мимо леса, дороги, реки.

Летели долго. От монотонного шума мотора стало клонить в сон, и я немного вздремнул. Разбудил меня страшный треск. Самолет бросало из стороны в сторону. Через окно было видно большое огненное зарево. Штурман быстро поднялся с места и стал поправлять лямки парашюта. Спросонья мне показалось, что самолет горит и падает, а летчики собираются прыгать с него. Но в это время штурман обернулся и крикнул мне:

— Довольно спать. Прибыли в Селявщину!

Я облегченно вздохнул. Оказалось, что самолет трясло по неровному полю, а зарево исходило от ракет, освещавших аэродром.

Через неделю вся бригада была здесь. Последним самолетом прилетел Назаров с радистами. Однако во время переброски не все прошло благополучно. Часть бойцов решили переправить сюда планером. Планер был старый, и когда его отцепили от буксирующего самолета, он стал вибрировать. Планерист не смог справиться с ним. Планер разбился, в результате чего погибли двое наших партизан. Так уже здесь, в Селявщине, нам пришлось хоронить своих друзей.

Аэродром Селявщина являлся главным перевалочным пунктом Россонского партизанского края на Витебщине. Он способен был принимать с посадкой такие крупные самолеты, как ЛИ-2. Сюда прибывало ежедневно несколько машин. Одни везли партизан, другие — боеприпасы, оружие, медикаменты. На обратном пути их загружали ранеными, эвакуировали осиротевших детей и всех, кому угрожала расправа со стороны гитлеровских властей. Немцы систематически бомбили посадочную площадку, воздушные хищники стремились не пропустить советские самолеты, но, несмотря ни на что, полеты не прекращались.

Дней десять мы принимали из советского тыла свой боевой багаж: тол, патроны, питание к радиостанциям и разное снаряжение. Командир отряда Лопуховский был у нас в эти дни вроде коменданта аэропорта. Он с большим старанием заботился

о приеме предназначенных для бригады грузов и на этой работе заслужил себе прозвище «Понзабота». Приставка «пон» получилась потому, что в разговоре Лопуховский часто употреблял слово «понял», которое звучало у него как «пон».

Наконец бригада получила все грузы и приступила к изучению обстановки.

Россонский партизанский край оказался обширным. 5200 квадратных километров были освобождены от гитлеровских захватчиков. Северная граница подходила к Идрице и Себежу; западная — к Освее и Дриссе; с юга достигала города Полоцка и на востоке — Невеля.

По правде сказать, эти места даже неудобно было называть тылом врага, ибо все здесь оставалось по-нашему, по-советски. Здесь были колхозы, сельсоветы, и никаких немецких порядков местное население ре признавало. Здесь даже демонстрировались кинофильмы: «Чапаев», «Разгром немцев под Москвой». Но нелегкой ценой была отбита у врага эта территория. Десятки сожженных деревень, братские могилы расстрелянных жителей и погибших партизан напоминали о тяжелых днях борьбы с карателями.

И не только с гитлеровцами приходилось бороться народным мстителям — в ногах путались власовцы и разное другое отребье.

Действуя по плану, мы сначала познакомились с партизанской границей у города Полоцка. Каждый из нас с огромным уважением отнесся к своим собратьям по оружию, которые бдительно отстаивали и охраняли границу партизанских владений. Это была настоящая государственная служба.

Комбриг Назаров торжественно вручил от имени нашей бригады новенький автомат лучшему бойцу партизанской пограничной заставы, и все мы горячо пожали руки советским патриотам.

В нашу задачу первым делом входила разведка. Щупальцы бригадной агентурной разведки скоро расползлись вокруг Полоцка, проникли в город, а через некоторое время потянулись к Витебску и Даугавпилсу. Бригадные радисты Михаил Кудрявский, Сергей Курзин и Павел Куликов посменно выстукивали на ключе морзянку. Они выходили в эфир в разное время суток, посылая в Москву самые новые сведения.

Мы занимались также розыском штаба пресловутого генерала Власова, который, встав на путь предательства, организовал и возглавил по указке Гитлера так называемую «русскую освободительную армию» — РОА. Впоследствии его обманутое войско стало разлагаться, начался массовый переход власовских солдат на нашу сторону, и вскоре сам фюрер выразил недоверие

предателю-генералу. Нам удалось обнаружить следы фашистского прислужника. Мы даже получили фотографию, на которой предатель бесстыже позировал в кругу гитлеровских вояк и полиции на перроне станции Себеж.

Дислоцируясь на границах партизанского края, наша бригада всегда держала тесную связь с многочисленными отрядами народных мстителей. Большинство партизанских отрядов и бригад имели свое название: отряд имени Чапаева, имени Щорса, бригада имени Ворошилова, «За Родину», «Смерть врагу» и т. д.

На одном из собраний, по предложению Назарова, было решено выбрать имя и для нашей бригады. Каждый старался придумать название получше, но, когда дело доходило до голосования, оказывалось, что такой отряд или бригада уже существует.

Не могу припомнить, кто из ребят догадался обратиться к истории, но, когда посоветовали назвать бригаду именем прославленного русского партизана Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова, предложение всем пришлось по душе.

Вдобавок к этому местные партизаны окрестили нас «москвичами». Мы, калининцы, — соседи москвичей, не стали возражать, поэтому так и осталось за нами наименование Московской партизанской бригады имени Дениса Давыдова.

Вскоре бригада прибыла в район Невеля. Остановились на берегу озера Язно. Эти места были нам знакомы по предыдущим походам и считались рассадником полицейщины. Правда, партизанская бригада Ахременкова здорово потеснила полицейских к самому городу. Но полицейское гнездо под Невелем сохранилось. Мы решили навестить эту бригаду, тем более, что она расположилась по соседству с нами, в деревне Ерастовка.

Ахременков с комиссаром Карговским оказались на месте Они охотно посвятили нас в тайны фашистских властей, рассказали о планах и повадках врага.

Пользуясь моментом, Назаров разрешил нам сходить в деревню Лепешиху, чтобы расквитаться с предателями, обстрелявшими наших бойцов летом сорок второго года.

Когда дела под Невелем были закончены, бригада отправилась к Себежу. На второй день похода мы неожиданно повстречали на пути старых друзей — партизан бригады Гаврилова. У Гаврилова в то время было немало перебежчиков-власовцев, которые носили гитлеровское обмундирование. Встретив их, мы чуть было не открыли огонь, но вовремя узнали самого комбрига.

Мы были удивлены, когда среди перебежчиков обнаружили

того самого подполковника, к которому год назад посылали девушку с письмом в гарнизон Чернецово.

— Все-таки перешли к партизанам, — сказал я.

— Да, решился, — ответил он.

Через несколько дней бригада прибыла на берега озера Осына, под Себеж. Деревня, где мы остановились, гостеприимно встретила партизан. Каждому хотелось узнать правду о Москве.

Я уже говорил, что немцы выдумывали о ней всякие небылицы и писали об этом в своих листовках. Население деревни было очень радо нашему приходу, и только один старый дед, Каллистрат Устинович, не стесняясь, бранил нас на чем свет стоит.

— Жулябия! — кричал он. — Чертовы лодыри, надо в поле работать, а они гурьбой шатаются по деревням. Управы на вас нет.

Дед возмущался, когда нас звали «москвичами», и доказывал обратное, что москвич — это он, а остальные просто — «жулябия». В деревне старика в шутку называли московским дедом. Впоследствии, когда в те места вновь явились немцы, старик не побоялся напуститься и на них. Он объявил оккупантам, что они — «чертова жулябия», и был расстрелян гитлеровцами.

Здесь, на юге Себежского района, бригада стояла с полмесяца. Впервые после долгого перерыва Назаров разрешил нам совершить диверсию. Группа, возглавляемая Василием Верещагиным, пустила под откос вражеский поезд, а я с ребятами был послан рвать рельсы на участок Идрица — Себеж. Около километра железнодорожного полотна удалось нам подорвать в ту августовскую ночь.

Центральный штаб партизанского движения приказал калининским партизанам начать рельсовую войну. Первый одновременный удар на участке железной дороги от Новосокольников до Латвии и от Невеля до Клястицы был совершен в ночь с 3 на 4 августа 1943 года. Было уничтожено более пяти тысяч рельсов железнодорожного пути. Противник был так ошеломлен, что в течение трех дней не приступал к восстановлению дороги. Гитлеровцы в страхе приняли мощный удар партизан за начало наступления Советской Армии. Распространился даже слух о том, что наши войска прорвали фронт. Немецкое командование не на шутку рассердилось на местное начальство, которое допустило разрушение железной дороги и своевременно не приняло мер к ее восстановлению. Были сняты с постов коменданты и другие чиновники в Себеже,

Идрице и Пустошке. Полицейские гарнизоны и части РОА, которые охраняли дорогу, были заменены более надежными немецкими частями. Вдоль полотна были сооружены дзоты, где находились немецкие солдаты с пулеметами, резко увеличилось количество патрулей на линии.

Через несколько дней бригадная разведка, которой командовал Валентин Разгулов, доложила о намерении фашистов выслать к нам карательный отряд. Истосковавшись по боевым действиям, мы обрадовались случаю сквитаться с немцами и не замедлили выйти в район Рудни Себежской — вероятного пункта следования противника. Пулеметчики Василий Беценко, Алексей Павлов, Николай Иванов, как ни странно, прозванный ребятами за его огромный рост Колей Маленьким, выбрали удобные позиции для обстрела. Автоматчики щедро разложили запасные диски перед собой.

Политрук отряда Богданов по привычке сменил легонький автомат на ручной пулемет и теперь жадно всматривался в дорогу.

— Сейчас потолкуем, кому живется весело, вольготно на Руси, — шутил он.

Но каратели не пришли. Очевидно, их пыл остыл, и они струсили идти в наши края. Поздним вечером мы с песней вернулись к озеру Осына.

В нашей бригаде было немало новичков. Мы, кувшиновцы, взяли с собой своих школьных приятелей: Виктора Колокольчикова, Бориса Холопикова и других. Было у нас и несколько товарищей, которые раньше воевали в разных партизанских отрядах на территории Витебской области.

Когда мы очутились на Витебщине, кое-кто из них стал тайком искать знакомых в других отрядах, чтобы потом перебраться туда. Однажды одна из групп вернулась с задания не в полном составе. Командир группы доложил, что двое бойцов сбежали к своим землякам. Неожиданная новость задела самолюбие всей бригады. На бригадном совещании этих бойцов решили считать дезертирами. На другой день Назаров, Новиков, Нейман, Бертов и я выехали на лошадях в ту деревню, куда подались беглецы. Однако командир местного партизанского отряда, цыган по национальности, хитро обвел нас. Он долго выспрашивал приметы пропавших, а потом убежденно заявил:

— Нет, таких не встречали.

Оказывается, он тянул время, чтобы беглецы успели спрятаться. Мы обыскали несколько домов, но никого не нашли.

— Найдем — расстреляем, — сердито говорил Назаров.

— Хотя бы автоматы отдали, бродяги, — ругался Новиков.

Нам было обидно, что так нечестно поступили эти бойцы, а главное, мы жалели оружие, которое унесли они с собой. Конечно, прямого дезертирства здесь не было, и бойцы перешли лишь из отряда в отряд, но все же это было крайней недисциплинированностью, за что тогда строго наказывали.

2. На север

Время бежало быстро. Мы прошли почти вдоль всей границы партизанского края, произвели тщательную разведку и теперь готовились к походу на север, через железную дорогу Себеж — Идрица.

В одну из сентябрьских ночей бригада успешно перешла сильно охраняемую железную дорогу, проскользнула меж вражеских гарнизонов и двинулась в сторону Опочки.

В первый же день похода мы с радостью встретили конную разведку 5-й Калининской бригады, в которой были наши кувшиновские земляки и школьные товарищи Рем Кардаш и Алексей Андреев.

— Что за оказия, куда ни пойдешь — всюду кувшиновцы, — смеялся комбриг Назаров.

Приятно было слышать это.

Мне часто вспоминались слова нашего комсомольского вожака — секретаря райкома ВЛКСМ Николая Арсеньевича Курова, которыми он в сорок первом году напутствовал нас в дорогу:

— Вам, ребята, — говорил он, — предстоят тяжелые испытания. И я уверен, что вы не посрамите честь своего родного города.

Комсомольцы-кувшиновцы достойно выполнили этот наказ.

Разведчики 5-й бригады нарисовали нам подробную картину расположения вражеских гарнизонов, а также указали места дислокации партизанских отрядов. Из их рассказов мы поняли, что скучать нам здесь не придется, ибо и немцев и партизан в этих краях было немало.

Дней двадцать ходили мы по округе, собирая сведения, нужные командованию партизанскими силами. Успешно действовало отделение агентурной разведки, которым руководил Василий Беляков из Вышнего Волочка. Подобранные им люди, пренебрегая опасностью, самоотверженно работали на нас в Себеже, Идрице и Опочке.

7 октября 1943 года войска Калининского фронта под командованием генерал-полковника А. И. Еременко освободили важный опорный пункт немцев — город Невель. Нам была хорошо известна мощная оборона Невеля, поэтому мы очень удивились, когда узнали, что наши войска так быстро и неожиданно овладели городом. Местные жители рассказывали, что, когда советские танки ворвались в Невель, немецкие регулировщики приняли их за своих, дали зеленую улицу и немедленно

пропустили к центру. Много страха и паники нагнали на немцев советские танкисты внезапным налетом. Враг поспешно отступил, но вскоре укрепился на рубеже Дретунь — озеро Нещердо — Сутоки — Новосокольники.

Таким образом, район озера Язно, где недавно пришлось нам побывать, оказался освобожденным. Бригада Ахременкова и некоторые отряды, находившиеся в восточной части партизанского края, оказались в советском тылу.

На северном участке железной дороги Новосокольники — Себеж, где действовала наша бригада, было сравнительно спокойно. В тихие осенние дни до нас доносились раскаты дальнобойной артиллерии, и на душе становилось радостно от сознания близкой победы.

Мы вели разведку, бывали в соседних партизанских отрядах, командиры их также приезжали к нам. Однажды проездом остановился у нас комиссар 10-й Калининской бригады Павел Гаврилович Романов. Смелый и находчивый в боях, он пользовался большим авторитетом у партизан. П. Г. Романов подробно рассказал о боевых успехах 10-й бригады. За последнее время она разгромила сильно укрепленный неприятельский гарнизон Сутоки, совершила нападение на вражеские части в деревне Балтино, провела десятки диверсий и отважных вылазок. Ведущий отряд бригады под командованием И. В. Жукова провел шестнадцать открытых боев с оккупантами, спустил под откос двенадцать вражеских эшелонов, уничтожил несколько десятков автомашин, вывел из строя много мостов, железнодорожных путей, телефонных и телеграфных линий.

Впоследствии нам довелось побывать в Красногородском районе, и мы сами убедились в боевых успехах этого отряда. Местные жители называли его своим отрядом, а про Жукова говорили: «Наш командир».

Разгромив несколько волостных центров, отряд Жукова взял под контроль четыре шоссейные дороги. Когда мы прибыли к ним на базу, Жуков и комиссар отряда Волков только что вернулись с шоссе Пригород-Красный — Опочка, где партизаны уничтожили колонну автомашин. Отряд Жукова действовал в том районе до полного освобождения Калининской области от фашистских оккупантов. Совместно с частями Советской Армии партизаны вошли в районный центр и водрузили там красный флаг.

Тепло встретили мы командира 4-й Калининской бригады Федора Тимофеевича Бойдина, слава о боевых делах которой дошла и до нас. Отряд этой бригады под командованием В. Ф. Рыбакова разгромил сильный вражеский гарнизон Заверняйка. Здесь на сторону партизан перешло большое

количество власовцев.

Однажды, когда мы стояли в деревне Морозовка, бригадная разведка принесла тревожную весть — крупный карательный отряд немцев двигался в нашу сторону. Назаров срочно вызвал нас с Лопуховским в штаб.

— Ты, Сан Саныч, выдвинешься вперед к лесу, а ты, Ильич, займешь оборону в деревне Ермолова Гора, — познакомил нас с планом операции комбриг.

Лопуховский с отрядом вышел первым, а несколько минут спустя двинулись и мы. Стоял теплый солнечный день. Кругом было спокойно, и ничто не предвещало опасности.

Людям свойственно надеяться на лучшее, и потому каждый из нас был уверен в благополучном исходе дела. Ведь могли же немцы повернуть обратно или пойти в другую сторону. А может, ошиблась разведка? Может, карателей было не так уж много, как показалось нашим разведчикам?.. Вот сейчас навалимся двумя отрядами на фашистов — и капут им. Так думали мы, шагая к намеченному рубежу.

Деревня Ермолова Гора, дотла сожженная гитлеровцами, оправдывала свое название. Не без усилий взобрались мы на высокий косогор. Слева виднелись крестьянские избы. Справа — болото, поросшее хилыми сосенками. Впереди, в полутора километрах от нас, синел сосновый бор. Там должен быть отряд Лопуховского. Оттуда мы и ждали противника.

Рассыпавшись цепью по горе, отряд быстро занял оборону. Рядом со мною, укрывшись за фундаментом сгоревшего дома, залегли Соколов, Поповцев, Богданов и другие.

По договоренности мы должны были выслать связного в отряд Лопуховского.

— Кто пойдет? — спросил я, ища глазами добровольца.

Бойцы, как провинившиеся школьники, плутовато отвели глаза в сторону. Никому не хотелось покидать отряд. К тому же и задание-то было не ахти какое боевое.

— Пойдет Колокольчиков, — объявил я.

Виктор поморщился.

— Сидор можно оставить?

— Оставь.

Колокольчиков сбросил вещевой мешок, вскинул на плечо автомат и стал спускаться вниз.

— Будь осторожней там! — крикнул ему вдогонку Богданов.

От нечего делать Соколов стал рассказывать нам, как он думает без мин подрывать вражеские поезда.

— Найду длинный шнурок, привяжу к чеке взрывателя и как

только паровоз поравняется, — дерну за шнур…

Об этом способе он слышал от какого-то партизана в Россонском крае. Новый способ заинтересовал нас, и мы решили проверить его при первом же случае.

Колокольчиков между тем миновал равнину, стал приближаться к сосновому бору.

Вдруг оттуда донеслись автоматные очереди. Я вскинул бинокль и отчетливо увидел бегущего назад Виктора. Что такое? Десятка два людей выскочили из леса и погнались за Виктором, стреляя в него на ходу. Колокольчиков упал. Из леса показались пять танков. Один из них на всем ходу устремился к тому месту, где лежал Виктор. Там уже толпились вражеские солдаты. Танк затормозил, немцы открыли люк и бросили Виктора в машину. Все это произошло так быстро и неожиданно, что мы даже растерялись, не зная, что предпринять. Стрелять на расстоянии в полтора километра не было смысла, благоразумнее было подпустить врага поближе. Вслед за танками из лесу выходили цепи неприятеля. Каратели полумесяцем охватывали две соседние деревушки — Сляново и Симаново. Танки открыли огонь из пушек, и вскоре обе деревни заволокло дымом. Бойцы приготовили гранаты. Все волновались: еще бы, ведь нам никогда раньше не приходилось встречаться с танками.

Расстояние между нами сокращалось, но враги не видели нас. Они были заняты своим делом. Все пять танков осторожно вползли в объятые пламенем деревни и скрылись в дыму. Каратели тем временем поливали огнем из автоматов бегущих прочь людей. Ближние вражеские цепи находились от нас не более чем в пятистах метрах. Далековато, по что поделаешь. Ведь каратели могут уйти безнаказанно. Даю команду открыть огонь. Заработали пулеметы и автоматы. Несколько гитлеровцев упали на землю; засуетились, забегали остальные. От треска собственных автоматов, от рева танков немцы не слышали наших выстрелов, поэтому сначала ничего не могли понять. Только спустя несколько минут, по направлению пуль, они определили, откуда идет стрельба. И здесь они решили осуществить свои коварный замысел. Их танки один за другим вышли из дымовой завесы и неглубоким оврагом двинулись в обход Ермоловой Горы.

Танки шли гуськом. Все они были одинаковые, и мы не знали, в каком из них за толстой броней находится наш товарищ. Каким образом его освободить? Мы понимали, что Виктор не убит, а просто ранен, иначе зачем бы он понадобился фашистам.

Танки заходили с тыла, намереваясь ворваться в Ермолову Гору с пологой стороны. Они хотели подавить нас своей мощью, вытеснить в чистое поле и там уничтожить из пулеметов.

— Ну, держись, ребята! — громко крикнул политрук Богданов. Тогда мы впервые пожалели, что во всем отряде оказалось всего три противотанковые гранаты. Не носили мы их лишь потому, что они были очень громоздкие и тяжелые. Теперь же спешно пришлось делать связки гранат РГД.

— Смотрите, кто-то на коне скачет! — воскликнул Володя Соловьев — «академик», как звали его товарищи.

Мы оглянулись.

— Так это ж Лопуховский мчится на своей Машке, — узнал Сан Саныча командир отделения Бычков.

Действительно, это был он. Пригнувшись к седлу, Сан Саныч изо всех сил погонял свою серую кобылку.

— Связного выслали? — спросил он, едва поравнявшись с нами.

— Выслали. А где твой отряд, черт полосатый!? — набросился я на Лопуховского.

— Э-эх, — с досадой полыснул он плетью свое голенище. — Болван я.

Позже мы узнали, что отряд Лопуховского занял оборону в назначенном месте. Когда показались вражеские танки, Лопуховский решил сменить позицию. Он повел отряд в обход болота к Ермоловой Горе, чтобы занять оборону вместе с нашими бойцами. Сан Саныч надеялся совершить такой маневр быстро, однако на пути отряд попал в вязкую трясину. Пока бойцы переправлялись через нее, было потеряно много времени.

Комбриг Назаров и комиссар Новиков, следовавшие вместе с бригадной разведкой в Ермолову Гору, встретили отряд Лопуховского на перепутье. Они так пропесочили Сан Саныча, что тот стрелой примчался к нам.

— Отходите, комбриг велел отойти, — говорил он, не переводя дыхания.

И мы отошли. Немецкие танки с грозным урчанием утюжили покинутые нами позиции.

Ночью, когда каратели повернули обратно, Назаров послал Разгулова с разведкой выяснить, куда подались немцы. Нам нужно было знать судьбу Колокольчикова. Танковые следы тянулись к городу Себежу.

На другой день бригада вышла к деревне Лиственка и остановилась там. Обстановка заставляла принять экстренные меры к розыску Колокольчикова. Что с ним? Как он ведет себя в плену, что говорит на допросах?

В Себеже у нас были свои люди. Капитан Новиков, руководивший агентурной работой, должен был узнать, где находится попавший в беду товарищ, и установить с ним связь.

Пока агентурщики занимались своим делом, мы снарядили две диверсионные группы для подрыва вражеских поездов. Группу из отряда Лопуховского возглавили Альберт Храмов и Василий Верещагин, другую — повели мы с Виктором Соколовым. Наша подрывная группа в составе семи человек шла на участок железной дороги Себеж — граница Латвии. Мы уже не раз ходили к линии и знали, как бдительно охраняют ее гитлеровцы. По обеим сторонам железной дороги они вырубили лес, заминировали подходы, устроили волчьи ямы и натянули проволоку, привязанную к ракетницам. Помимо всего, охрана периодически обстреливала и освещала подозрительные места.

Темной осенней ночью приблизились мы к железной дороге у деревни Логуны. Незадолго до нашего прихода в сторону Латвии прошел поезд. Нам издали были видны вспышки ракет, пущенных патрулями. Мы сориентировались и прямо по пашне подошли к линии.

В ста метрах от железной дороги выставили заслон. На полотно пошли Соколов и Бычков.

Потянулись минуты напряженного ожидания. Время было за полночь, и все кругом, кроме беспокойных патрулей да нас, партизан, давным давно спало.

В эту ночь, как назло, движение словно замерло. Прошел час, другой — тишина. Наши слух и зрение настолько перенапряглись, что начались галлюцинации. То нам слышался шум поезда, то мы отчетливо видели приближающиеся огоньки.

Но вот, наконец, все услышали действительно паровозный гудок, а затем донесся далекий грохот поезда. Мы приободрились. Поезд мчался на всех парах.

Нам не видно Соколова с Бычковым, но мы представляем, как подкладывают они под рельсы взрывчатку. Медлить нельзя, обстановка заставляет спешить.

Поезд уже близко. Слышно, как сбавил он скорость, как, тяжело вздыхая, стал подниматься в гору. Состав, как видно, громадный, и паровоз тащит его еле-еле.

Эшелон идет к фронту, и нам очень хочется подорвать его, но на тихом ходу нет смысла это делать — в лучшем случае подорвутся один-два вагона.

С трудом преодолев подъем, паровоз пошел дальше. Через некоторое время возвращается Бычков.

— Что будем делать? — спрашивает он.

— Рвите поезд из Себежа, — отвечаю я.

Петр уходит. Мы снова ждем.

Близится утро. Восточный край неба заметно светлеет. Из сумрака показывается пригнувшаяся фигура Соколова.

— Рассветает, — говорит он, — надо уходить.

— Побудь еще минут двадцать, Витя, может быть, эшелон подойдет. Я обнимаю Виктора, и он идет обратно. Поглядываем на часы и на небо. Светает все больше и больше. Мы уже решаем сниматься, но тут Поповцев радостно шепчет:

— Идет!

Действительно, со стороны Себежа слышен шум паровоза. Поезд идет быстро, под уклон. Различаем груженные военной техникой платформы, пяток классных вагонов…

Полыхнуло пламя, грянул взрыв, заскрежетали вагоны.

— Порядок! — говорит Соколов, подбегая к нам.

Быстро снимаемся с места. Уходить далеко нельзя — днем нас могут заметить. Достигаем ближайшего леса и останавливаемся на привал. Спать не ложимся — может быть погоня.

Когда совсем рассвело и из-за горизонта выглянуло солнце, мы увидели следы своей работы. Оставшиеся в живых солдаты робко осматривали исковерканные вагоны и лежавший вверх колесами паровоз. Время от времени над разбитым составом взлетали ракеты — немцы давали сигнал тревоги. Часов в десять со стороны Себежа подошел вспомогательный поезд. Вскоре такой же поезд подоспел из Латвии. Бригады рабочих, оцепив место крушения, принялись за расчистку пути. Лишь под вечер немцы смогли восстановить движение на этом участке.

Когда тронулись в обратный путь, где-то далеко за Себежем раздался сильный взрыв. Видимо, партизаны подорвали немецкий поезд.

В нашей жизни происходили и такие случаи. Бывало, ждешь вражеский эшелон. И вдруг на соседнем перегоне — взрыв. Это другие партизаны, опередив нас, сводят счеты с гитлеровцами. На первых порах досадно, что диверсию надо откладывать. Но потом подумаешь — и досада пройдет: ведь делаем общее дело.

На участок дороги Себеж — граница Латвии мы ходили потом часто. В деревне Васильково у нас были свои люди — девушка Надя и пожилой крестьянин по фамилии Березка. Они честно работали на партизан, помогали нам всеми средствами.

Однажды ночью, когда мы втроем — Поповцев, Беценко и я — зашли к Наде, нас окружили полицейские. Надя потушила свет, и мы увидели в окно темные фигуры врагов. Шел густой снег, и у меня мелькнула мысль воспользоваться этим. Мы осторожно вышли в сени, прислушались. Затем рывком открыли дверь, швырнули в темноту гранаты и, строча во все стороны из автоматов, выскочили из дому. Снегопад скрыл нас от глаз неприятеля. Перед уходом из Василькова мы пробовали уговорить

Надю идти вместе с нами, но она отказалась, заявив, что ее не тронут.

В эту же ночь Надю арестовали и увезли в Себежскую комендатуру. На протяжении четырех дней враги допытывались у нее, где находятся партизаны, но девушка сумела убедить немцев в своей невиновности. Ее отпустили под надзор старосты. Не прошло недели, как Надю арестовали вновь. Ее задержали немецкие часовые, когда она возвращалась из города. При обыске у Нади обнаружили две листовки. В комендатуре следователь сразу узнал старую знакомую. Надю посадили в камеру и после длительных истязаний расстреляли. Мы очень жалели о гибели славной русской девушки. Она много сделала для нас.

Активные помощники были у нас в каждой деревне. Но попадались и такие люди, которые презирали оккупантов, а вступить в борьбу с ними боялись.

Там же, недалеко от Василькова, была расположена деревушка Бондарево. От Бондарева до железной дороги — четыреста метров. В деревне Бондарево жил обходчик путей дядька Никифор. Ненавидел он гитлеровцев всей душой. Как-то в разговоре мы предложили ему несколько магнитных мин. Рассказали, как на тихом ходу поезда приклеить их к цистерне с горючим. Обходчик мины взял. Прошла неделя. Мы явились к нему.

— Ну как? — спрашиваем.

— Боюсь, — отвечал он. — Вдруг увидят.

Мы стали уговаривать Никифора — он опять согласился. Через пять дней наведались к нему снова.

— Нет, ребята, не могу… боюсь, — откровенно признался обходчик.

— Эх, и трус же ты, дядя Никифор, — с упреком сказал Борис Ширяев.

Так и не хватило смелости у Никифора.

Вернувшись в бригаду, мы узнали, что нашим разведчикам удалось разыскать в Себеже Виктора Колокольчикова. Начальник штаба Игорь Ильич Венчагов зачитал нам копию протокола допроса. Колокольчиков ни словом не обмолвился о бригаде и заявил фашистам, что его вместе с группой в семь человек сбросили с парашютами дня три назад. Он, якобы, отбился от группы, стал искать своих, но наткнулся на немцев. Дальше Виктор назвал вымышленную фамилию командира группы и цель задания — агитировать германских солдат и полицейских добровольно переходить на сторону Советской Армии и партизан.

Неплохо придумал Колокольчиков. Оказалось, что он был ранен в бедро навылет. Его положили в больницу под охраной

полицейского. Первое время он отказывался от пищи, молчал, злобно смотрел на врагов и походил на подстреленного орленка, попавшего в неволю. Потом переменил свою тактику. Раза два даже подмигнул полицейскому: мол, знай наших. Через несколько дней полицейский, охранявший Колокольчикова, был подкуплен нашими людьми. Оставалось организовать побег Колокольчикова из больницы.

В первых числах декабря одна из наших групп подошла ночью к Себежу, чтобы встретить там Колокольчикова. Как было условлено, в двенадцать часов ночи его должны были подвезти к намеченному месту свои люди. Ребятам не терпелось увидеть товарища, они приготовились тепло встретить его. Но прошло указанное время, прошла вся ночь, а Колокольчиков не появлялся.

Только потом мы узнали, что в четыре часа дня гитлеровцы вывезли его за город и расстреляли. Все бойцы тяжело переживали смерть Виктора.

В один из холодных ненастных дней к нам прибыл командир Себежской бригады Владимир Иванович Марго. Он, как и Назаров, носил бороду. И вот эти два бородача сошлись вместе и долго о чем-то толковали. По их лицам можно было судить, что разговор шел серьезный. Когда уехал Марго, Назаров собрал нас в штабе.

— Вот что, товарищи, — начал он, — в здешних краях появился очень опасный отряд под названием «антипартизанен группа». Отряд создан фашистами из отборных молодчиков, в основном изменников нашей Родины. У отряда хитрая тактика. Одеты и вооружены его люди так же, как партизаны. Некоторые даже носят советские ордена и медали. В их задачу входит поимка настоящих партизан, за что немцы выдают им щедрые награды. Кроме того, они мародерствуют и издеваются над местным населением, стараясь таким путем скомпрометировать советских партизан. Я хочу еще раз напомнить вам о бдительности. Надо научиться распознавать врагов и в случае необходимости принимать к ним решительные меры.

Весть о появлении лжепартизанской группы насторожила нас. Действительно, это был опасный противник. Встреча с ним могла быть трагической. Как таких «партизан» отличить от настоящих?

Некоторые отряды народных мстителей пытались устраивать засады против предателей, но каждый раз такая попытка оканчивалась неудачей. Лжепартизаны появлялись обычно там, где их не ожидали. Почти в каждый свой выезд им удавалось схватить двух-трех партизан, после чего они снова уходили под крылышко вражеских гарнизонов.

На другой день после приезда Марго мы пошли к железной дороге мстить за своих друзей. Хотелось отплатить и за Виктора Колокольчикова и за Николая Горячева, которого мы часто вспоминали в отряде, и за всех наших погибших товарищей.

Достигнув цели, наша подрывная группа укрылась на поросшей соснами высотке. Отсюда хорошо просматривался вьющийся змейкой железнодорожный путь. Сбоку отчетливо виднелись постройки ближайшей станции Кузнецовка и казарма, где располагалась охрана дороги. Немцы, как видно, чувствовали себя неспокойно — всюду слышалась ружейная стрельба. За день мы насчитали около десятка вражеских поездов, большая половина которых следовала от линии фронта. Над железной дорогой то и дело проплывали трехмоторные транспортные «юнкерсы», и наш пулеметчик Леша Павлов угрожающе наводил на них свой пулемет.

— Разрешите долбануть разок, — просил он.

— Нельзя, — отвечали мы, хотя каждому из нас не терпелось выпустить очередь по фашистскому стервятнику.

Мы с Соколовым прошли вдоль железнодорожного полотна, выбрали удобный участок пути, изучили подходы.

Смеркалось. Еще раз проверив подрывное снаряжение и распределив обязанности, мы стали ждать ночи.

Немцы опять открыли стрельбу, давая знать, что идет очередной эшелон. Вскоре мы увидели на горизонте дымок паровоза. Поезд шел со стороны Идрицы. По мере его приближения стрельба нарастала. В это время в воздухе опять появился «юнкерс». Он шел низко, прямо на нас. Павлов умоляюще посмотрел на меня.

— Пусть стукнет, — подзадорил Поповцев.

— Бей, — сказал я.

Павлов вскочил с земли, положил пулемет на высокий пень и, прищурив левый глаз, дал короткую очередь в пузо «юнкерса». Самолет качнулся, взвыл моторами и стремительно пошел вниз, оставляя за собой шлейф черного дыма. Два фашиста успели выброситься с парашютами, а «юнкерс» грохнулся на землю у самого поезда. Стрельба патрулей и грохот идущего эшелона заглушили пулеметную очередь. Поэтому немцы даже и ухом не повели в нашу сторону. Поезд пошел дальше, а самолет сгорел.

— Ай да Леха, снайпер, — хвалили Павлова ребята. Они восхищенно смотрели на него, жали руки, поздравляли со столь необычным боевым успехом. Это был первый вражеский самолет, сбитый нами. Я тут же объявил Павлову благодарность.

Вскоре стемнело, и мы стали выбираться к железной дороге. Место, облюбованное нами днем, было удобным, но

рискованным — рядом располагалась казарма с охраной.

Подкладывать под рельсы тол пошли Соколов, Талин и Бычков. Взяв оружие на изготовку, мы стали следить.

В это время на линии появился вражеский патруль — человек десять немцев. Подрывники замерли: заметят или нет? Гитлеровцы молча поравнялись с ними. Один из них, шедший последним, сошел на обочину, остановился и долго всматривался в подозрительное место. Потом что-то громко сказал и стал догонять своих. Патруль скрылся из виду.

На этот раз сидеть долго не пришлось. Через час со стороны Себежа послышался шум поезда. Немецкий состав шел на фронт. Вот он поравнялся с казармой. Ослепительная вспышка озарила небо. Грянул взрыв, покатилось, загрохотало раскатистое эхо. Мы поспешили прочь от дороги.

В это время наше внимание привлек шум другого поезда. Мы с недоумением остановились. Поезд пыхтел рядом. Он шел тоже из Себежа. Раздался треск и грохот. Послышались крики людей. Линия железной дороги слева и справа осветилась ракетами. Застучали пулеметы, по лесу засвистели пули.

Мы точно не знали, что произошло, но догадывались о новом крушении. У немцев вошло в практику — посылать поезда друг за другом. Делали они это с определенной целью: если с первым поездом что случится, то второй, более важный по значению, должен остановиться. На этот раз машинист зазевался, и, очевидно, второй эшелон наскочил на подорванный состав.

Подмываемые любопытством, мы решили переждать день на перепутье, чтобы в следующую ночь опять вернуться к линии. Хотелось скорее узнать результаты крушения. Когда стемнело, Талин, Ворыхалов и юный боец Кантовский пошли к железной дороге. Не прошло двадцати минут, как мы услышали частую стрельбу. Стреляли недалеко — у деревни Гаспорово, куда ушли разведчики.

Вскоре выстрелы смолкли. Мы с беспокойством стали ждать наших товарищей. Если немцы их не убили, они должны вернуться сразу.

Первым прибежал Эдуард Талин. Мы без слов поняли, что ребята нарвались на врагов, поэтому сразу спросили о судьбе Ворыхалова и Кантовского.

— Кантовский убит, а Ворыхалов, пожалуй, успел уйти, — ответил Талин.

Ворыхалов вернулся на рассвете. Василий рассказал нам, как, спасаясь от вражеских пуль, он провалился в темноте в картофельную яму, и это помогло ему остаться в живых. Преследовавшие его враги пробежали мимо, ничего не заметив.

Сидя в яме, Василий слышал их разговор. Они говорили по-русски. Впоследствии выяснилось, что бойцы наткнулись на лжепартизан.

В то же утро мы вернулись в деревню Гаспорово. Врагов там уже не было. Мы взяли труп Кантовского, запрягли лошадь и, не задерживаясь, покинули деревню. Приехав в Рубаны, где стояла наша бригада, мы внесли в избу Кантовского. Собрался весь отряд, чтобы попрощаться с нашим Димой. Всем было очень жаль безвременно погибшего паренька.

На другой день после нашего возвращения произошел бой с крупным карательным отрядом. Мы стойко держались, и немцы вынуждены были отступить. В этом бою погиб политрук лопуховского отряда Федор Спиридонович Ловиков. Мы похоронили его рядом с Кантовским.

На другой день пришла весть о новой беде. Трое наших партизан во главе с командиром агентурной разведки Василием Беляковьим, следуя к Себежу, наткнулась на лжепартизанский отряд. Конная разведка предателей дружески встретила разведчиков и пригласила их в деревню, где якобы остановилась белорусская партизанская бригада. Беляков поверил провокаторам. Когда наши бойцы вошли в деревню, предатели окружили их плотным кольцом. Завязалась перестрелка. Вместе с пятью убитыми врагами на землю упали тяжело раненные Василий Беляков и Виталий Гребенщиков, вражеская пуля насмерть скосила Сергея Мочалова.

Всех возмутили наглые действия предателей. Жажда мести была до того сильна, что, казалось, попадись нам сейчас мерзавцы, мы бы их всех, не задумываясь, уничтожили.

Комбриг Назаров отдал приказ выступать. Двигались быстро, среди белого дня. Вот и деревня, где вчера разыгралась трагедия. Мы оцепили ее с двух сторон, но местные жители, заметив нас, закричали:

— Не стреляйте! Они ушли!

Крестьяне показали труп убитого партизана. Он лежал на огороде, уткнувшись лицом в землю. Это был Сережа Мочалов. Раненых Белякова и Гребенщикова враги забрали с собой.

На всякий случай партизаны обошли все дома и дворы, но никого из предателей не обнаружили. Гнаться же за ними в Себеж было безрассудно.

Деревня, где мы находились, лежала близ железной дороги. В тот момент, когда мы искали врагов, бойцы увидели идущий поезд. Комбриг дал команду обстрелять его. Подпустив эшелон близко, партизаны обрушили на него шквал огня, но машинист прибавил ходу. Он успел увести состав в выемку. Тревожные

гудки паровоза долго еще неслись в воздухе.

Вечером, вернувшись из похода, мы похоронили Сережу Мочалова. На родной земле появился еще один холмик земли…

3. Нежданные гости

Однажды в погожий декабрьский день группа наших бойцов привела в бригаду одного немца и двух русских военнопленных — Сережкина и Бушуева.

Все трое были вооружены новенькими немецкими автоматами, имели большие запасы патронов.

Мы заинтересовались необычными гостями и постарались поскорее узнать подробности. Выполняя задание, Николай Орлов и Павел Поповцев зашли в одну из деревень. Там их подозвала пожилая женщина.

— Сынки, — спрашивает, — берете к себе немцев?

Ребята удивились:

— Как так немцев?

— Да так, — отвечает женщина, — вон они в том доме молоко пьют. Говорят, хотели, перейти к партизанам, да не нашли их.

Едва женщина успела сообщить новость, как на улице показались трое незнакомцев.

— Вы партизаны? — спросил Орлова высокий блондин, одетый в немецкую форму. Он неплохо владел русским языком.

— Да, — ответили ребята.

— Ну, тогда здравствуйте, и примите нас к себе. Кто мы и как сюда попали — расскажем после.

И вот они все трое — в штабе бригады. Высокий блондин то имени Адольф — чистокровный немец. Он подробно рассказывает о себе. До войны жил и работал в Берлине. Несколько раз видел Гитлера. Когда началась война, был мобилизован на фронт. Попал в эсесовские части, имел награды. Под городом Шимском в бою с партизанами был ранен. Разгром немцев под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге сильно подействовал на него, как, впрочем, и на многих немецких солдат. Адольф понял: крах фашистской армии неизбежен. Мысль перейти на сторону Советской Армии или партизан давно не покидала его. И как только представился случай, он осуществил свой замысел. Адольф не только переплел на нашу сторону, но и привел с собой двух военнопленных, снабдив их оружием.

Мы встретили перебежчика хорошо, но, честно говоря, поначалу не очень доверяли ему. Лишь после того, как он с группой партизан убил гитлеровского генерала, стали считать его своим.

Бойцы прозвали гостя Адольфом Ивановичем.

Сережкина и Бушуева тоже «перекрестили» по-своему.

Первый превратился в Сыроежкина, второй — в Букшу.

Пришельцы рассказали, что на днях близ станции Кузнецовка партизаны подорвали фашистский поезд. Не успела опомниться охрана дороги, как в хвост первому поезду врезался второй. Два паровоза и двадцать три вагона с солдатами, офицерами и техникой были разбиты вдребезги. Это была наша работа, и Назаров поздравил нас с удачей.

Вскоре в отряд пожаловал еще один гость — командир комендантского взвода «антипартизанен группы» Жорка Молин, как отрекомендовался он.

Нас не так удивил приход немца, как удивило появление Жорки. Не каждый на его месте решился бы на такой шаг. Предатели хорошо знали, что пощады от нас им не будет, и поэтому не переходили на нашу сторону.

Первым долгом мы спросили Молина о судьбе наших разведчиков. Он сообщил, что Беляков умер от ран, а Гребенщиков расстрелян. Врагам не удалось вырвать у них ни одного слова.

Жорка Молин рассказал нам всю подноготную банды предателей. Основной костяк ее состоял из бывших уголовников, осужденных советским судом за тяжкие преступления перед народом. Командовал этим отрядом некто Мартыновский, уроженец города Луга Ленинградской области. Отряд был сформирован в Германии и осенью сорок третьего года переброшен на оккупированную территорию Калининской области. Сам Молин до войны проживал в поселке Сокол, близ Вологды. В начале войны был мобилизован в Красную Армию, затем попал в окружение и в плен. После долгих мытарств в лагерях поддался фашистской агитации. Немцы сделали из него полицая, а потом зачислили в отряд к Мартыновскому. Будучи по натуре неплохим человеком, Молин увидел истинное лицо лжепартизан. Его стала мучить совесть, и, хотя он боялся партизан, все-таки решил явиться к нам с повинной.

Мы не знали, как с ним поступить. Сначала хотели расстрелять его, но потом досадили под арест. На четвертые сутки Назаров велел мне поговорить с ним.

Когда я вошел в баню, Молин лежал на соломе. Увидев меня, он быстро вскочил на ноги, вытянулся по стойке смирно и с тревогой посмотрел мне в лицо.

— Здравствуй, Жорка, — сказал я, улыбнувшись.

— Здравствуйте, — коротко ответил Молин.

— Садись, закуривай, — протянул я кисет с самосадом.

Мы закурили и с минуту молчали.

— Вот что, Жора, — начал я. — Чужих людей мы у себя не

оставляем. Ты бывший предатель, пришел не из хорошего стада. На слово верить мы не можем, а поэтому приняли решение отправить тебя обратно в отряд к Мартыновскому…

— Как!? К Мартыновскому!? — с испугом и возмущением воскликнул Молин. — Нет, уж вы лучше расстреляйте меня, — дрогнувшим голосом сказал он.

Я видел, как от волнения заходила могучая Жоркина грудь. Немного помедлив, я спросил его:

— У тебя в отряде друзья остались?

— Да. Один есть. Вовкой звать.

— Сможешь связаться с ним?

Молин пожал плечами.

— Как же я могу это сделать?

— Письмо напиши ему.

— А кто передаст?

— Мы передадим.

В этот же день Жорка написал письмо следующего содержания:

> *«Здравствуй, дружище. Прими от меня горячий партизанский привет. Как видишь, я нашел свое настоящее место в кругу боевых друзей, которые защищают Советскую Родину. Меня встретили хорошо. Ребята дали мне новенький автомат, и я теперь буду драться против фашистов вместе с ними.*
>
> *Вовка, если ты хочешь меня увидеть, скажи, куда прийти. Может быть, и ты перемахнешь сюда. Ответ передай через моего товарища. Жму лапу. Твой друг Жорка».*

Разговор, который состоялся между мной и Молиным, был подготовлен заранее. Письмо также преследовало определенную цель: мы решили связаться с мартыновцами, чтобы потом нанести им смертельный удар. Наш специальный человек сумел передать письмо адресату и получить от него ответ.

> *«Дорогой Жорка! — писал тот. — Рад за тебя. После твоего побега мы никуда не выходим. Был большой скандал. Сам знаешь. Начальство разгневалось. Кое-кого сняли. А меня удивили — назначили на твое место командиром взвода. Насчет встречи — я с удовольствием. Твой человек скажет, где и когда. Будь здоров».*

Встреча намечалась в деревне Гаспорово в девять часов вечера в субботу. Ответ был получен во вторник. За четыре дня до

встречи наша бригада провела две крупные стычки с карательными отрядами. Вместе с нами бил врагов и Жорка Молин.

Наступила суббота. Всех интересовало предстоящее свидание со лжепартизаном. Каждый высказывал свое предположение. Немногие верили в честные намерения Жоркиного друга. Одни говорила, что его приятель придет туда со всем отрядом, чтобы накрыть нас; другие давали голову на отсечение, что деревня давно уже окружена предателями, которые ждут нашего прихода. Сам Молин клялся и уверял, что его товарищ не предатель.

— Ладно, ладно, увидим, — с недоверием говорили ребята.

День между тем клонился к вечеру. Назаров вызвал меня в штаб.

— Вот что, Ильичи, — сказал он, обращаясь ко мне и начальнику штаба Игорю Ильичу Венчагову, — вам предстоит организовать встречу с приятелем Молина. Действуйте обдуманно и не забывайте, что вас могут ждать любые неприятности.

До деревни Гаспорово идти недалеко. Мы засветло выслали туда разведку. Нужно было посмотреть, что делалась в самой деревне и вокруг нее.

К восьми часам вечера отряд подошел к Гаспорово. Было очень темно, шел холодный дождь со снегам.

— В такую погоду не придет, — говорил пулеметчик Беценко.

Разведчики доложили, что ничего подозрительного не обнаружено. Отряд расположился вокруг деревни. К дому, где должна произойти встреча, выслали Жорку Молина, Ивана Хабарова и Игоря Чистякова. Не прошло и десяти минут, как Хабаров вернулся обратно.

— Пришел, — объявил он.

Венчагов дернул меня за ремень автомата:

— Пошли.

К дому направились четверо: Венчагов, Ершов, Хабаров и я. Ершов с Хабаровым остались у крыльца, а мы вошли в избу. Перед нами оказался высокий детина. При слабом мигании коптилки мы различили в его руках автомат, а сбоку на ремне кобуру парабеллума. Лжепартизан был одет в немецкую форму.

— Знакомьтесь. Мой друг Вовка, — выступил вперед Молим. Мы нерешительно подали руки.

— Садитесь, — предложил Венчагов.

— Благодарю. Я не устал, — ответил гость.

Все так и остались стоять до конца встречи.

— Хотите партизанам быть? — опросил Венчагов.

— Да, я уже решил перейти к вам.

— Вы готовы остаться сегодня?

— Могу сегодня, но, по-видимому, мне нужно что-то выполнить для вас.

— Совершенно верно. Решили дать вам боевое задание.

— Пожалуйста, я готов.

Мы закурили и некоторое время молчали. Венчагов собирался с мыслями.

— У вас друзей много в отряде? — спросил он после продолжительной паузы.

— Друзей? — переспросил гость, и, немного подумав, ответил: — Конечно, есть.

— Так вот, если хотите быть с нами, организуйте переход отряда на нашу сторону. Всех злостных предателей можете уничтожить на месте, а если сумеете — ведите сюда. Мы разберемся. На подготовку даем пятнадцать дней. Когда получим от вас сигнал, постараемся встретить у самого гарнизона. Вот пока и все, — закончил Венчагов.

Лжепартизан долго обдумывал ответ.

— Что ж, — наконец сказал он, — поручение трудное, но выполнить его можно.

Мы поговорили еще кое о каких деталях задания и хотели было расходиться, как вдруг недалеко от дома грянул выстрел. Наш новый знакомый, не простившись, выскочил первым, за ним поспешили и мы.

Как выяснилось, стрелял наш боец, которому показалось, что кто-то крадется к деревне.

На другой день после встречи с Жоркиным другом в расположение бригады прибыл еще один неожиданный гость — немец Иозеф. Доставила его к нам женщина, которая ездила по делам на станцию Себеж. Немец по-русски не говорил ни слова. С помощью Адольфа мы узнали о нем подробности. Иозеф был неплохим воякой, имел два железных креста. За храбрость, проявленную в боях на советско-германском фронте, ему был предоставлен двадцатидневный отпуск на родину. Он прогулял в Германии больше месяца, что-то натворил там и был задержан комендатурой. С него сняли ордена и направили в штрафной батальон. По дороге на фронт Иозеф многое передумал.

Когда поезд прибыл в Себеж, он вышел на привокзальную площадь, облюбовал повозку с соломой и укрылся в ней. Женщина-возница, ничего не подозревая, тронула лошадь. Едва она выехала за город, как из соломы высунул голову Иозеф. Женщина, конечно, сильно перепугалась и хотела бежать прочь, но увидев, что немец ничего плохого не собирается делать, успокоилась.

— Матка, фарен партизан!… Матка, фарен партизан, — часто говорил необычайный пассажир, показывая рукою на видневшийся вдали лес.

Женщина, наконец, поняла, что немец просит везти его к партизанам, и в свою очередь отвечала:

— Гут, пан! Гут!

Кувшиновский партизан Николай Ершов, молодой коренастый паренек, по прозвищу «сын молотобойца», первым встретил повозку с немцем.

— Я вам какого-то черта везу, — объяснила женщина. — Сам просился сюда.

В это время из соломы вылез изрядно помятый Иозеф. Соскочив с повозки, он вытянулся перед низкорослым Колей.

— Их унд ду камрад, — сказал немец, — тыкая пальцем в себя и Николая. — Гитлер капут!

Ершов с любопытством осмотрел гостя.

— А почему ты приехал один да еще без оружия? — серьезно спросил он. — Вот Адольф не с пустыми руками пришел к нам. Военнопленных привел и оружие принес.

Немец ничего не понял, однако выразил свое полное согласие.

— Гут, гут, — повторил он.

Адольф, пришедший в отряд первым, стал как бы начальником по отношению к Иозефу. Немецкую форму им сохранили, только по собственной инициативе на левых рукавах френчей они пришили красные нашивки с надписью «Свободная Германия». Эти надписи вышили им деревенские девчата, и немцы с гордостью показывали нам левый рукав. Потом Адольф с Иозефом прикололи поверх нашивок по красной звездочке.

Адольф освоился у нас быстро, зато Иозеф, не зная русского языка, долго не мог привыкнуть к новой обстановке. Однажды ему посчастливилось найти где-то шахматы. Заядлый игрок, он с тех пор никому не давал прохода, приглашая сыграть с ним партию. Бывало возьмет под мышку шахматную доску и ходит по деревне — ищет себе напарника. Желающих играть было мало — не до шахмат было в то время.

Назаров долго думал, куда определить немцев. Потом велел зачислить их в разведку. Там они неплохо показали себя.

4. Лжепартизаны

В конце декабря похолодало. С севера подул студеный ветер. Закружили снежные метели.

Наша агентурная разведка сообщила, что в Себежском тупике немцы поставили восемь вагонов со взрывчаткой. Мы написали Жоркиному приятелю письмо, в котором обязывали его подорвать эти вагоны в день перехода на нашу сторону.

— Будет выполнено, — заверил тот.

В это время бригада перебазировалась в деревню Козельцы, что расположена в пяти километрах от латвийской границы. Из Козельцов были высланы две подрывные группы. Одну из них, как обычно, повели Храмов с Верещагиным, другую — мы с Соколовым. Они пошли на запад, а мы — на восток, к станции Кузнецовка.

Помню, когда вышли с базы, у меня ныло колено правой ноги. На самой чашечке появилась краснота, сгибать ногу стало больно. Я думал, что это обычный ушиб и боль скоро утихнет.

Всю ночь провели в походе. Наутро, когда остановились в лесу, мне сделалось хуже. Нога распухла, посинела.

Прошел день. Ночью нужно подрывать поезд, а я как немощный, еле передвигаюсь. Ребята срезали мне большую палку, но и это мало помогло. Посоветовавшись, решили день обождать.

— Может быть, пройдет, — сказал Соколов.

Сидеть двое суток на заснеженной земле, без костра, — удовольствие не из приятных. Подумав, решили пробраться в один хуторок. Место оказалось уютным, но опасным — рядом проходила дорога.

Через сутки на моем колене появился огромный фурункул. Решили распарить его и произвести операцию. Двое ребят зажали в руках ногу, а третий сильно сдавил колено. Брызнул черный фонтан крови и разной дряни. Жуткая боль пронзила все тело.

— Ну вот и все, — сказал Ворыхалов.

Через несколько минут я почувствовал лучше и скоро свободно ступал на ногу.

У хозяев избы Поповцев нашел большой портрет Гитлера.

— Зачем он вам? — поинтересовались мы.

— Нарочно держим, сынки. Как приходят немцы, мы — раз его на стену… для обмана. Фрицы увидят своего главаря, улыбнутся и говорят: «Гут, гут». И уже неудобно им грабить наш двор. А как уйдут, мы его опять за сундук, — посмеиваясь, объяснил хозяин.

Мы осмотрели портрет. На лице остроносого фюрера с

прилизанной челкой расплывалась довольная улыбка.

— Возьмем его с собой, — сказал Поповцев.

— Зачем это? — спросили мы.

— Потом узнаете.

Хозяин отдал нам портрет Гитлера.

В лесу Поповцев прибил портрет к палке, крупно написал на нем: «Фюрер доволен работой партизан!» — и, когда мы подошли к железной дороге, воткнул его в землю недалеко от линии.

В ту же ночь нам удалось подорвать вражеский эшелон. Мы представили себе, как удивятся немцы, когда, растаскивая разбитые вагоны, вдруг увидят своего улыбающегося фюрера…

Совершив диверсию, мы долго петляли по кустам и перелескам, чтобы увильнуть от возможной погони. Далеко от железной дороги мы не ушли. Решили в следующую ночь снова вернуться на это место и повторить диверсию.

Когда вечером пришли к железнодорожному полотну, оказалось, что немцы еще не успели расчистить и восстановить путь. Рабочие вспомогательного поезда трудились в поте лица. Здесь же, невдалеке, пыхтел стоявший паровоз.

Мы принялись терпеливо ждать.

— Работайте, работайте, милые, — тихонько посмеивался Поповцев. — К утру еще работенку подвалим вам…

Часов в двенадцать гитлеровцы пустили первый поезд. Каково же было их негодование, когда он свалился рядом с предыдущим… Наша группа быстро покинула эти места. Мы остановились недалеко от партизанской границы в одиноком домишке у пожилого и добродушного хозяина-латыша.

Дом стоял на возвышенности у небольшого леса. Из его окон далеко просматривалась холмистая, покрытая неглубоким снегом местность.

Хозяин усадил нас за стол пить чай с сахарной свеклой. Едва мы успели сделать несколько глотков, как увидели большую группу всадников, едущих от железной дороги. Всадники были одеты в белые халаты, мы насчитали их больше сотни.

— Мартыновский едет со своей бандой, — сказал Соколов.

Мы были удивлены наглостью бандитов. Ехать среди белого дня к партизанским владениям! Ведь всего в двух с половиной километрах отсюда, в деревне Виселки, стояли партизаны отряда Бабанина, группа Подгорного, а чуть дальше — бригада Марго, отряд Рыбакова и наша бригада.

— Ну что, ребята, проучим мерзавцев? — спросил я.

— Обязательно надо рубануть, — сказал пулеметчик Коля Маленький.

Выбрав пригорок, заняли оборону. Ждать пришлось недолго.

Лжепартизаны въехали в деревню Сылтыново и, не задерживаясь, направились в нашу сторону. Впереди бешеным аллюром мчались три всадника.

— Разведка. Красиво скачут, — сказал Поповцев.

Разведчики миновали неглубокий овраг и, дико улюлюкая, со свистом выскочили на равнину. Всадники были уже в ста метрах от нас. Припавший к пулемету Коля Маленький взглянул на меня.

— Давай, — кивнул я.

Коля выпустил очередь… вторую… Трое врагов остались лежать на снегу.

— Молодец, — похвалили его ребята.

В это время основная лавина предателей рассыпалась в полукилометре от нас. Враги спешно искали удобную позицию для атаки. Они засекли место, откуда стрелял наш пулемет, и не прошло минуты, как вокруг нас вздыбились фонтаны земли и снега. Мы попробовали отвечать, но вызвали на себя еще более мощный минометный огонь. Рядом с нами оказался хозяин-латыш. Он с тревогой указывал рукой в сторону и, стараясь перекричать разрывы мин, твердил с латышским акцентом:

— Враки поекали! Враки поекали!

Старик оказался прав. Нас обходили с двух сторон. Чтобы не оказаться в ловушке, мы вынуждены были отступить. Предатели заметили наш маневр. Человек двадцать верховых бросилось за нами в погоню. Мы поняли опасность и, в свою очередь, прибавили ходу, чтобы успеть добраться до ближайшего сосняка, а там — и до деревни Виселки, где должны быть местные партизаны. Но конники нагнали нас прежде, чем мы достигли леса.

Предатели не стреляли. Они приблизились к нам на сотню метров и стали кричать:

— Стой! Стой! Сдавайтесь!

Им, видимо, хотелось взять нас живьем, но жилка была слаба. Подойти к нам ближе они боялись.

Благополучно достигнув Виселок, мы, к сожалению, нашли деревню пустой. Оказалось, что Бабанин с Подгорным ушли еще вчера, а жители, услышав стрельбу, поспешно скрылись в ближайшем лесу. Они боялись немцев.

Лжепартизаны наседали. Через несколько минут из леса показались основные силы их отряда.

Мы решили уйти, потому что бой не мог принести нам успеха.

Дальше Виселок враги не решились нас преследовать. Они сожгли несколько изб и умчались в сторону Себежа.

Едва мы вернулись в Козельцы, как к нам в дом явился

адъютант Назарова Саша Николаев.

— Ильич, иди скорей в штаб. Вас с Богдановым комбриг зовет, — выпалил он скороговоркой.

— Ты что, шутишь?

— Да нет, точно зовет.

Я очень устал, и мне так не хотелось обуваться, что невольно решил задержать Николаева на несколько минут. Нехотя достал я с печки неуспевшие высохнуть портянки, натянул на ноги раскисшие сапоги, и мы направились к штабу.

В штабной избе все уже были в сборе.

— Присаживайтесь, будем говорить о деле, — кивнул нам Назаров.

Комбриг расстелил на столе карту, нашел на ней нужную точку и, ткнув в нее карандашом, сказал: — Вот здесь, в двух километрах южнее деревни Гаспорово, сегодня в полночь мы должны встретить лжепартизанский отряд. На встречу пойдут все, за исключением хозвзвода и больных. Людей подготовить как следует. Время выхода — шестнадцать ноль-ноль. Все. Вопросы есть?

— Какой пароль? — спросил Богданов.

— В двенадцать часов ночи на станции Себеж должен произойти большой взрыв, это и будет служить паролем, — ответил Назаров.

В нашем распоряжении оставался всего один час. Бригада спешно готовилась к походу. Вооруженные бойцы собирались кучками и строили догадки о предстоящем деле. Но вот наступило назначенное время. Суета и разговоры прекратились, отряды тронулись в путь. Деревня опустела. В девять часов вечера мы миновали Гаспорово. Выбрали удобное место и расположились цепью по обеим сторонам большака. Здесь же сообщили бойцам о цели нашего похода.

Как было условлено, командир комендантского взвода «антипартизанен группы» со своими друзьями ровно в двенадцать часов ночи должен подорвать вагоны со взрывчаткой. Пользуясь паникой, мятежники уничтожат штаб Мартыновского и наиболее опасных предателей. После этого они обращаются ко всему отряду с призывом переходить на сторону партизан и уже тогда ведут всех людей к деревне Гаспорово.

План серьезный. Как-то он осуществится?

— А что, Ильич, не оглушит нас случайно тем взрывом? — с беспокойством говорит Юрий Соловьев. — Ведь как никак восемь вагонов по двадцать тонн… Сто шестьдесят тонн взрывчатки! Так долбанет, что только пух посыплется. А ведь мы недалеко и к тому же на самой горке сидим.

Все знали плутоватого и немного трусливого Юрку Соловьева, по прозвищу Гопа, который никогда в бою не лез вперед и не зевал там, где было плохо положено. Юркий, сообразительный паренек, он до войны пошел было по скользкому пути — занялся мелким воровством. Неизвестно, чем бы кончилась его воровская карьера, если бы парня не поймали на базаре в Калинине с украденным мешком алебастра, который он принял за муку. Юрия забрали в милицию. Назаров взял паренька на поруки, а потом зачислил в партизаны.

Выполняя первое боевое задание, Соловьев забрел ночью на пасеку к полицейскому и разорил там улей. Когда он стал облизывать в потемках медовые соты, его немилосердно искусали пчелы. К утру Юрку нельзя было узнать: верхняя губа так вздулась, что стала подпирать нос, на распухшем, вымазанном медом лице едва виднелись щелочки глаз. Бойцы здорово над ним смеялись, а мне пришлось крепко ругать его за недисциплинированность.

Водился за Соловьевым и другой грешок — любил он поспать.

Партизаны с усмешкой говорили ему:

— Ты у нас старательный, но ленивый. Весь день спишь, а о работе думаешь.

И вот этот самый Юра неожиданно высказал свои опасения.

— А что, ведь Гопа правильно говорит, — послышался голос из темноты, — такой взрыв за десять верст достанет.

— Убить не убьет, а барабанные перепонки лопнут, — вставил песенник бригады Федя Шилин.

Разговор о мощном взрыве обошел по цепочке всех. Кое-кто спустился с пригорка пониже, чтобы не захватило взрывной волной.

— Что за паника? — послышался голос комбрига. — До станции целых три километра, а вы прячетесь. Здесь и двести тонн не достанут. А ну, марш на места!

Послышались шорох и кряхтенье. Отступившие назад заняли свои прежние места. До двенадцати оставалось всего пять минут. Все, у кого имелись часы, следили за большой стрелкой.

— Сейчас трахнет, — шепнул Ворыхалов.

Стрелка достигла верхней черточки циферблата. Взоры партизан впились в темноту. Люди затаили дыхание, сжались в напряжении. Воцарилась мертвая тишина.

Но взрыва не было. Теряясь в догадках, мы прождали полтора часа. Пусть не удалось Жоркину другу подорвать вагоны с толом, но если они сделали все остальное, то давно пришли бы сюда к нам. Что-то случилось.

Когда, по приказанию Назарова, бригада двинулась обратно, послышались острые словечки в адрес Молина и его друга.

— Здорово рванули… Только пятки понапрасно стерли…

— А у Юрки Соловьева барабанная перепонка лопнула… сзади… Ха-ха.

— Это его Жоркин приятель так напугал…

Сам Молин молчал всю дорогу. Когда отряд вернулся на базу, Жорка пришел к Назарову.

— Подвел нас, падло, — сказал он.

Через два дня нам стала известна причина срыва операции. Оказалось, что отряд Мартыновского еще днем погрузили в вагоны, довезли до Идрицы и оттуда направили на север. Рассказывали, будто бы Мартыновский повез отряд в свои родные места, под город Лугу.

5. В канун Нового года

Приближался новый, сорок четвертый год. Шла третья военная зима. В третий раз вынуждены были мы приобрести белые маскировочные халаты. Сначала для этой цели использовали парашюты, на которых нам однажды сбросили мешки с боеприпасами и взрывчаткой. Потом командование бригады обратилось в советский тыл с просьбой обеспечить нас зимним обмундированием. Радисты во главе с Михаилом Кудрявским порадовали нас новостью. Нам велено было ожидать самолеты. Мы выбрали хорошую площадку, приготовили на ней две полосы с огромными кучами хвороста для костров и сообщили об этом на Большую Землю.

Днем и ночью на подступах к аэродрому выставлялись боевые заслоны, чтобы в случае посадки самолетов не допустить к ним противника. Бригадная разведка тоже не дремала. Она без устали кружила возле вражеских гарнизонов, стараясь разгадать намерения фашистов.

Как нарочно, в первую же ночь ожидания самолетов поднялась злейшая пурга. Несмотря на это, дежурство на аэродроме не прекращалось. А вдруг прилетят.

Порывы ветра то и дело заставляли прислушиваться: не самолет ли гудит. И здесь, как всегда, находились шутники. В момент, когда кто-нибудь что-то рассказывал, раздавался громкий возглас: «Жужжит!» Человек, крикнувший это, опрометью бросался из избы, а за ним, толкая друг друга, выскакивали остальные.

Все выбегали на улицу и, невзирая на бушующую метель, долго стояли, задрав кверху головы.

— Где жужжит?

— В трубе жужжит! — с хохотом отвечал виновник суматохи и, чтобы не попало, скорей спешил в избу.

Так пришлось ждать три ночи. Сколько было переговорено за это время, сколько раз напрасно выбегали мы на улицу, а самолетов все не было. Назаров еще раз запросил Большую Землю. Оттуда ответили: «Ждите!»

Наутро четвертого дня снежный буран утих, сквозь разорванные тучи выглянуло робкое солнце.

— Вот сегодня обязательно прилетит, — убежденно говорил начальник штаба Венчагов.

Ребята складывали кучи хвороста для костров. За это время их не раз поджигали, а потом забрасывали снегом.

В тот момент, когда мы собрались идти обедать, кто то из

партизан зычным голосом вдруг крикнул:

— Жужжит!

— Я тебе пожужжу, — пригрозил ему Назаров. Но в это время многие уловили шум приближающегося самолета.

— Летит! Летит! — закричали кругом.

Из облаков вынырнул советский бомбардировщик.

— Это не к нам, — провожая самолет взглядом, сказал Назаров.

Однако бомбардировщик развернулся, спустился пониже и еще раз, пролетел над нашим полем.

— Костры! — крикнул комбриг.

Ватага партизан бросилась наперегонки к кучам хвороста. Задымила одна куча, вторая, и вскоре обе сигнальные полосы полыхали большим огнем.

Бомбардировщик стал делать гигантские круги. Очевидно, летчики рассматривали площадку. Советский самолет заметили в близлежащих деревнях и в Недалеких вражеских гарнизонах — Заситине и Мигелях. Всюду на улицы высыпал народ и, махая руками, радостно приветствовал краснозвездного гостя.

— Наш! Наш! — слышались голоса.

Бомбардировщик на бреющем полете сделал круг над кострами и, развернувшись, стал сбрасывать груз. Три мешка медленно спускались на парашютах, а четвертый со свистом устремился вниз и шлепнулся на землю аэродрома. Мешок лопнул, а его содержимое — концентраты, патроны, медикаменты, — превратилось в кашеобразное месиво. Среди этого груза оказалась и необычная посылка-сюрприз. Товарищи с Большой Земли послали нам канистру спирта с надписью: «С наступающим Новым годом!» Канистра разбилась от удара, и драгоценная влага небольшой лужицей поблескивала на мерзлом грунте. Подбежавший первым Борис Ширяев — паренек из Спирова по прозвищу Кочешок, нагнулся, повел носом и произнес:

— Ого! Спиртишком попахивает.

Опустившись на колени и упершись обеими руками о землю, он припал к лужице.

— Ты что делаешь?! — закричали подоспевшие бойцы.

— Молчите. Добро пропадет, — с сожалением отвечал Борис.

Земля быстро поглотила спирт, но Кочешок успел выпить немалую дозу. На ноги поднять его уже не удалось. Бойцы погрузили Кочешка на повозку и доставили в деревню. Когда Ширяев проспался, его обступили партизаны.

— Ну как? — спрашивали они.

— Ох, и силен спиртоган. Во! — говорил Кочешок, показывая

большой палец.

Гопа, оказавшийся в числе любопытных, от зависти аж вздохнул.

Бомбардировщик сбросил на парашютах еще два мешка, но их так далеко занесло, что они чуть не угодили к немцам. Мы привезли багаж в деревню и под любопытными взглядами партизан стали осторожно распечатывать мешки. Там были валенки, белые халаты, патроны, крупа, взрывчатка. Все, что мы просили, только очень мало. Нужно было в три раза больше.

В этот день самолет больше не прилетел. Ночью мы также не дождались его, а на другой день получили радиограмму: «Грузов не ждите».

В конце декабря к нам пожаловали каратели. Они пришли ранним утром. Наша разведка обнаружила их почти у самой деревни. Враги заметили партизан, но стрелять почему-то не стали.

Было еще темно. Хватая на ощупь оружие, мы выбежали на улицу. Каратели уже успели подойти вплотную к деревне. Несколько осветительных ракет рассеяли утренний сумрак. Засвистели пули. Нам не видно было врагов, и мы стреляли, ориентируясь по ракетчикам. Выдвинув вперед прикрытие из автоматчиков, бригада, отстреливаясь, стала отходить группами по огородам к оврагам.

Когда рассвело, мы успели занять оборону. В оставленной деревне горели избы. Густой дым низко стлался по земле, скрывая нас от противника. Около десяти часов утра справа и слева были замечены скопления вражеских войск. Немцы открыли артиллерийский огонь. Мы решили отойти в глубь лесного массива, где дислоцировалась третья бригада Гаврилова. Немцы не рискнули идти дальше.

Помню, в тот день все сильно устали и проголодались. Когда стемнело, мы вошли в первую попавшуюся деревню и сразу же принялись печь лепешки. В этом деле ребята достигли большого мастерства, особенно Адольф и Коля Ершов.

В наш дом набилось человек тридцать. Это значило, что нужно было испечь тридцать лепешек. Пек лепешки Ершов. Пек на одной сковородке, и дело подвигалось чрезвычайно медленно. А правило у нас было строгое: брать лепешки тогда, когда их испекут все. Партизаны нетерпеливо поглядывали на стол. Вдруг за окном кто-то крикнул:

— Немцы!

Бойцы мигом вскочили со своих мест. Несмотря на тревогу, к двери сразу никто не бросился, — каждый подбежал сначала к

столу. Стопки румяных лепешек исчезли моментально. Когда выбежали на улицу, в деревне было тихо, никаких немцев не оказалось.

— Это Гопа нарочно крикнул, — сказал кто-то из партизан.

Нашли Гопу, спрашиваем:

— Ты зачем поднял суматоху?

— Это я от голода. Думал, ребята разбегутся и оставят на столе лепешки, а они, черти хитрые, все успели расхватать, — смущенно оправдывался он.

— Эх ты, дурья башка. Тебя за это мало отдать под суд военного трибунала. Да понимаешь ты, чертова пройдоха, к чему может привести твое хулиганство… — сердито набросились на него партизаны.

Гопа струсил.

— Простите, товарищи. Не подумавши сделал. Только не говорите об этом комбригу, мне и так не везет…

На другой день мы вернулись в свои места и остановились в деревне Ноглово, недалеко от латвийской границы. Никогда не забудется в памяти семнадцатое декабря сорок третьего года. В этот день Богданова, Неймана, Соколова, Беценко, Поповцева, Храмова и меня принимали в партию.

Не только у нас, но и у всех присутствующих торжественное настроение. В штабе за столом, покрытым красной материей, разместились секретарь подпольного райкома Васильев, члены бюро Назаров, Новиков, Венчагов. Прием шел по всем правилам. Мы рассказывали свои биографии, отвечали на вопросы. После приема вся бригада поздравила нас. Было приятно сознавать, что здесь, в тылу врага, нам посчастливилось стать в ряды славной Коммунистической партии. Это высокое звание нами было завоевано в боях с фашистами, и мы гордились этим.

Вскоре командование бригады выслало в район Опочки группу партизан во главе с политруком Богдановым. Богданов шел в те места вторично. Еще в октябрьские праздники он вернулся оттуда с богатыми сведениями о противнике. Тогда же бойцы побывали и под Идрицей, где раздобыли подробную карту размещения Идрицкого гарнизона.

После ухода Богданова, взяв с собою Соколова и пятерых бойцов, я направился к железной дороге подрывать вражеский поезд. Шли по старым тропам в сторону Себежа. На вторую ночь группа приблизилась к железной дороге. Впереди оставалась только знакомая нам деревня Гусево. Было часа два, и мы, посоветовавшись, решили не обходить ее. «Время терять нельзя, проскочим напрямик», — решили мы. Впереди шли Жорка Молин

и Игорь Чистяков. За ними, метрах в двадцати, шагали остальные. Ночь была не особенно темная и очень тихая, безветренная. Нам хорошо было видно, как Молин с Чистяковым миновали одинокий сарай, направились по неширокому прогону к избам. Следуя за ними, пошли и мы.

Вдруг у крайнего дома раздался громкий испуганный голос:

— Хальт!

Молин успел что-то крикнуть в ответ, но автоматные очереди заглушили его.

Часовой оказался не один. Очевидно, происходила смена караула. Немцы открыли огонь. Стрелять вперед мы не могли — там находились двое наших. Спасаясь от вражеских выстрелов, метнулись сначала в одну сторону, потом в другую. У головы, как разозленные осы, жужжали пули.

Один за другим перемахнули через изгородь и едва достигли неглубокого оврага, как в воздух взметнулись осветительные ракеты.

Минут через пятнадцать очутились за крутой возвышенностью, у леса, и крайне удивились: нас ждали там Молин и Чистяков. От радости даже обнялись. Выйти из такого опасного положения невредимыми и так удачно встретиться — это ли не счастливая случайность!

— Откуда черт принес немцев? — спросил Соколов, осматривая порванный в клочья маскхалат.

Местность беспрерывно освещалась ракетами, недалеко слышались выстрелы. Враги могли организовать погоню. Мы молча двинулись в лес.

Взорвать эшелон в этот раз не удалось. Оказалось, что Борис Ширяев — Кочешок — спрятал тол где-то в кустах у деревни.

— Вот так здорово, — ахнули все.

— Тяжело было, ребята, — виновато сказал Ширяев.

Что делать? Идти обратно к деревне — нельзя. Оставалось одно — возвращаться в бригаду.

Ранним утром мы встретили на дороге Поповцева и с ним человек двадцать ребят.

— Вы куда? — спросил я.

Ничего не ответив, Павел бросился мне на шею.

— Командир, ты жив… жив? — повторял он.

Я ничего не мог понять до тех пор, пока он не выпустил меня из своих объятий и не объяснил, в чем дело.

— Нам сказали, что вас сегодня ночью убили… вот мы и идем мстить.

Мы рассмеялись и обнялись еще раз.

— Ну, теперь подавно не убьют, — сказал я.

В канун Нового года в бригаде состоялось комсомольское собрание. Оно, как и всегда, прошло бурно. Отметили бойцов, которые отличились в боевых операциях. Те скромничали, смущенно улыбаясь под взглядами партизан. Но тем, которые в чем-либо проштрафились, крепко досталось. Не обошли здесь и Бориса Кочешка — оставленный им тол никто не забыл.

Надо однако сказать, что Борис Ширяев был смелым, добросовестным бойцом, и случай с толом был, пожалуй, единственным промахом в его партизанской деятельности. Этот тол он через неделю принес. Борис увлекался поэзией и сам пробовал писать. В минуты затишья он читал нам свои стихи. Один из них я помню до сих пор:

Нам Родиона доверила судьбу,
Оружие дала нам в руки.
За жизнь народа мы всегда в бою.
Мы будем мстить за кровь, за муки,

За трупы близких нам людей
И за родные пепелища.
Фашистских будем бить зверей
С тобою вместе мы, дружище!

Припомним все: сожженный древний Псков,
Разбитый Минск, разграбленные хаты
И звон оков на людях…
За все мы будем мстить проклятым.

Стихи были, конечно, слабые, но нам они тогда очень нравились.

Новый год мы встретили тихо. Даже песен не спели. К этому были причины. Бригадная разведка принесла нам плохие вести. Немцы готовили против нас большую карательную экспедицию. Правда, молодость брала свое. Несмотря на тяжелую обстановку, мы не утерпели и подшутили над Лопуховским.

При штабе Лопуховского была корова. И вот наши ребята решили потихоньку увести ее к себе. Поздней ночью бесшумно проникли они в хлев, накрыли корову белыми халатами, напялили ей на ноги рукавицы, чтобы не оставалось следов копыт на снегу, и осторожно повели огородами.

Утром лопуховцы гурьбой ходили по деревне, но коровы и след простыл. Между тем Пеструха стояла у нас в надежном месте, и мы даже успели подоить ее. Лопуховский поднял на ноги

всех бойцов.

— Корову украли! — кричал он.

Когда все дворы были обысканы, Сан Саныч пришел к нам.

— Это вы, наверное, сделали, — сказал он мне.

— Зачем она нам? У нас и молоко-то никто не любит, — серьезно отвечал я.

— Брешешь, Ильич.

— Пожалуйста, если не веришь, обыщи.

Лопуховский хотел было уходить, но в это время во дворе замычала корова.

— Ага! — встрепенулся Сан Саныч. — А это что?

— Батюшки! — удивился я. — Как же она сюда попала?

Ребята хохотали, а Лопуховский, чертыхаясь, повел Пеструху на свой двор.

Примерно через час нас вызвали в штаб. Шагая туда, мы думали, что Лопуховский пожаловался на нас комбригу. Но дело оказалось намного серьезнее.

Комиссар Новиков рассказал нам о чрезвычайном происшествии. Бойцы отряда Лопуховского — Жуков и Емельянов устроили дебош, стреляли в политрука отряда Романова. Командование бригады расценило этот случай как грубое нарушение дисциплины, хулиганство и потребовало расстрела виновных. Лопуховский поддержал решение командования. Я долго молчал. Случай, конечно, возмутительный, но расстрел казался мне чересчур жестокой карой.

Жукова и Емельянова я знал со дня нашего перелета в немецкий тыл. Будучи в Белоруссии, Емельянов пытался уйти от нас к местным партизанам, но его удалось задержать. Жуков в свое время окончил военное училище и нас в душе считал просто неучами.

По каким-то обстоятельствам наш отряд больше выходил на боевые задания, чем отряд Лопуховского. Заметив такую разницу, Жуков и Емельянов уговорили меня принять их к себе. Я доложил об этом комбригу, и он дал свое согласие. Однако не прошло и месяца, как они снова переметнулись к Лопуховскому.

— Думай не думай, Ильич, а анархию в бригаде мы разводить не намерены, — прервал мои мысли Назаров.

— А может, в штрафбат их? — посоветовал я.

— Не стоит…

Вечером вся бригада выстроилась за околицей. Туда привели и Жукова с Емельяновым. Они не предполагали, что так круто обернется для них дело. Их поставили перед строем. Воцарилась мертвая тишина. Вперед вышли четверо бойцов с автоматами. Начальник штаба стал читать приговор…

Тяжело было на душе, но суровые законы войны требовали железной дисциплины в партизанских рядах.

6. Гитлеровцы мстят за генерала

От Богданова пришли связные. Они принесли план гарнизона Опочки и сообщили много новостей. Свиные рассказали, что их группе пришлось столкнуться с фашистами и что сам Богданов получил тяжелое ранение.

В день прихода связных в деревню Борисенки нагрянули немцы. Гитлеровцы что-то замышляли. Около суток мы находились в обороне, ожидая незваных гостей.

В морозный январский вечер нового, 1944 года бригада организованно снялась со своей базы и пошла на северо-восток, под Опочку. В полночь нам пришлось быть очевидцами замечательного зрелища. Шагая по безлесной возвышенности, мы уловили в звездном небе рокот самолетов. Они шли в сторону Идрицы. Вскоре над городом вспыхнули огромные осветительные шары, задрожала земля от разрывов авиабомб. Советские самолеты бомбили идрицкий железнодорожный узел и гарнизон. На путях горели эшелоны с горючим и техникой. Беспрерывно стреляли немецкие зенитки, по небу бегали яркие лучи прожекторов, но самолеты продолжали смело летать над морем бушующего огня.

Мы невольно остановились. Радостно было сознавать, что в этом массированном налете советской авиации на вражеский гарнизон была частица и нашего труда: наша бригада своевременно представила командованию Советской Армии план Идрицы.

Стараясь скорее прийти в назначенный пункт, бригада почти без отдыха двигалась по заснеженным дорогам. Изредка на пути попадались полусгоревшие деревушки, и мы ненадолго заходили туда, чтобы узнать у жителей о расположении неприятельских гарнизонов.

К исходу второй ночи бригада приблизилась к шоссе Опочка — Пустошка. Утро застигло нас в крайне опасном месте у стратегического шоссе, в пятистах метрах от, большого гарнизона противника. Раздумывать некогда, надо действовать быстро.

Выдвигаем вперед заслон из автоматчиков. Вместе с ними идут Адольф и Иозеф. В случае необходимости они должны задержать движение вражеского транспорта. Бригада подтягивается вплотную к дороге. Сквозь деревья виднеются проезжающие тягачи с пушками, врытые фургоны и машины различных марок. Они идут бесконечным потоком. Люди сосредоточены, все ждут сигнала. Наша главная задача — благополучно перейти шоссе.

Уже совсем рассвело. Теперь враги могут хорошо нас видеть. На какое-то время стихает шум автомобилей.

— Пошел! — звучит команда.

Преодолевая глубокие сугробы, партизаны бросаются вперед. Миновав укатанную полосу шоссе, вы вклиниваемся в густой ельник и идем, не останавливаясь, по снежной целине.

Ребята устали, но настроение у всех хорошее: задача решена успешно. Бойцы улыбаются друг другу, потихоньку перебрасываясь шутками.

Бригада выходит на лесную просеку. Над деревьями в морозной дымке поднимается оранжево-красное солнце. Длинные тени деревьев ложатся на багряный пушистый снег. Пора отдохнуть. Кстати, впереди виднеется деревня. Заманчиво клубится над избами дымок. Мирно кукарекают разноголосые петухи. Никаких признаков неприятеля.

— Вот здесь и остановимся, — говорит Назаров. — Деревня Бабинино.

Выставив часовых, расходимся по домам. Со мной идут Поповцев, Соколов, Беценко, Ворыхалов. Ребята, не раздеваясь, укладываются на пол, а я ложусь на широкую лавку у окна.

Хозяйка деловито копошится у печки, ворошит кочергой пылающие поленья. Из топки прямо в лицо бьет яркий свет пламени. Невольно закрываю усталые глаза.

Звон посуды заставляет меня вздрогнуть. С трудом поднимаю тяжелые веки, смотрю на занятую хлопотами женщину и невзначай спрашиваю ее:

— Кто с вами живет?

— Мы с доцкой вдвоем живем, — смешно цокая, охотно отвечает она на местном опочецком наречии.

— А где же дочка?

— В школу утром ушла.

— А где школа?

— В Звонах, на большаке.

— Немцы есть там?

— Есть.

— А далеко до Звонов?

— Нет, недалеце. Версты три.

Я расспросил хозяйку подробнее о вражеском гарнизоне и снова стал засыпать. В это время в избу вошла девочка. Она подошла к матери и, озираясь по сторонам, стала что-то шептать.

— Что случилось? — спросил я, поднявшись с лавки.

— Не бойся, доценька. Расскажи дяде, поцаму ты вернулась из школы.

Я достал из кармана кусок сахара и, поманив девочку,

положил ей в руку.

— Скажи, почему ты рано пришла из школы? — ласково спросил я.

— Нас учительница отпустила.

— А почему отпустила?

— К нам в класс немец пришел и сказал, что солдаты видели много бандитов. Он велел отпустить нас по домам.

— А что делают там немцы?

— Бегают по деревне, кричат и запрягают лошадей.

Медлить было нельзя. Я разбудил бойцов и тотчас сообщил обо всем комбригу. Через десять минут бригада была на ногах.

Когда мы покидали деревню, с другого края в нее въезжали немцы.

Наш путь пролегал по заснеженной лесной дороге. Мы шли теперь прямо к группе Юры Богданова. Нужно скорее взять данные разведки и оказать медицинскую помощь раненому политруку.

Поздно ночью бригада достигла цели. Наши разведчики стояли в деревне Авденково. Сам Богданов с двумя бойцами находился в землянке, в лесу, и мы встретились с ним только утром.

Юра чувствовал себя неважно. Ходить он не мог. Рана гноилась. Бригадная медсестра Женя Крымская принялась лечить его.

В тот же день из Авденкова к Звонам выслали на лошади разведку из двух человек. Разведчики должны были осмотреть оставленный нами след и узнать, куда направились немцы. В разведку поехали Лайзан и Комков, по прозвищу Фогель.

Вечером со стороны Бабинина донеслись выстрелы. Мы насторожились. Прошла ночь. Наступил следующий день, а Лайзан и Фогель не возвращались.

В полдень боевое охранение заметило большую группу вооруженных людей, пробиравшихся по краю леса к нашей деревне. Неизвестные оказались вражескими лыжниками.

Мы не стали ждать, пока они подойдут вплотную. Сильный автоматный огонь мигом рассеял отряд фашистов. Неприятель даже не отстреливался. Зато с другой стороны, там, где за ближним ельником шла зимняя дорога, заработали сразу несколько пулеметов. Вражеские пулеметчики били неточно, прикрывая отход немецких солдат в глубь леса. Вслед за противником мы выслали разведку. Немцев партизаны не догнали, они ушли, к большаку. Но на одном из хуторов разведчики нашли тело Лайзана.

Хозяйка дома рассказала, что вчера вечером к ее дому

подъехали двое партизан. Они зашли обогреться. Настроение у них было хорошее. Один из них, очевидно Фогель, так шутил и острил, что хозяйка смеялась до слез. Когда ребята вышли, на крыльце послышалась возня, раздались выстрелы и крик. Дом оказался окруженным врагами. Лайзан был убит на месте, а Фогеля немцы увезли в гарнизон и после ужасных пыток расстреляли.

Обстановка заставляла нас покинуть Авденково. Ночью мы сделали ложный маневр и остановились в пятнадцати километрах от станции Опочка. Деревня Смешова, где нашли мы пристанище, упиралась задворками в лес. На север от нее простирались поля со множеством разбросанных деревень и возвышавшимися кое-где церковными колокольнями. Ближайшая колокольня маячила в двух километрах от нас, в селе Рясино. Там решили сделать заслон и наблюдательный пункт. Заслоны также были выставлены в Казаморове, Лаврихине и Терехове.

Заходя в деревни Опочецкого района, мы с интересом слушали цокающий говор местных жителей.

— Уж больно потешно вы говорите, — посмеялся как-то над одним стариком Ворыхалов.

Шустрый дед плутовски подмигнул ему и, хлопнув по плечу, скороговоркой ответил:

— Мы, скапцане — те же англицане, только на реци инаци…

Ребята с трудом сдерживали улыбки.

— Вот так англичане! А далеко от вас Англия?

— Недалеце. От Опоцки три верстоцки и в боцок один скацок!

— Не обращайте, сынки, на нас, скобарей, внимания. Такие уж мы уродились, — махнув рукой, говорила бабка Аграфена, жена деда-шутника.

Анализируя сведения, собранные группой Богданова, командование бригады особенно заинтересовалось секретной немецкой частью в селе Глубокое. Один из наших активных агентов под кличкой «профессор» докладывал, что в большом особняке немцы устроили какую-то школу. Особняк был обнесен высоким сплошным забором с несколькими рядами колючей проволоки и имел сильную охрану. К нему не подпускали даже немецких солдат. В особняк пропускались только офицеры и какие-то люди, одетые в штатское.

Через неделю «профессор» сообщил, что в особняке помещается центр немецкой разведки. Постепенно удалось установить, что в селе Глубокое свила гнездо немецкая разведка «Абвер», забрасывающая своих агентов на советскую территорию.

Мы долго ломали голову над тем, как заслать в особняк своих людей, открыть сейфы и получить ценные документы. Вместе с нами активно участвовали в разведывательных и боевых операциях наши немцы Адольф и Иозеф. Они всегда просились на самые опасные задания. Несмотря на то, что Иозеф находился уже немало времени среди партизан, он никак не мог овладеть русским языком и по-прежнему умел только ругаться. Но воевал он отважно.

Под Опочкой с нашим Адольфом Ивановичем произошел интересный случай. Действуя согласно общему плану, одна из боевых групп бригады вышла к асфальтированному шоссе Пустошка — Опочка. Дождавшись вечера, партизаны выслали на дорогу Адольфа, а сами залегли в засаду. Адольф, одетый в гитлеровскую форму, должен был остановить неприятельскую легковую автомашину. Ждать пришлось недолго. Вскоре на шоссе появился шикарный «мерседес», мчавшийся с бешеной скоростью. Когда автомобиль поравнялся, Адольф поднял руку.

— Хальт! Хальт! — закричал он.

Водитель нажал на тормоза, но машина скользнула мимо Адольфа и остановилась лишь в ста метрах от него. Адольф побежал к машине. То, что он увидел в ней, заставило его по привычке стать навытяжку. В «мерседесе», кроме шофера, сидели генерал, полковник, два подполковника и два обер-лейтенанта с автоматами наготове.

— Что случилось? — высокомерно спросил генерал.

— Герр генерал, там нашу машину обстреляли бандиты, — взволнованно доложил Адольф, показывая рукой вперед. — Мне чудом удалось спастись. Все остальные убиты.

— Успокойтесь. Расскажите, когда это произошло?

— Минут десять тому назад. Вперед ехать опасно…

Адольф понял свою оплошность. Если бы он поднял руку раньше, машина не проскочила бы так далеко от засады. Теперь ее нужно было вернуть обратно.

— А почему у вас русский автомат? — вдруг спросил Адольфа обер-лейтенант.

Адольф не растерялся.

— Мы захватили их у русских партизан. У нас многие имеют такое оружие.

— Где расположен ваш гарнизон? — спросили из машины.

Разговор у автомобиля затягивался. Ребята, видя, что Адольф попал в опасное положение, подползли ближе и ударили из автоматов по «мерседесу». С первых же выстрелов были убиты шофер, генерал и подполковник. Остальные гитлеровцы поспешно выскочили из машины в кювет. С ними побежал и

Адольф. Немцы стали отстреливаться, но партизаны наседали. Потеряв полковника и обер-лейтенанта, оставшиеся враги вместе с Адольфом сумели укрыться в кустарнике.

Ребята с задания вернулись ночью. Они принесли захваченный в «мерседесе» багаж, документы и оружие убитых гитлеровцев и сообщили тревожную весть о пропаже Адольфа.

Известие быстро облетело бригаду. Каждый по-своему истолковал причину исчезновения нашего немца. Многие предлагали держать ухо востро.

— Приведет сюда карателей, тогда увидим своего Адольфа, — говорили они.

Иозеф с недоумением смотрел на всех и никак не мог понять случившегося.

— Подвел нас твой земляк, — с обидой говорил ему Ершов.

На всякий случай мы приготовились к встрече с немцами.

Рано утром, когда над лесом поднялось солнце, партизаны, сидевшие в засаде, услышали песню:

…Выходила на берег Катюша…

Из леса вышел сияющий Адольф. Партизаны раскрыли рты, а Иозеф от радости заплясал.

Адольф подробно рассказал нам все, что с ним произошло.

Когда партизаны стали стрелять по машине, у Адольфа в автомате получился перекос патрона. Он оказался бессильным перед вооруженными немцами. Чтобы не навлечь на себя подозрение и не быть убитым гитлеровцами, он вынужден был бежать с ними в лес.

Сидя в кустах, Адольф слышал, как Коля Ершов крикнул несколько раз:

— Адольф Иваныч! Адольф Иваныч!

Адольф испугался: враги могли догадаться, кому кричит партизан. Долго еще сидел он в кустах с немецкими офицерами. Когда совсем стемнело и они изрядно промерзли, фашистский подполковник сказал:

— Кто сходит к автомашине?

Адольф, не задумываясь, вызвался первым. Подполковник благословил его и пожелал успеха.

За стволами деревьев догорал «мерседес». Адольф смело вышел на дорогу и, оглянувшись на черневшие кусты, приблизился к автомашине. Дверцы были распахнуты настежь. Внутри тлели перевернутые сиденья. Рядом с машиной валялись убитые.

«Хорошо сработали ребята», — подумал Адольф.

Он нашел партизанский след и благополучно вернулся в бригаду, которая стала для него родной семьей.

Убийство гитлеровского генерала взбудоражило вражеские гарнизоны. Немецкое командование дало войскам опочецкого округа строгий приказ: во что бы то ни стало разыскать и уничтожить нашу бригаду. За живого партизана фашисты обещали награду — несколько тысяч марок, за командира — «Железный крест».

Через день после убийства генерала в Опочку прибыл крупный карательный отряд. В другие гарнизоны вороньем слетались полицейские. Наши заслоны ежедневно задерживали подозрительных лиц, большинство которых оказывалось фашистскими агентами. Они шли к нам с подлыми намерениями, и мы были к ним беспощадны.

Пятнадцатого января наши разведчики принесли тревожные вести. Неприятель крупными силами охватывал район дислокации бригады. Уходить дальше к Пушкинским Горам, Новоржеву или Кудеверю мы не решились — там стояли крупные немецкие части. Возвращаться же без боя назад тоже не хотелось. Мы были уверены, что каратели нападут на нас, но, чувствуя свою силу, оставались на месте.

Рано утром шестнадцатого января противник напал на наш заслон в селе Рясино. Там стояли опытные бойцы, и наступление карателей сразу было отбито. Однако через несколько минут враги вновь пошли в атаку. Каратели пустили в ход минометы. Над селом, издавая противный визг, взметнулись панические ракеты «свиньи». На помощь рясинскому заслону была выслана ударная группа автоматчиков во главе с Альбертом Храмовым. Автоматчики бегом преодолели поле, соединились с теснимыми врагом бойцами и, не останавливаясь, контратаковали вклинившихся в село карателей. Партизаны сражались с большой отвагой и вторично отбросили неприятеля за село.

Когда над полями поднялось солнце, мы увидели своих врагов. Их было много. Тремя колоннами охватывали они Рясино. Назаров распорядился эвакуировать раненых и больных в лес. В Рясино был послан верховой с приказам Храмову — оставить село.

— Пусть отходят. Мы прикроем, — сказал комбриг.

Рясинский заслон и группа автоматчиков Храмова сумели отойти без потерь.

Противник занял Рясино.

В это время со стороны деревни Терехово донеслась ружейно-пулеметная стрельба, а вскоре верхом на взмыленной лошади к нам примчался связной. Он доложил, что с хутора Кобыльи Горы

движется вражеская колонна. Неприятель сжимал бригаду в клещи. Бойцы приготовились к бою. По цепи передается команда:

— Без приказа не стрелять!

Из Рясина двумя колоннами выходят каратели. Фашисты прикрывают движение своих сил пулеметно-минометным огнем. Мины противно шуршат над головами. Они с треском рвутся где-то за спиной, у леса. Свистят пули, струйками бороздя блестящий на солнце снег. Ударившись о камень-валун, они, дзинькая, улетают ввысь.

Мы молчим. Каратели движутся осторожно — одной дорогой прямо на нас, другой — в обход через Лаврихино. В этот напряженный момент слева, от деревни Терехово, на нас обрушивается шквал автоматного огня. Оттуда прибегает посыльный. Он сообщает, что немцы лавиной катятся к бригаде. Заслон в Терехове смят, и бойцы, отстреливаясь, отходят. Положение становится опасным.

Комбриг принимает решение бить врага с расстояния, а затем повзводно отходить к лесу. Неумолчно строчат наши автоматы и пулеметы. Огромная колонна одетых в белые халаты карателей растекается по снежному полю. Враги вынуждены залечь. Из Рясина противник усиливает огонь. Не прекращая стрельбы, партизанские отделения одно за другим отходят к лесу. Последняя группа, дождавшись бойцов тереховского заслона, среди которых есть раненые, покидает деревню.

Мы уходим в лес, к землянкам. Хитро петляя, оставляем в снегу противопехотные мины. Нарочно выводим свой след на просеку, чтобы издали видеть врага, а потом скрываем этот след в густой чащобе. Ближе к лагерю, в лесу, выставляем двойной заслон из автоматчиков.

— Ну, пусть теперь сунутся, — говорил комиссар Новиков.

В этот день немцы действительно к нам не сунулись, но зато на следующее утро, чуть свет, началась стрельба. Мы выскочили из тесных землянок, когда один из наших заслонов завязал горячий бой. Туда срочно выслали подкрепление. Раненых спешно погрузили на повозки. Видно было, что немцы всерьез решили разгромить нас.

Стрельба не прекращается. Она то затихает, то вновь разгорается с прежней силой. Беспокоит тревожная мысль: как смогли каратели подобраться к нашему лагерю? Ведь шли-то они, как видно, не по следу. Неужели кто указал им это место? Может быть, Фогель, не выдержав пыток, рассказал фашистам перед смертью о расположении наших землянок? Он был здесь однажды.

Вражеские пули цокают уже над лагерем. С деревьев падают срезанные ветки. Лошади, запряженные в сани с больными и ранеными, испуганно водят ушами и вздрагивают от близких хлопков разрывных пуль.

Раненые, поднимаясь на локтях, с беспокойством прислушиваются к стрельбе, настойчиво требуют дать им на всякий случай гранаты. Я подхожу к повозке, где лежит политрук Богданов.

— Как чувствуешь, Юра?

Богданов улыбается и, подбросив на ладони гранату-лимонку, говорит:

— Еще не иссякла казацкая сила, еще есть порох в пороховницах…

Мы оба смеемся.

В это время навстречу немцам спешно уходят два заслона из отряда Лопуховского, разведчики Вали Разгулова и почти половина моего отряда во главе с Соколовым и Поповцевым.

Каратели нажимают. К землянкам с неутешительными вестями возвращаются раненые:

— Там их — как собак нерезаных.

— Эсэсовцы, полицаи, жандармы с трех сторон лезут.

Бой приближается к лагерю. В коротких паузах между выстрелами слышны крики сражающихся людей. Немцы пускают в ход минометы. Гулкое эхо минных разрывов несется по лесу.

Туда, где слышны крики, верхом на коне мчится Назаров. Его долго нет. Когда наконец он возвращается, приказывает немедленно отправить раненых к небольшой речушке Кудке, под прикрытие крутого берега.

— Остальным — занять оборону, — командует комбриг.

Каратели наседают, окружая нас полукольцом. К штабу бригады то и дело подбегают взволнованные, мокрые от пота связные, плетутся раненые. Несколько человек несут на руках убитого.

Через некоторое время Назаров высылает к местам боя связных с приказом: всем отойти к лагерю. И когда бойцы, сдерживавшие натиск врага, соединяются с нами, а каратели, окрыленные успехом, выскакивают из-за деревьев, комбриг командует:

— Огонь!

Как будто разорвался кусок крепчайшей парусины. Забили сразу десятки автоматов и пулеметов.

— Бей гадов! — кричит Поповцев.

— Кроши их! — слышится голос Беценко.

Немцы откатываются назад. Шум боя сразу стихает.

Оборону мы не снимаем до вечера. Каратели еще раз пытаются пробиться к землянкам, но получают достойный отпор.

К исходу дня, когда снег начал отливать вечерней синевой, мы тихо ушли из лагеря.

На берегу реки соединились с бойцами, охранявшими раненых.

После короткой остановки двинулись по лесным просекам дальше. Темнота, глубокие сугробы, пни и коряги выматывают силы. Люди спотыкаются, падают. Лошади едва тянут тяжелые сани. За ночь бригада исколесила километров тридцать.

Утро застигло нас близ неприметной деревеньки. Кругом — ни одного выстрела. Все тихо. Мы знаем из опыта: если немцы до обеда не пришли, после — они уже не придут. Можно смело отдыхать до вечера. Но на этот раз гитлеровцы нарушили свое правило. Они нагрянули сюда во второй половине дня. Это были вчерашние каратели. Путь, который мы с трудом преодолели за длинную ночь, фашисты легко прошли днем за пять часов.

И опять закипел бой. Он длился до тех пор, пока вечерний сумрак не разнял сражающихся насмерть.

На следующий день командование бригады созвало совет командиров. Начальник штаба Венчагов доложил обстановку. Она оказалась хуже, чем мы предполагали. Посоветовавшись, решили идти в Себежский район.

Похоронив боевых друзей, поздним вечером тронулись в путь. За ночь успели перейти шоссе Пустошка — Опочка, перебрались через железную дорогу Идрица — Псков и, выйдя из лесной зоны, увидели впереди на горизонте зарево пожаров. Горели сразу несколько деревень.

— Что такое? — удивленно спросил Венчагов.

— Видимо, карательная экспедиция шурует, — ответил Лопуховский. Он оказался прав. В Себежском районе вовсю свирепствовали каратели. На коротком совете решили не подходить к горящим деревням, а дать отпор своим преследователям. Чтобы узнать обстановку в Себежском районе, выслали вперед разведку.

К утру бригада остановилась в одной из деревень Идрицкого района близ немецкого гарнизона Острилово. Разведчики принесли приятную весть: рядом с нами оказался старый боевой приятель — Григорий Заритовский со своим отрядом. Мы не замедлили встретиться с ним и вскоре пожимали друг другу руки. Заритовский рассказал нам о крупной карательной экспедиции против бригад Гаврилова, Марго, Бойдина, Вараксова, Халтурина и других партизанских отрядов.

Мы, в свою очередь, сообщили, что нас преследуют каратели

и что, возможно, они придут и сюда.

— Много их? — спросил Заритовский.

— Сотенок восемь, — ответил Назаров.

— Ну что ж, деваться некуда. Будем вместе бодаться, — ответил Заритовский.

— А это что за гарнизон? — не то ради любопытства, не то в порядке осторожности спросил Венчагов, указывая в сторону деревни Острилово.

Заритовский махнул рукой:

— Сущая бутафория. Остриловские немцы сами боятся, как бы на них кто не напал.

Между тем солнце взошло уже высоко. Время приближалось к обеду, и нужно было готовиться к встрече преследователей. Командиры подбадривали бойцов:

— Выше нос, ниже пятки! Патроны не жалеть! Бить наверняка и без промаха короткими очередями по одной пуле на каждого фрица!

— А двоих насквозь можно? — спрашивал заядлый охотник Сыроежкин.

— Только не в ухо, не в пятку, а прямо в пупок, — смеясь, советовали ему ребята.

Всем нравились забавные охотничьи рассказы Сыроежкина.

Однажды он рассказывал про охоту на кабанов, в которой принимал участие еще до войны. По его словам, ему удалось с первого же выстрела уложить огромнейшего секача. Пуля попала кабану в пятку, а вылетела в левое ухо. Внимательно слушавшие Сыроежкина партизаны стали доказывать, что такого случая не могло быть.

Сыроежкин не смутился. Он встал с пенька, на котором сидел, и, как ни в чем не бывало, проговорил:

— Эх вы, чудаки, да ведь кабан-то в это время копытом за ухом чесал!

7. Проверка района

Был уже полдень. Партизаны с минуты на минуту ждали врагов. Где-то вдали, под Себежем, ухали пушки. Там продолжала свирепствовать карательная экспедиция.

— Скоро и нам в бой вступать, — задумчиво сказал запевала бригады Федя Шилин.

Немцы где-то задерживались.

— Если до трех не появятся, значит, не придут, — заметил комиссар Новиков.

Вскоре с задания вернулась тройка конных разведчиков во главе с Борисом Хаджиевым. Разведчики доложили, что, кроме гарнизона Острилово да партизанского отряда Никаненка, — они повстречали его в десяти километрах отсюда, — никого в округе нет.

Напряженные стычки с карателями, тяжелые походы по бездорожью, бессонница вымотали людей, поэтому командование бригады решило задержаться в деревне.

Вечером Назаров приказал снять оборону. Все разошлись по домам: люди прозябли, хотелось скорее в тепло. На улице остались только часовые.

Не пришли немцы и на следующий день.

Наши разведчики узнали подробности о вражеском гарнизоне в Острилове. Этот гарнизон каким-то чудом затерялся меж заснеженных полей вдали от крупных немецких частей, дислоцирующихся близ шоссейных и железных дорог. Состоящий из немцев, австрийцев и поляков, остриловский гарнизон занял довольно странную позицию. Его девиз был: нас не трогай — мы не тронем. Разгулов признался, что ради эксперимента он со своими бойцами проехал в ста метрах от Острилова.

Командир Идрицкого отряда Никаненок подтвердил правильность информации нашей разведки. Он сообщил, что партизаны из бригады Бойдина имеют даже переписку с этим гарнизоном. Местные партизаны называли остриловский гарнизон своим.

На другой день бригада переехала в более удобное место и остановилась в небольшой деревушке, в двух километрах от остриловского гарнизона. Назаров вновь выслал к Опочке агентурную разведку. Нужно было раскусить крепкий орешек — пробраться в шпионскую организацию «Абвера» в селе Глубокое. Агентурная группа пробыла там около месяца. С большим риском наш «профессор» сумел заглянуть в картотеку гитлеровского разведцентра. Списки подготавливаемых шпионов оказались в

наших руках. Это был выдающийся успех разведки.

В один из погожих дней наш отряд получил задание проверить район станции Ессеники, большак Ессеники — Мякишево и асфальтированное шоссе на участке Мякишево — Алоля. До нас дошел слух, что гитлеровцы начали там какое-то строительство. Ночью отряд приблизился к железной дороге Идрица — Псков. Впереди осторожно шли разведчики с Адольфом и Иозефом. Вдруг в ночной тиши раздалась автоматная очередь. Мы по привычке припали к земле. Залегла и разведка. Только впереди на снегу виднелась чья-то одинокая фигура. С железнодорожного полотна донесся окрик вражеского патруля. И снова стало тихо.

Наблюдая за черневшей фигурой, я заметил, как к ней приблизилась другая. Потом донеслись какие-то шлепки и приглушенный голос:

— Хинлэгн! Ложись!

Тогда я понял: Адольф учил Иозефа правилам перехода через железнодорожную линию, охраняемую немцами.

Автоматная очередь и окрик немецкого патруля, раздавшиеся с железнодорожного полотна, ненадолго задержали нас. Гитлеровский солдат, по-видимому, услышал шорох и на всякий случай открыл огонь. Мы свернули немного вправо и осторожно перешли линию.

К утру погода переменилась. Подул сильный ветер. Завыла вьюга.

В течение двух суток наш отряд кружился возле станции Ессеники. Жители деревень сообщили нам, что немцы собираются тайком строить железнодорожную ветку, для чего завезли рельсы, шпалы и стрелочные крестовины. Мы узнали также, какие грузы идут через станцию, и были крайне возмущены, что оккупанты бессовестно увозят к себе в Германию музейные ценности: картины, скульптуры, награбленные под Ленинградом.

На большаке Ессеники — Мякишево из-за больших снежных заносов движение немецких машин приостановлено. Трехкилометровый участок большака проходил по лесной, пересеченной оврагами местности и, с точки зрения партизан, был очень удобным для засады.

— Нужно сюда наведаться, — сказал Владимир Соловьев.

— Место удобное, — поддержали все.

День мы провели в лесу. Здесь нам не следовало показываться людям, а поэтому до вечера пришлось мерзнуть на холоде. Дождавшись темна, выбрались на санную дорогу. Она шла по берегу озера Велье. Даже быстрая ходьба не согревала. Сильный боковой ветер гнал с озера колючую снежную крупу,

забирался под одежду. Но ребята не унывали, пробовали шутить.

— «Академику» такая метель нипочем. Он к своей фуфайке меховой воротник пришил, — смеялся Беценко.

— А Коле Маленькому еще теплее. Он вчера сшил себе жилеточку на рыбьем меху, — хохотал Ворыхалов.

— Хочешь, тебе дам погреться, — предложил долговязый пулеметчик Коля.

— Для чего волку жилетка — по кустам трепать? — усмехнулся довольный ответом Ворыхалов.

В то время партизаны действительно шли на всякие хитрости, чтобы уберечь себя от холода. К фуфайкам пришивали овчинные воротники, пристегивали к подкладке кусок рваного полушубка, пытались удлинить стеганку.

К утру мы подошли к асфальтированному шоссе Пустошка — Опочка. Машины еще не ходили. Немцы боялись темноты и не желали попасть под обстрел партизан.

Когда совсем рассвело, Борис Ширяев, Игорь Чистяков и я вплотную приблизились к дороге. Машины шли колоннами в обе стороны. Мимо нас мчались грузовики и лимузины, автобусы и фургоны. Изредка проносились бронеавтомобили, и даже танки, сердито урча, дважды прогрохотали по заснеженному асфальту.

В полдень в сторону Опочки прошла вереница фашистских тягачей с пушками. Наше внимание привлекли огромные, длинноствольные орудия на гусеничном ходу.

— Это «фердинанды», — настороженно проговорил Чистяков.

— Откуды ты знаешь?

— Видел в немецкой газете.

Мы заинтересовались «фердинандами». Нам приходилось много слышать и читать об этих немецких пушках, на которые фашистские вояки возлагали большие надежды.

«Надо будет сообщить командованию», — подумал я.

Во второй половине дня мы снова вернулись к дороге. Теперь со мной шли пятнадцать автоматчиков. Мы намеревались подстеречь легковую автомашину, обстрелять ее, убить немецких офицеров и забрать их документы. Ждать пришлось долго. Наконец на шоссе появилась машина. Когда она поравнялась с нами, ребята дружно, короткими очередями ударили из автоматов. Автомобиль запетлял и кувырнулся в сугроб. В эту минуту на шоссе показалась колонна немецких грузовиков с солдатами. Немцы слышали нашу стрельбу и теперь, увидев перевернувшийся автомобиль, поняли, в чем дело. Над нашими головами засвистели пули. Неприятельских солдат было более сотни, и мы вынуждены были отступить в глубь леса…

Вечером отряд вышел на санный след, который вывел нас к деревне. Решили сходить туда в разведку. Метель, бушевавшая эти дни, успокоилась, и сверху падали лишь редкие снежинки.

В деревню вошли со стороны огородов и тихо постучались в избу. Залаяла собака, а потом со скрипом отворилась дверь.

— Кто здесь? — спросил женский голос.

Адольф и Иозеф заговорили по-немецки.

Еще раньше мы условились выдать себя за немцев и власовцев.

— Наши солдаты есть в деревне? — спросил я.

— Были днем. Ушли в Вербилово.

— Матка, дафай хлеп, масло, — не удержался Иозеф.

— Заходите, заходите, дорогие гости, — угодливо заговорила хозяйка.

Дом, куда мы попали, принадлежал полицейскому. Встретившая нас женщина оказалась женой предателя. Приняв нас за гитлеровцев, она рассказала, что ее муж служит в Алоле и по воскресеньям наведывается домой.

— Теперь, слава богу, будет приезжать чаще.

— Это почему же? — спросил я.

— А разве не знаете? В наш район едут казаки. Они перевешают всех партизан, и нам некого будет бояться.

— Какие казаки?

— Ваши, власовские.

В это время в избу вошел Иозеф, блуждавший где-то по двору с карманным фонарем.

— Командант, — сказал он, обращаясь ко мне, — там маленькая карофка. Закуска, закуска…

Я не сразу понял, в чем дело. Адольф, перебросившись с Иозефом несколькими фразами, растолковал мне, о чем говорил его друг. Оказалось, Иозеф увидел в хлеву у полицейского однодневного теленка, которого он и надумал превратить в закуску. Узнав о намерении немца, хозяйка, возмутилась:

— Как же так, пан камрад. Мой муж служит вам, а ты хочешь забрать теленка…

— Молчать! Ты — юда, сакраменто, — зыкнул на нес Адольф.

— Мы вот тебе послужим, — поднес кулак к ее носу Поповцев. — Сегодня вы нам служите, а завтра будете служить большевикам да партизанам. Знаем мы полицейское отродье.

Теленка мы, конечно, не тронули. Не нужен был он нам, а что касается крепкого разговора с хозяйкой, то сделали мы это умышленно: пусть подумает со своим муженьком — фашистским прихвостнем, — стоит ли служить гитлеровцам.

На другой день наш отряд остановился в деревне Данилово,

имеющей всего восемь домов. Выставив часовых, мы улеглись спать.

Пока мы спали, Адольф с Иозефом решили преподнести нам сюрприз. Они взяли у хозяйки мешок и тихонько, чтобы никто не слышал, вышли из дому. Обходя дом за домом, они просили у крестьян немного пшеничной муки для лепешек. Через полчаса приятели вернулись. Пока хозяйка растапливала печку, Адольф замесил тесто. Дело подвигалось быстро. Но тут Адольф спохватился, что нечем смазывать сковородку.

— Беги скорей, неси масла, — сказал он Иозефу.

Тот опять побежал по деревне. Сала и масла ему никто не дал, и вот здесь-то он и проявил излишнюю инициативу.

Иозеф вспомнил, как действовали солдаты гитлеровской армии, и, недолго думая, стал ловить во дворе курицу. Бедная хохлатка от страха вылетела на улицу. Тогда, вскинув автомат, Иозеф дал по ней длинную очередь.

Партизаны, услышав выстрелы, моментально поднялись на ноги. Мы выбежали во двор и увидели Иозефа. В руках у него трепыхалась курица. Заметив нас, Иозеф очень растерялся и выпустил из рук добычу — он вспомнил, что стрелять здесь было запрещено.

К нему подскочил Адольф. Размахивая кулаками, он стал бранить земляка на чем свет стоит.

Мы тоже отчитали Иозефа. Усилив караулы, партизаны разошлись по домам. Когда все успокоились, мы поинтересовались, зачем Иозефу понадобилось стрелять в курицу. Виновник в это время потрошил злополучную хохлатку. Иозеф улыбнулся, колупнул ножом куриную тушку и, положив желтый кусок на ладонь, сказал:

— Сало, жир.

Через несколько минут на столе появилась первая румяная лепешка.

В обед часовые задержали фашистского шпиона. Придурковатый деревенский парень лет двадцати двух на допросе сначала сказал, что шел к своей невесте Маруське, а потом, когда Поповцев остался с ним один на один, признался, что послан немцами узнать, кто здесь стрелял.

Оказалось, вражеский гарнизон находился от нас всего в двух с половиной километрах. Мы понимали, что немцы, прежде чем напасть, попытаются узнать о наших силах, а поэтому обязательно пошлют сюда еще человека. Так и вышло. Во второй половине дня они подослали к нам нищую.

— Ты зачем пришла? — спросил у нее Поповцев.

— Немцы послали, — откровенно ответила она. — Сперва

парня направили, а потом меня заставили идти.

— Много там немцев?

— Человек двести.

До вечера в деревню больше никто не пришел. Гитлеровцы, видимо, поняли, что посылать к нам людей — пустая затея.

Женщину, которая ничего не скрыла от нас, решили отпустить. На как поступить с парнем? По закону его следовало расстрелять, как шпиона. Но ведь он ненормальный. Решили поговорить с ним.

— Что делать с тобой, жених? — спросил я.

— Мне домой надоти, — ответил парень.

— Мы тебя расстрелять думаем, а ты домой спешишь, — улыбнулся пулеметчик Беценко.

— Меня расстрелять?! Ня нада, ребята. Я больше сюды не пойду. Я лучше тому немцу глаз выколю.

Партизаны засмеялись.

— Ну, ладно, жених. Стрелять тебя не будем. Ты лучше иди выколи глаз немцу, который тебя послал. А к нам больше не появляйся, иначе — пулю в лоб. Скажи немцам, что сегодня ночью, а может быть, завтра, придем к ним в гости. Пусть солдаты готовят виселицы своим командирам. Будем вешать их, — объяснил я незадачливому фашистскому шпиону.

Парень от удивления вылупил глаза:

— Вешать будете? Ладно я скажу им.

Начальник караула вывел его за околицу.

— Ну, беги, живей, — сказал он. — Только не забудь глаз выколоть.

— Ладно, — крикнул, убегая, парень.

— А что, командир, правда мы пойдем бить тех немцев? — спросил меня Беценко.

— Нет, Вася. Это я нарочно сказал. Пусть немцы дрожат. Им полезно несколько ночей не поспать.

Через несколько минут после ухода парня отряд покинул деревушку. Мы держали путь обратно к бригаде.

Поздно вечером наткнулись на одинокий хутор. Выслали туда разведку, чтобы узнать, далеко ли до железной дороги.

Партизаны принесли с хутора тревожную весть. Оттуда только что снялась вражеская засада, подстерегавшая партизанский отряд. Немцев было человек пятьдесят, и, по всем признакам, они ждали нас.

Хозяин хутора предупредил, что в соседних деревнях вечером тоже были немецкие солдаты.

До железной дороги оказалось всего три километра, а поэтому населенные пункты мы легко обошли.

Наши подрывники заранее подготовили сконструированную Владимиром Соловьевым мину. Ее поставили на стыке рельс и тщательно замаскировали снегом.

Впоследствии мы узнали, что мина не подвела. На ней подорвался вражеский поезд, который вез автомашины и разную технику.

Данные разведки мы доложили командованию бригады. Назаров сделал для себя короткие записи.

— А в отношении казаков надо проверить, — сказал он.

8. За шоссе Пустошка — Опочка

На следующий день бригада ушла из-под Острилова ближе к Себежу. Мы выбрали скрещение больших дорог и остановились на большаке в деревне Бакланица. Места здесь были партизанские, и немцы не использовали эти важные коммуникации. Здесь по-прежнему дислоцировались бригады Бойдина, Варакссова, Марго, Халтурина и Гаврилова.

Среди боевого коллектива гавриловцев находился и организатор 3-й Калининской бригады, уполномоченный штаба партизанского движения Алексей Иванович Штрахов. Мы встретились с ним в отряде Чернова, где он проводил митинг, посвященный победе воинов Ленинградского фронта. Просторная изба была до отказа заполнена партизанами. Из раскрытой настежь двери валил пар, неслись радостные возгласы.

Штрахов увидел нас.

— Вот вам, товарищи, живой пример. Я здесь говорил с героических делах нашей молодежи. Так вот, посмотрите на них, — указал он в нашу сторону. — Эти юноши третью зиму борются с оружием в руках против фашистов. Они перенесли много лишений, видели смерть в глаза, но ничто не поколебало их воли. И никогда не сломить врагу богатырский советский народ. Все сильнее трещит хребет фашистского зверя. Скоро он будет переломлен, товарищи.

Одобрительные возгласы, крики «ура» заглушили слова Штрахова.

После митинга, поздравив Алексея Ивановича с высокой правительственной наградой — орденом Красного Знамени, мы долго говорили с ним, вспоминая боевые дела и погибших друзей.

Партизанские владения северной части Себежского района были обширны, но настолько истерзаны частыми набегами гитлеровских карателей, что редко можно было встретить не тронутую огнем деревню. В большинстве случаев немцы сжигали деревню вместе с населением. Слезы женщин и детей, мольбы и просьбы — ничто не помогало. Оставшиеся в живых ютились в холодных, сырых землянках. Не было ни хлеба, ни соли.

Однажды к нам в деревню Бакланицу пришли женщины из бывшего села Томсино. Село это каратели сожгли дотла. Кроме печных труб, торчащих из-под снега, да одинокой полуразрушенной церкви, ничего там не осталось. Мы несколько раз проезжали мимо пепелища и никогда не думали, что в Томсине могли быть люди. Но люди, каким-то чудом оставшиеся

в живых, укрылись под церковью, в тесных и темных склепах.

Церковные склепы случайно обнаружил Лопуховский. Сан Саныч услышал доносившийся из подземелья плач ребенка. Он остановил лошадь, подошел к церкви и громко крикнул:

— Эй, кто здесь прячется, выходи!

Из черного проема вылез старый дед.

— Чего надо, сынок? — спросил он, протирая драным рукавом фуфайки слезившиеся, отвыкшие от дневного света глаза.

— Ты как попал сюда, отец?

— Судьба загнала, сынок. Я не один здесь. Нас человек пятнадцать. Мал да стар собрались под святым местом, вот и ждем кончины своей. Зайди, посмотри, как мы живем, — позвал старик Лопуховского.

Сап Саныч зашел. Он не сразу разглядел при тусклом свете лучины обитателей необычного жилища. Встретивший Лопуховского дед оказался единственным мужчиной среди них. Детишки, мал мала меньше, боязливо выглядывали из-за материнских юбок.

Лопуховский назвал себя. Страх и недоверие исчезли. Женщины наперебой стали рассказывать о своей жизни, а ребятишки, осмелев, примеряли флотскую бескозырку Сан Саныча.

— Угостить-то тебя нечем, сынок. Живем хуже нищих. Кроме мерзлой картошки, ничего нет, — говорил старик. — Вот ты приехал бы к нам в Томсино до войны… Эх, вспоминать не хочется!..

— А почему вы сидите тут? Идите к нам в Бакланицу, там вас приютят, — сказал Лопуховский.

— Нет, сынок, пробовали скитаться. Только придем куда, а там, глядишь, каратели; жгут, грабят, стреляют. Лучше уж здесь сидеть. Если бог помилует — ладно, не помилует — все пойдем на тот свет. Воля не наша. Хоть бы Красная Армия скорее приходила.

Лопуховский обещал по возможности помочь этим людям. И вот теперь они пришли.

— Нам Сашу-моряка, — сказала часовому одна из женщин.

Пришедших пригласили в штаб бригады. Назаров приказал выдать им несколько буханок хлеба, мешок муки и килограмм соли — все, чем могли мы поделиться в то время.

Испытывая большие затруднения в продовольствии, мы решили специально выслать отряд на заготовки хлеба.

Взять хлеб поблизости было негде, а поэтому выбрали Пустошкинский район.

Этот район интересовал нас и в другом отношении. После того, как жена полицейского из Алоли упомянула о приезде казаков-власовцев, мы получили подобные сведения и из других источников. Нам сообщили, что район наводнен немцами и власовцами. Нужно было узнать: откуда и с какой целью прибыли туда незваные гости.

Назаров обвел взглядом сидевших партизан.

— Идти придется далеко. Восемьдесят километров в один конец. Дорога опасная и незнакомая. На задание пойдет отряд Терещатова. Сегодня изучите маршрут, подготовьте коней, а завтра — в дорогу.

Конечный пункт нашего пути находился за шоссе Пустошка — Опочка, между реками Великая и Алоля, Маршрут проходил через знакомые деревни: Морозово, Кряковку, Ципилину Гору. Судьба вела нас туда в третий раз. Третью военную зиму комсомольцы-партизаны с оружием в руках ходили по глубоким тылам противника, наводя страх на немецких захватчиков, вселяя в сердца советского народа надежду на скорую победу.

В Пустошкинский район вышли засветло. Нас было тридцать человек. На всякий случай взяли четырех лошадей, запряженных в сани. Если на месте не добудем коней, повезем хлеб на своих.

Отряд шагал всю ночь, изредка останавливаясь в деревнях. Нам хотелось к рассвету добраться до леса, чтобы там дать недолгий отдых лошадям, а затем двигаться дальше. Чтобы не измучить коней, на каждой повозке ехали не больше двух человек. Таким образом, за ночь каждый из нас по очереди смог поспать часа два в санях.

К утру без происшествий достигли урочища Горелая Мельница. Углубившись в сосновый бор, отряд расположился на привал.

— А ну, закуривай, Макарка, табаку ведь нам не жалко! — трясет кисетом Петя Зеленый.

— Кто желает крепачка?! Махра — первый номер, один курит — трое падают! — кричит пулеметчик Леша Окунев.

Слушая веселые шутки бойцов, я невольно вспомнил Николая Горячева. «Эх, его бы сейчас сюда. Уж он-то умел соблазнить табачком…»

Утренний воздух прозрачен и чист. Бойцы разжигают костер. Весело потрескивает сухой хворост. Огонь освещает лица партизан.

— Давай, Сыроежкин, расскажи, как ты ходил на кабанов, — просят все.

— А ну вас к лешему. Вы все равно не верите.

— Верим, рассказывай! — пыхтя папиросами, упрашивают его бойцы.

— Ну что ж, ладно. Только слушайте внимательно. Давно хотел рассказать одну интересную быль, да все недосуг.

— Садись сюда… поближе к огню, — уступая место, предлагает Поповцев.

Сыроежкин присаживается к костру, обводит взглядом приготовившихся слушать партизан и тихо, немного таинственным голосом начинает:

— Случай этот произошел со мной лет десять назад, в Сибири. Приехал я туда к своим погостить. Кто в Сибири бывал, знает, какие там леса. — тайга, дебри. Зверюги всякой — полно. Ну, я не будь дурак, ружьишко с собой прихватил, «зауер, три кольца». Дай, думаю, душеньку отведу, охотник-то я, сами знаете, заядлый. Так вот, приехал к своим. Ясное дело, в первый день поставили на стол водочку, пельмени и другую закусочку…

— А що це таке за пельмени? — спрашивает Беценко.

— О-о-о, брат! Это такая еда — пальчики оближешь, — причмокнул Сыроежкин.

— Давай дальше, нечего соблазнять, — шумят бойцы.

— Ну вот, выпили, значит, пельменей десяточка по три съели и на боковую. А утром, чуть свет, вскинул я на плечо ружьишко — и айда в тайгу. Помню, туман был такой, что пальцем ткнешь — и дырка. Иду потихоньку, прислушиваюсь. Кругом глушь неимоверная. Вижу — впереди поляна. Дай, думаю, выйду покурю и осмотрюсь. Ведь заблудиться там проще простого. Только я вышел, смотрю — кабаны. Сразу два. Впереди — молоденький, беленький, а за ним старый. Клыки… во! — Сыроежкин торчмя приставил к губам указательные пальцы. — Идут они друг за другом, похрюкивают, на меня не смотрят. Вскинул я ружье, а стрелять не стреляю. Которого бить? Первый — чересчур мал, а другой — большой, да старый. Одна щетина на нем, и та лохматая. И решил застрелить молоденького. Прицелился и — бах пулю в него. Смотрю, он как прыгнет кверху — и в кусты. А старый стоит, как вкопанный. Я к нему. Он ни с места. Смотрю, у него в зубах обрывок хвоста болтается. Тут я понял, в чем дело. Старый кабан, оказывается, слепой был. Шел он, придерживаясь за хвост молодого, а молоденький кабанчик — поводырем у него. Я сразу смекнул, что к чему. Взял осторожненько конец хвостика и повел слепца в деревню…

Взрыв хохота заставил вздрогнуть жевавших сено коней. Ребята покатывались со смеху.

Василий Беценко, смахивая слезу, спросил:.

— А колы ты вив його до хаты, вин хрюкав чи ни?

— Хрюкал, хрюкал. Он даже визжал от удовольствия, — отвечал Сыроежкин.

— Ух и врать мастак, — хвалил Сыроежкина Ворыхалов.

Бойцы поели, покурили, отдохнули, и кое-кто хотел было уже прилечь.

Я велел собираться:

— Пора, ребята. Делу время — потехе час.

Местность была лесистая, глухая, и мы двигались по урочищу среди белого дня. Впереди, как всегда, шла разведка. Она вела нас по дороге, протоптанной когда-то нашим братом — партизаном.

К вечеру вышли к сожженной деревне Белевица на реке Великой. Трудность переправы заключалась в том, что река Великая в этих местах зимой не замерзала. Мы вышли к неглубокому броду метров пятнадцати в ширину. Но лезть в ледяную воду никому не хотелось.

На другой стороне виднелись разрушенные постройки хутора Калинки. Разведчики первыми разделись, вошли в воду, бегом проскочили на тот берег и, прыгая на месте, чтобы согреться, торопливо стали одеваться. Потом они гуськом пошли к хутору. Мы не двигались, ожидая их сигнала. Разведчики осторожно обошли постройки и долго что-то обсуждали, размахивая руками. Затем от них отделился связной и спешно направился к реке. Значит, что-то случилось. Навстречу связному вышел наш человек.

— Что там? — спросил он.

— Скажи командиру: наткнулись на свежие следы. В случае чего — прикройте нас! — крикнул с того берега связной.

— Ладно! Идите, не бойтесь.

Сообщение разведчиков нас насторожило. На той стороне партизан быть не могло. Следы явно принадлежали врагу.

Не дожидаясь результатов разведки, мы с Соколовым тоже переправились через реку, чтобы осмотреть следы.

Снег вокруг строений был плотно утоптан. Кругом валялись окурки сигарет. Внутри развалившегося строения остались отпечатки ножек ручного пулемета. Судя по всему, немцев было человек пятьдесят. Здесь сидела неприятельская засада, которая ушла перед нашим приходом. Но куда ушли немцы? Может быть, к лесу, а может быть, они притаились где-нибудь дальше? Идти по их следу опасно, а тащиться по целине с повозками — дело очень тяжелое.

Разведчики прошли до леса и вернулись к хутору.

— Да, немного не дождались они нас, — сказал Поповцев.

Начинало смеркаться. Я велел переправлять отряд. Вскоре мы

двигались по опасной тропе к шоссе Пустошка — Опочка. Прошли по вражескому следу около пяти километров, а потом свернули к озеру Езерище, где нам посчастливилось выйти на укатанную автомобилями дорогу.

Через некоторое время отряд приблизился к деревне Зуи. Немцев в ней не оказалось. Жители встретили нас радушно.

В Зуях нам пришлось побывать еще в первую военную зиму, и хотя нас никто здесь не признал, чувствовали мы себя по-хозяйски уверенно.

Местные жители посвятили нас во все новости. Из разговоров с ними мы поняли, что положение в районе напряженное, однако дела складывались не в пользу оккупантов. Население теперь твердо верило, что в ближайшее время сюда придут советские войска. Это было главное.

Даже продажные шкуры — полицейские заметно изменились. Они огрызались на замечания своих немецких хозяев, приторно лебезили перед населением, старались смягчить всякую обиду, нанесенную когда-либо человеку. Предатели чувствовали скорую расплату.

Из местного населения никто больше не поступал на службу к врагу, и немцы вынуждены были привозить откуда-то власовцев, выдавая их за вольных казаков.

В Зуях нас предупредили, что немцы и власовцы заняли почти все крупные села. Они отрядами ездят по деревням, выискивая партизан и коммунистических агитаторов.

Нам было известно, что в этих краях действует партизанская группа под командованием Сковроды. Еще за несколько дней до нашего похода командир Идрицкого партизанского отряда Никаненок упомянул эту показавшуюся нам смешной фамилию. Собираясь в Пустошкинский район, мы заручились письмом на имя Сковроды с просьбой оказать нам всяческое содействие.

Сковроду удалось найти на другой день. Мы встретились с ним в деревне Стайки через специального человека, адрес которого вручил мне Назаров.

Сковрода не очень обрадовался, когда узнал, что в его владения прибыло столько партизан.

— Тесновато будет, но ничего, — сказал он.

Ночью люди Сковроды повели наш отряд замысловатыми путями в лес, к землянкам. Мы долго петляли по густому заснеженному ельнику, пока наконец добрались до места. В лесу, недалеко от реки Алоли, еще с осени были вырыты две землянки. Нам предложили большую из них. Жилище, где предстояло нам обосноваться, походило на погреб, в котором храпят овощи. Внутри было темно, и, кроме поставленной на попа бочки,

служившей печью, да снопов ржаной соломы, густо разбросанных по земляному полу, ничего не было. Однако землянка понравилась всем. Тепло, мягко, никакая вьюга нипочем. А что еще нужно нам, партизанам!

Бойцы затопили печь, смастерили светильники-коптилки, и жизнь пошла своим чередом.

В углу, под соломой, Петя Зеленый обнаружил гармонь.

— Ого! Живем, ребята! — крикнул он, растягивая меха.

Все очень обрадовались, но вскоре выяснилось, что играть на гармони никто не умеет. Она переходила из рук в руки.

— А ну-ка, Леша, потурлыкай ты. Может, что получится, — говорил Петя Зеленый пулеметчику Окуневу.

— Не-е, я только на пулемете играть могу. — отказывался тот.

Мы невольно вспомнили своих погибших гармонистов — Федю Попкова и Володю Волкова. Вот если бы сейчас они были с нами…

Спали рядами, прижавшись друг к другу. Было очень тесно и, если кто переворачивался на другой бок, переворачивались все. Чтобы не простудиться, спали в одежде и в валенках. Так было и удобнее, потому что ночью по очереди ходили в караул.

В целях безопасности выставляли на подступах к землянкам двойные посты. Часовые инструктировались строго, так как в случае внезапного нападения наша гибель была неминуема. Землянки представляли собой хорошие ловушки.

На другой день, утром, к нам зашел Сковрода.

— Как спалось, что снилось? — весело спросил он.

— Спасибо. Лучшего не желаем, — хором ответили бойцы.

В тот же день устроили совместный обед. Хозяева вынули из тайников лучшие припасы.

— Ешьте, хлопцы, от пуза, — угощал нас лесной повар.

Много дней провели мы вместе. Нам полюбился этот небольшой спаянный коллектив. Интересно, что у половины его бойцов была такая же фамилия, как у командира. Иногда смешно получалось. Например, кричат: «Сковрода» — выбегает связной. Оказывается, вызывают пулеметчика. В другой раз требуют повара — бежит разведчик. Даже когда я поехал с самим командиром в деревню Зуи, мы и там столкнулись со Сковродами.

— Это моя родная деревня. У нас здесь почти все партизаны, — пояснил он.

Сковродовцы имели тесную связь с народом. Население уважало их и оказывало им всяческую помощь.

Занимаясь разведкой, мы заодно заготавливали

продовольствие. Сковрода хорошо знал, где какой староста подготовил для сдачи немцам хлеб и мясо. Мы навещали эти деревни и там, на месте, «переадресовывали» продукты…

Деревенские старосты часто просили нас выдать им для оправдания соответствующий документ, что мы с удовольствием делали. Вот, например, какие расписки оставляли мы:

> «Настоящая расписка дана немецкому коменданту в том, что мы, партизаны, взяли у старосты одного бычка, две овцы, двух свиней, отобранных у народа и приготовленных для сдачи немецким оккупантам. Обижаться не советуем, взамен этого фюрер пришлет вам свою, германскую, свинью. Ауфвидерзейн!»

Находясь как-то в разведке, мы проходили вблизи знакомой деревни Кряковка. И, несмотря на то, что она была окружена плотным кольцом немецко-власовских гарнизонов, решили заглянуть туда. Пусть видят люди, что мы живы и продолжаем бороться против фашистов. В деревню со мной пошли Поповцев и Ворыхалов. Поздним вечером, миновав заставы противника, подошли к знакомому дому. Хозяева еще не спали. В доме тускло горела лучина и был слышен глухой шорох.

Постучали в окно. В сенях заскрипели половицы, звякнула щеколда.

— Кто здесь? — послышался знакомый голос.

— Принимай гостей, мамаша. Старые знакомые пожаловали, наверно, признаете, — сказал я, переступая порог.

— Кто же вы такие?

Мы вошли в избу и нарочно обратились к свету, чтобы хозяйка могла видеть наши лица. Я увидел в чулане самодельные жернова и понял, почему был слышен из дома шорох.

— Господи. Сынки родные! Да неужто вы живы! — всплеснула руками хозяйка.

— Пока живы, — улыбнулся Ворыхалов.

— Надо же! Третью зиму воюете с ворогами и — живы-здоровы. Уж не молитва ли вас хранит?

— Мы заколдованы от пули, мамаша, она нас стороной обходит, — смеясь, ответил Поповцев.

— А где же тот веселый паренек, который покурить любил.

— Коля Горячев?.. Погиб весной.

— Ой, лихо! Такой молодой и погиб. Вот, поди, мать плачет.

— Нет у него матери. Сирота он.

Хозяйка утерла выступившие слезы.

— Когда война кончится, на могилку сходите к нему, цветов снесите.

— Мы школу назовем его именем и памятник поставим, когда война кончится. Пусть кувшиновцы гордятся своим комсомольцем, — сказал Поповцев.

Мы рассказали хозяйке об успехах Советской Армии и велели передать всем односельчанам, что наши войска скоро придут сюда.

— Ох, скорей бы, сынки мои. Надоело все. То немцы, то полицаи, а то вот наехали какие-то казаки-власовцы, изменники. Житья нету. Убивают да грабят. Вот видите, по ночам украдкой зерно мелю. А днем, чтоб антихристы не заходили, больной притворяюсь. Они больных боятся.

На прощание хозяйка сунула нам по большой румяной лепешке.

— Дай бог вам здоровья.

— Спасибо, мамаша, после войны увидимся…

Забавный случай произошел с нами на следующий день. Мы выехали в разведку вверх по реке Алоле. Резвая пегая кобылка подвезла нас к большаку Глубокое — Красное. Только сошли с саней, чтобы осмотреть дорогу, как вдруг увидели немецкую машину. Она медленно удалялась, оставляя за собой на обочине толстый резиновый шнур, черной змейкой ложившийся на землю. Это немецкие солдаты решили протянуть между штабами кабель. Едва машина скрылась за поворотом, мы принялись рубить его. Но этого нам показалось мало.

— Давайте смотаем, — предложил кто-то из ребят.

Не прошло и двух минут, как наша лошадь бежала по большаку, а мы, сидя в санях, подбирали кабель. Немцы разматывали, а мы следом сматывали. Так проехали с километр. Кабеля набралось полные сани. Мы обрубили его и отвезли в лес. Кабель хороший, шестижильный. Но что с ним делать, не везти же с собой? Взяли и сожгли.

— Теперь немцы пусть позвонят… — смеялись бойцы.

Постепенно наш отряд заготовил много зерна, муки, мяса. Теперь оставалось благополучно доставить груз до места. Для этой цели мы раздобыли еще тройку коней.

Ко дню нашего выхода из лесного лагеря Сковроды число вражеских гарнизонов в округе увеличилось. Помня о переправе через реку Великую и о засаде, которая там была, решили избрать другой путь.

Недалеко от лагеря в деревне Ермолово через реку Алолю был мост. Если бы нам удалось переправиться по нему, не нужно было бы переходить в брод реку Великую. Загвоздка состояла в том, что в этой деревне часто останавливались немцы.

Рано утром мы выслали к Ермолово наблюдателей, а сами

начали готовиться к ночному походу: погрузили на повозки заготовленный провиант, увязали мешки. Лошадям в этот день вместо сена дали овес: им нужно было набраться сил.

Сковродовцы ходили грустные: за это время они подружились с нами и не хотели расставаться.

Во второй половине дня к землянкам пришли связные от наших наблюдателей. Они доложили, что в деревне противника нет.

Бойцы тепло распрощались со своими друзьями — местными партизанами, в последний раз окинули взглядом лесное пристанище и, понукая коней, тронулись в дорогу. Нам хотелось засветло подтянуть обоз к краю леса, чтобы с наступлением темноты проскочить мост.

Уже смеркалось, когда лесная дорога вывела отряд к широкой ложбине. Здесь нас встретили Беценко, Ворыхалов и Жорка Молин, находившиеся в наблюдении.

— Как дела? — спросили мы.

— Все в порядке, — ответил Беценко.

Еще раз проверили исправность повозок, разрешили людям перекурить и, не тратя времени, выслали на мост разведку с группой прикрытия. Пошли Соколов, Поповцев, Разгулов, Бычков и еще четверо бойцов. До моста метров четыреста. Разведчики скрылись в темноте. Через пять минут двинулись и мы. Когда половина нашего обоза вышла в поле, на мосту у мельницы раздалась стрельба.

Мы остановились. Стреляли из пулемета и автоматов. Пули, посвистывая, летели в нашу сторону.

«Засада», — подумал я.

На той стороне, по всей деревне Ермолово, загрохотали выстрелы. Вверх взвились сразу несколько ракет, Мы с трудом развернули в сугробах коней, чтобы уйти под прикрытие леса.

Вскоре подбежали посланные на мост ребята.

— Немцы… засада, — сдерживая дыхание, сказал Соколов.

Подошел смущенный Беценко.

— Их там не було. Мы ж дотемна дивилися. Никого не бачили, — виновато сказал он.

К счастью, внезапная встреча с противником закончилась благополучно. Разведчики вернулись невредимыми. Было ясно, немецкий отряд только что прибыл в Ермолово. Враги еще не успели расположиться, иначе несдобровать бы нашим людям.

Что предпринять? Возвращаться обратно к землянкам — значит привести немцев к лагерю сковродовцев. Решаем идти по старому маршруту. Ночь еще впереди, и мы можем успеть переправиться вброд через Великую. Несколько километров идем

по густому лесу. Глубокие сугробы затрудняют движение. Порою кажется, что не будет ни конца ни края этой изнурительной дороге.

К полуночи подходим к большому полю, останавливаем усталых лошадей. Привал.

Где-то далеко лает собака, доносится пение петухов. Заходить в деревню нельзя: почти всюду стоят вражеские гарнизоны.

Опять сворачиваем в сторону и по компасу направляемся к шоссе. Рассвет застает нас за озером Езерище в пяти километрах от переправы. Место малонаселенное, и, если не будет погони, вполне можно укрыться и отдохнуть в ближайшем лесу. Ноги подкашиваются от усталости. К обеду кое-как добираемся до переправы. Оставляем в лесу обоз с несколькими бойцами, а сами идем к реке. Вот и хутор Калинки, где не дождалась нас в прошлый раз вражеская засада. Делим отряд на две части и, взяв оружие на изготовку, подходим к постройкам. Если немцы здесь, они никак не ожидают партизан с этой стороны.

На хуторе фашистов нет. Подтягиваем повозки к реке и начинаем переправу. Двое бойцов, раздевшись, заводят в воду лошадь. Дойдя до середины реки, она фыркает и останавливается.

— Но! Но! — кричат наперебой партизаны, но лошадь не в силах сдвинуться с места. Раздеваются еще четверо и начинит таскать мешки с повозки на берег. Так происходит с каждой повозкой. Всем без исключения приходится побывать в ледяной воде. После переправы, чтобы не простудиться, гоним коней что есть мочи, а сами бежим возле повозок. От нас, как и от лошадей, валит пар. Километра через три останавливаемся, разжигаем костер и начинаем сушиться.

9. Лоховня

Через двое суток отряд прибыл в деревню Бакланица. Как всегда, партизаны радостно приняли нас. Спать не ложились до поздней ночи. Много разных новостей накопилось за время разлуки. Оставив себе необходимый запас провианта, командование бригады приняло решение раздать хлеб голодающим погорельцам. Наделили продуктами и жителей томсинского склепа. Народ горячо благодарил партизан.

В середине февраля обстановка заставила нас уйти в лес к латвийской границе. Там, между речками Исса и Синяя, имелся заболоченный хвойный массив, называемый Лубьевским лесом. Рядом находилось урочище Лоховня. Слово Лоховня нам нравилось больше, и мы решили распространить это название и на Лубьевскую зону. Этот малонаселенный район в летнее время был недоступен ни конному, ни пешему. Большое количество незамерзающих окон требовало и зимой особой осторожности.

Прилегающие к лесному урочищу деревни: Лубьево, Куньево, Ломы, Рубаны, Поповка, Мироеды, Опросово — давно были сожжены немцами. Оставшиеся в живых люди скрывались от врага в лесных землянках.

Наша бригада пришла в Лоховню в то время, когда там уже дислоцировались бригады Бойдина, Вараксова, Гаврилова, Халтурина. На севере Лоховни, в Красногородском районе, действовал отряд Жукова, а у границы — латышские партизаны под командованием Самсона.

Мы выбрали место в густом лесу, в двух с половиной километрах от бывшей деревни Лубьево. Место подобрали удобное, сухое. Достали у погорельцев-беженцев пилы: топоры, лопаты и стали мастерить землянки. Три дня долбили и копали мерзлую землю, пилили деревья. На четвертый землянки были готовы.

Иозеф, посматривая на заклубившийся из труб дымок, в шутку говорил:

— Штадт[1] Лоховня.

Так это название и сохранилось за партизанским поселком на долгое время.

Недалеко от нашего лагеря была ровная поляна. Проезжая как-то мимо нее, Назаров посмеялся:

— Вот и Тушинский аэродром под боком.

Слово «аэродром» навело на мысль о самолете, который в то время был нам очень нужен. В штабе бригады скопилось много ценных документов и других бумаг, добытых у немцев при

различных обстоятельствах. Все это необходимо было отправить на Большую Землю командованию Советской Армии.

В тот же день бойцы, немного разбирающиеся в авиации, осмотрели поляну и пришли к выводу, что использовать ее для посадки самолетов можно.

— Если срубить эти яблони, то «кукурузнику» здесь будет раздолье, — показал рукой Лопуховский.

— И те две сосны, — поддержал его Женя Крашенинников.

Назаров запросил по рации Большую Землю. Днем в штабную землянку вбежал радист Сергей Курзин.

— Самолет ночью будет! — выпалил он.

Весь лагерь зашевелился. На расчистку посадочной площадки вышли почти все. До вечера мы успели срубить не только яблони и две сосны, но и десятка три больших деревьев, которые, на наш взгляд, могли помешать посадке и взлету самолета.

— Теперь здесь и четырехмоторный бомбардировщик сядет, — безапелляционно заявил наш «академик» Володя Соловьев.

По краям поляны разложили хворост для сигнальных костров, а для дежурства на посадочной площадке выделили специальных людей. Все подступы к поляне перекрыли заслонами на случай нападения врагов.

Около полуночи над лесом раздался знакомый рокот самолета ПО-2. Партизаны быстро зажгли костры, в воздух взвилась зеленая ракета. А через несколько минут мы уже окружили самолет. Не выключая мотора, пилот вылез из кабины.

— Ну и площадку выбрали. На ней только вороне садиться, — сердито сказал он.

Здесь же он велел спилить еще четыре высокие сосны.

— Ведь я часто буду к вам прилетать, — уже более миролюбиво закончил он.

Мы погрузили в самолет все необходимое, летчик сел за штурвал, дал двигателю обороты, и машина, обдавая нас снежным вихрем, помчалась по поляне.

Мы смотрели в темное небо до тех пор, пока не растаял гул мотора, а потом все разом бросились к оставленному на снегу багажу. Каждому хотелось потрогать его. Ведь только сегодня эти свертки находились в руках советских людей по ту сторону фронта.

Нам прислали все, что мы просили.

Наутро погода испортилась: подул сильный ветер, повалил густой снег. Нам это было наруку. Бригадная разведка действовала вовсю. Не дремали и подрывники. Я вместе с Назаровым ушел в Латвию, группа Храмова — к Себежу, а Виктор

Соколов направился к станции Зилупэ. Храмов и Соколов удачно подорвали два эшелона противника. Мы вернулись из Латвии с ценными сведениями.

Разгулялась февральская метель. Занесло все дороги. Передвигаться было невозможно, и мы три дня сидели в теплых землянках. В свободное время пели песни. Бывало соберемся в кружок и начинаем:

Утречком ранним гостем нежданным
Кто-то вернется домой.
Варежки снимет, крепко обнимет,
Сядет за стол с тобой.
. . . . . .

Из другой землянки доносится задорный голос нашего лучшего песенника Феди Шилина:

Может быть, вдали за полустанком
Разгорится небывалый бой,
Потеряю я свою кубанку
С молодой кудрявой головой.
. . . . . .

Политрук Юра Богданов, поправившийся к этому времени, и Виктор Соколов с чувством пели старинную песню «Бородино»:

…Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана!

Хор подтягивал.

…И молвил он, сверкнув очами, —

продолжали запевалы.
Партизаны дружно подхватывали:

…— Ребята! Не Москва ль за нами!
Умрем же под Москвой!
И обещание мы дали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой!

Эта лермонтовская песня о Великой Отечественной воине 1812 года звучала в те дни как патриотический гимн. Она была очень популярна среди партизан. Вообще песни поднимали боевой дух людей, с ними легче шагалось по суровым дорогам войны.

Помню, зимой 1943 года мы проходили мимо большого вражеского гарнизона. Стояла тихая морозная ночь. Кто-то предложил спеть:

— Пускай все слышат!

Мы запели «Священную войну».

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертным бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Мощное, многоголосное эхо разносилось по округе, нарушая и без того неспокойный сон наших врагов:

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отродью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война…

Позже нам рассказывали о переполохе, который поднялся в стане врагов, когда они услышали нашу песню. Немцы были уверены, что на них движутся огромные партизанские силы. Многие гитлеровцы выскакивали на мороз в нижнем белье…

В первых числах марта до Лоховни докатилась скорбная весть о гибели сковродовского лагеря. Рассказывали, что через несколько дней после нашего ухода немцы с помощью предателей окружили ранним утром лагерь и забросали землянки гранатами. Находившиеся там партизаны погибли.

Пока свирепствовала вьюга, две наши группы действовали в районе станции Ессеники. Одна из них, возглавляемая Альбертом Храмовым, проникла на станцию. Другая, под руководством

начштаба Венчагова, выбрав удобное для засады место у шоссейной дороги Ессеники — Мякишево, уничтожила больше десяти фашистов и сожгла две автомашины.

Группа Храмова выдавала себя за полицаев, а Адольф с Иозефом, которые были в этой группе, — за немецких солдат.

Храмовцы настолько вошли в роль, что среди белого дня пожаловали в расположение вражеского гарнизона. Они вошли в первый попавшийся дом, где жили немцы.

И как ни в чем не бывало вступили с ними в разговор. Особенно усердствовал Адольф. Увидя своих бывших однокашников, он заулыбался и выставил на стол две бутылки шнапса, специально прихваченные для этой встречи. После часовой дружеской беседы в партизанские сани уселись двое захмелевших немецких вояк. Они ехали в одну из деревень пить самогон, знакомиться с девчатами. Туда пригласили их с собой храмовцы. Предвкушая удовольствие, немцы сами понукали лошадь, чтобы скорее добраться до места.

Лежа на повозке, Адольф рассказывал немцам анекдоты, а те покатывались со смеху.

Когда веселая компания удалилась на значительное расстояние от станции, сани окружили партизаны.

— Хэндэ хох! — скомандовал Храмов.

Пьяные гитлеровцы удивленно вылупили глаза. Один из них, по имени Герберт, думая, что с ними шутят, пробовал улыбаться; другой, которого звали Антоном, сразу заплакал. Немцев тут же разоружили и повезли с завязанными глазами в партизанский лагерь — «штадт Лоховню».

На допросе они рассказали много интересного. Они, оказалось, видели труп фашистского генерала, убитого нами на шоссе Пустошка — Опочка. Это был представитель главной ставки фюрера. Герберт стал уговаривать нас, чтобы мы приняли его в партизанский отряд. Он сказал, что ему, холостяку, все равно, где воевать. У русских даже выгоднее, потому что гитлеровские войска терпят поражение. Антон же со слезами упрашивал отпустить его обратно в часть. Он показывал нам пачку измятых писем и беспрерывно твердил: «Муттер, муттер»[2]. Мы попросили Адольфа перевести письма. Они были написаны матерью-Антона. Вот что она писала в одном из писем:

> «Дорогой, любимый Антон! Посылаю тебе еще одно горькое известие. Твой брат Генрих, которого ты так любил, погиб на прошлой неделе в Италии у города Генуи. Мне написал письмо его друг. Он пишет, что, если останется в живых, приедет к нам в Эссен и все

расскажет о гибели нашего дорогого Генриха.

Ты только подумай, мой милый сын, как горько мне, матери. Теперь Альфред лежит в могиле где-то у Севастополя, а Генрих в Италии. Из трех моих сыновей ты остался один. И на тебя, мой милый Антон, моя последняя материнская надежда. Я буду ждать конца проклятой войны и молить бога, чтобы ты остался жив».

Когда Адольф кончил чтение, мы долго молчали. Да, война не щадила и немецкие семьи…

Антон божился, что никогда не поднимет руку на советских людей. Он уверял, что всегда и везде будет рассказывать о нас только хорошее.

Посоветовавшись, мы решили пленных отправить в советский тыл.

Несколько дней они жили в землянке вместе с нами. По вечерам учились говорить по-русски, мы же совершенствовали свои знания в немецком языке. Большинство из нас изучало его в школе, но тогда мы относились к этому легкомысленно, о чем позже, в войну, очень пожалели.

Помню, у Соколова были трофейные валенки. Когда привели пленных, Виктор посмотрел им на ноги и, похлопывая себе по голенищу, сказал:

— Их хабэ тоже такие сапоги…

Партизаны засмеялись, но никто из нас не вспомнил, как называются по-немецки сапоги. Спасибо Адольфу Иванычу. Он всегда приходил нам на помощь в таких случаях.

Однажды вечером наши радисты расшифровали радиотелеграмму из Москвы: «Ночью ждите самолет».

Когда машина приземлилась, мы с радостью узнали знакомого пилота. Фамилия его была Серегин. Теперь ему понравилась наша площадка. Пилот был не один. Он представил нам своего штурмана.

Бойцы быстро разгрузили машину. Летчик подошел к комбригу.

— А где же ваш груз? — спросил он.

— Груз у нас необычный, — посмеиваясь, указал рукой на стоявших в стороне Антона и Герберта Назаров.

— Такой груз взять не можем, — покачал головой летчик. — С ними нужно посылать охрану, а у нас для этого самолет не приспособлен.

— Как же быть? — спросил Назаров.

— Переправляйте в Освею. Туда транспортные летают.

Прилетевший самолет мог взять лишь одного человека, и мы

решили отправить раненого бойца.

Антона и Герберта пришлось вернуть в лагерь, чтобы при случае направить их в советский тыл.

Через день опять прилетел Серегин. На этот раз погода подвела его. Ветер подул с юга, повалил мокрый снег. Летчик с большим трудом нашел нашу площадку. При посадке самолет врезался в деревья, сломались пропеллер и правая лыжа.

— Вот теперь и мы партизаны, — вылезая из кабины, сказал Серегин.

Общими усилиями бойцы откатили самолет в кусты и замаскировали ветками.

Летчики пошли с нами в землянки.

На следующее утро сообщили о случившемся в Москву.

Бригада начала готовиться к походу в Латвию. К Назарову подошел штурман самолета.

— Товарищ командир, возьмите меня с собой на задание, — попросил он.

Назаров пожал плечами.

— Пожалуйста. А пилот не против?

— Пусть сходит, если можно, — поддержал штурмана летчик.

ШТРАХОВ А. И.

НАЗАРОВ А. В.

ЖУКОВ И. В.

МАРГО В. И.

БОГДАНОВ Г. П.

ГАВРИЛОВ А. М.

ВЕНЧАГОВ И. И.

КОЛОКОЛЬЧИКОВ В. С.

10. В Латвии и Белоруссии

Еще было светло, когда мы вышли к одинокому дому лесника, расположенному в густом ельнике близ границы. В здешних деревнях дислоцировались отряды айзсаргов[3], имеющие телефонную связь с гитлеровскими гарнизонами, поэтому мы решили перейти границу ночью.

Немецкие оккупанты уничтожили всякую государственности Латвии. Страна была включена в состав имперской провинции «Остланд». Главой этой провинции был назначен прибалтийский барон рейхскомиссар Розенберг, а непосредственным правителем Латвии — матерый фашист Дрекслер. Латвия была разделена на четыре округа, во главе которых стояли бывшие прибалтийские бароны и фашисты из «рейха». Полицейские и карательные органы были подчинены ярому врагу латышского народа — обергруппенфюреру «СС» генералу полиции Еккельну.

До похода оставалось два-три часа. Партизаны окружили штурмана. Все интересовались последними событиями, спрашивали об открытии второго фронта. Из рассказа штурмана мы поняли, что американцы и англичане не спешат, нарочно тянут время. Конечно, империалисты не заинтересованы в нашей скорой победе.

— Капиталисты — те же фашисты, только, пожалуй, клыки у них поменьше, — сказал пулеметчик Василий Беценко.

— Факт. Капиталисты — это волки в овечьей шкуре, — поддержал разведчик Сергей Бабаев.

Разговор о втором фронте оставил у каждого в душе неприятный осадок.

Потом штурман рассказал нам о жизни в советском тылу, об успехах Советской Армии на фронтах.

Незаметно сгустились синеватые мартовские сумерки, наступила ночь.

Мы шли по территории Латвии к поселку Бриги. На пути то и дело попадались многочисленные хутора, называемые мызами.

— Вот она, столыпинщина, — кивал в сторону одиноких домиков комиссар Новиков.

Изредка раздавались винтовочные выстрелы. Айзсарги, видимо, чувствовали нас.

В полночь подошли к волостному центру Бриги. Здесь Назаров выслал разведку в трех направлениях: к железной дороге Зилупэ — Резекне, к Бригам и к местечку Лиель Пикова. С одной из разведывательных групп пошел и штурман.

К утру все сошлись в условленном месте — в хвойном лесу.

Партизаны задымили самокрутками, закурил из трофейной трубки и наш гость.

В лесу было безветренно и казалось не так холодно. Мы разожгли костры и, наломав еловых веток, разместились вокруг огня.

Пригревшись, люди стали засыпать, и только штурман долго рассказывал кому-то о ночной вылазке. Он восхищался смелостью партизан, которые на его глазах перебили охрану волостного центра, а затем забрали там какие-то документы.

На территории Латвии нам предстояло провести еще одну ночь. Необходимо было выслать разведывательные группы к крупной железнодорожной станции Лудза и к местечку Карсава.

В полдень комбриг поднял Альберта Храмова и Анатолия Неймана. Им Назаров поручил собрать сведения о дислокации немецких частей в Лудзе и Карсаве.

Группа Храмова, следовавшая в Лудзу, экипировалась под вражеских солдат и полицейских. С ними шел Адольф Иваныч. Разведчики выехали на станцию днем. Навстречу им часто попадались гитлеровцы. Никто не обращал внимание на переодетых партизан. Ребята же были начеку.

Когда стало смеркаться, группа благополучно миновала вражеский контрольный пункт. Храмовцы сначала наведались на железнодорожную станцию: осмотрели пути, сооружения, подвижной состав, а затем направились в поселок.

Собрав нужные сведения, партизаны вернулись на вокзал. Им очень хотелось прихватить с собой важного пассажира, за которого сам Назаров сказал бы спасибо, но, как на грех, в зале ожидания было пусто.

Часов в одиннадцать ночи храмовцы покинули Лудзу. В двух километрах от поселка они снова встретились с немцами. Как выяснил Адольф, солдаты конвоировали на станцию двух арестованных латышских патриотов.

Оценив обстановку, Храмов приказал обезоружить конвой. Немцы — их было двенадцать человек — пытались сопротивляться, но бойцы применили оружие. Лишь двоим гитлеровцам удалось убежать.

Партизаны разрезали веревки на руках освобожденных товарищей, погрузили оружие на захваченную у немцев повозку и двинулись в лагерь.

Латышских патриотов — двух статных парней — мы передали в местный партизанский отряд.

Пока ожидали летной погоды, пока другой самолет доставил винт и лыжу, прошло девять дней. Вечером отремонтированный

самолет выкатили из кустов.

— Внимание! Контакт! — кричал штурман, вращая руками пропеллер.

— Есть контакт! — отвечал из кабины пилот.

Но двигатель фыркал и, не заводился.

— Давай на буксире попробуем, — предложил бывший шофер Букша.

— На буксире не получится. Это же самолет, а не автомашина. Ты вот лучше крутани винт, — утирая рукавом пот, попросил штурман.

Букша с удовольствием подошел к самолету, плюнул на ладони и, взявшись обеими руками за винт, рванул его вниз.

Двигатель чихнул раз-другой, пропеллер робко качнулся из стороны в сторону и вдруг закрутился все быстрее и быстрее, пока не слился в сплошной серебристый круг. Рев мотора потряс лесную тишину.

— Ура! — с восторгом закричали партизаны.

— Молодец, Букша! Легкая у тебя, брат, рука!

Самолет улетел.

А на следующее утро со стороны Борисенки — Козельцы мы услышали частую ружейно-пулеметную стрельбу. Назаров выслал туда разведку. Я со своим отрядом выдвинулся к сожженной деревне Лубьево, чтобы в случае необходимости ударить по врагу.

Когда мы подходили к Лубьеву, навстречу нам выбежали люди.

— Каратели идут! Немцы! — кричали они в панике.

— Не бойтесь, товарищи. Мы не пустим их сюда, — пробовал успокоить народ Богданов.

Но уговоры не помогали. Люди, столько натерпевшиеся от карателей, теперь бежали от них в лес. Одетые в лохмотья, они тащили свой немудреный домашний скарб. Даже маленькие детишки несли ведра, лукошки, ухваты. Худенькая черноглазая девочка лет восьми запихивала под пальто котенка. Испуганный котенок не слушался хозяйку, норовил выскочить и убежать.

Смотря на эту картину, мы твердо решили не пустить сюда карателей.

Километрах в двух застрочили автоматы. Начали рваться мины. В Лубьево верхом на конях примчались наши разведчики.

— Что там? — спросил я старшего из них, Бориса Хаджиева.

— Идут по двум дорогам. Сотен пять… не меньше. Слышали, как сейчас из минометов стукнули? Это по нас.

Разведчики понеслись в бригаду. Немцы стреляли теперь где-то совсем рядом, но показываться не решались.

К обеду в Лубьево приехал Назаров, а следом за ним пришел отряд Лопуховского.

— Ты что, Ильич, скучаешь здесь? — с озорной улыбкой спросил Сан Саныч. — Обожди, сейчас заставим фрицев танцевать полечку. А не захотят полечку — пусть пляшут цыганочку. Ха-ха-ха…

Едва Лопуховский сказал это, как с противоположной стороны поляны показались люди в белых халатах.

— Идут, — пронеслось по цепочке.

Несколько человек вышли вперед. Остановились, видимо решая, как двигаться дальше. Это была фашистская разведка. Через несколько минут в той стороне стали скапливаться вражеские солдаты — подходили основные силы.

Немцы идти прямо боялись. Они решили выслать в обход поляны две группы разведчиков.

Мы не стали ждать, пока они подойдут вплотную. Назаров дал сигнал, и над Лоховней заговорило оружие.

Немцы укрылись за деревьями. Заговорили тяжелые минометы, а следом ударили и вражеские пулеметы.

Каратели оказались бывалыми. Получив подкрепление, они попробовали обойти нас с двух сторон. Наши заслоны встретили их дружным огнем, и немцам пришлось отступить.

Но каратели не уходили. Надеясь на свое численное превосходство, а также на минометы, которые беспрестанно обстреливали наши позиции, они дважды бросались в атаку, пытались опрокинуть нас.

К месту боя стали подтягиваться другие партизанские отряды. Во фланг неприятелю зашел отряд Григория Заритовского. В бой вступил отряд Рыбакова, а когда немцы собрались занять оборону, прибыла бригада Марго.

Карателей общими силами прогнали из Лоховни, но они частенько стали тревожить нас.

Товарищи из Себежа сообщили, что гитлеровцам стало известно о неоднократных посадках советских самолетов. Немецкие разведчики высказали своему начальству предположение о прибытии в Лоховню представителей Ставки Главного Командования. Вот почему так упорно лезли к нам каратели.

В середине марта радисты приняли радиограмму. Нам предлагалось выйти в Белоруссию.

Нужно было срочно заготовить необходимый запас провианта, так как на белорусской земле, куда мы шли, давно не было ни мяса, ни хлеба, ни соли. Немецкие оккупанты все разграбили и разорили. Латышские партизаны из отряда Самсона

посоветовали нам напасть на вражеский гарнизон на территории Латвии и захватить там продукты.

Государственную границу буржуазной Латвии охраняли отряды айзсаргов. Выкормыши правительства Ульманиса никого не пропускали в Латвию, тем более партизан. Возле их застав шли ряды колючей проволоки, черные глазки пулеметов смотрели из амбразур дзотов.

Одну из таких пограничных застав мы и выбрали для нападения. За день до выхода на операцию к нам приехал Григорий Заритовский. Узнав о нашем намерении, он сказал:

— Будем бить вместе. Вы нападете на заставу Ловушки, а я — на заставу Конгольци.

На том и порешили.

Обе заставы находились в двух километрах друг от друга. Налет договорились произвести одновременно.

Вечером следующего дня мы вышли из Лоховни в Латвию. В полночь подошли к границе. Заритовский свернул налево, мы — направо. Дорог не было, шли по крепкому мартовскому насту. Проводник — латыш из отряда Самсона — подвел нас к заставе.

— Вон казарма… — указал он на громоздкую постройку, темневшую на пригорке. — Только будьте осторожны, там у них укрепления и колючая проволока.

Назаров с отрядом Лопуховского остался на краю леса. Они должны были ударить по заставе с восточной стороны. Я со своими ребятами пошел в обход. Наша цель — первыми открыть огонь, чтобы отвлечь внимание противника. Идти пришлось более километра. Лунная ночь не позволяла выйти в чистое поле, где нас могли заметить. Пробираясь по краю леса, отряд подошел к дороге Ловушки — Конгольци. Разведчики остановились: к лесу, прямо на нас, двигалась группа айзсаргов.

Что делать? Стрелять? Тогда застава поднимется по тревоге, и нам уже нельзя будет подойти к ней незамеченными. Сорвется план операции.

Я приказываю пропустить айзсаргов. Держа наготове автоматы, замираем, пока они проходят мимо. Айзсарги идут гуськом. Перед входом в лес один из них подает команду, и мы слышим, как щелкают затворы оружия. Шаги медленно удаляются. Мы идем дальше. Наш отряд под прикрытием изб выдвигается на исходный рубеж.

Два часа ночи. Пора начинать. Раздается дружная автоматная и пулеметная стрельба.

С заставы тоже слышны пулеметные очереди. От зажигательных пуль загорается одна из построек за колючей проволокой. Айзсарги бросаются тушить огонь, но мы не даем им

этого делать. Пламя жадно пожирает сухие доски и вскоре перебрасывается на заставу. Среди врагов начинается паника. Меткие партизанские выстрелы, пожар заставляют фашистов искать спасения. Они скапливаются возле главных ворот, намереваясь прорваться к реке Зилупэ. Вот один из них бежит к прибрежным кустам. Я нажимаю на курок автомата, и человек валится в снег. Другие не решаются следовать его примеру.

Со стороны Конгольцев доносятся разрывы гранат. До самого неба полыхает огромное зарево. Отряд Заритовского ведет бой с гитлеровскими прислужниками.

Гарнизон заставы был уничтожен.

Не успели мы уехать, как над догоравшей заставой появился самолет. Это прилетели наши друзья. Сделав круг и сбросив красную ракету, они поприветствовали нас и улетели в Лоховню.

Вернувшись в лагерь, все увидели замаскированный ветками самолет. Но встреча с летчиками была на этот раз невеселой. При разгроме вражеской заставы мы понесли потери. Погиб наш песенник, боевой товарищ Федя Шилин. Осенью к нам в бригаду, вырвавшись из фашистского плена, пришел бывший старшина Советской Армии Матвеев. Старшина приглянулся нам, и мы назначили его помощником по хозяйственной части. Он оказался исключительным работягой. Наладил сапожную и швейную мастерские, соорудил кухню, баню и прачечную. Одним словом, много взял на себя забот. В этом бою Матвеев был тяжело ранен и на следующий день умер от заражения крови.

В отряде Заритовского погибло трое бойцов. Сам командир был тяжело ранен.

Через несколько дней наши люди из Себежа сообщили о готовящейся против нас карательной экспедиции. Мы срочно стали готовиться к походу в Белоруссию. В течение трех дней свернули свои дела по разведке, хозяйственники напекли в дорогу хлеба, насушили сухарей и закоптили сотню килограммов свинины. Копченость, правда, получилась не первого сорта, но есть было можно. Копченое мясо шутники прозвали гужами, и не без основания. Мясо было нарезано длинными, узкими полосками и тянулось в зубах, как сыромятина.

Накануне похода разведчики донесли, что немцы занимают ближайшие деревни. Весть о карательной экспедиции подтвердилась.

Мы ночевали в лесном лагере последнюю ночь и на следующий вечер должны были покинуть Лоховню.

Часов в одиннадцать дня со стороны Ноглово и Козельцев донеслась ружейная стрельба. Через полчаса выстрелы послышались еще в двух направлениях: со стороны Борисенков и

со стороны Поповки. Разведка доложила о больших скоплениях противника. Назаров приказал мне выдвинуться с отрядом к Лубьеву и во что бы то ни стало задержать карателей до темноты.

Одним броском отряд достиг сожженной деревушки и занял приготовленные позиции. Только на днях мы отбивались здесь от карателей, и вот они снова пожаловали сюда.

Время шло, но немцы не показывались. Они, очевидно, готовились к большому утреннему наступлению.

На землю опустился вечер. Мы ждали сигнала, что бригада вышла в поход. Вместе с нами в Белоруссию должен был идти и отряд Заритовского. Всего набиралось триста двадцать человек. Шел и небольшой обоз с ранеными. На одной из повозок лежал Гриша Заритовский.

Ожидая приказа о снятии обороны, я выслал связных к бригаде. Хотелось узнать, почему она задерживалась. Минут через двадцать связные вернулись.

— Можно сниматься, бригада на марше, — сказали они.

Мы прошли по санной дороге через невысокий сосняк и вышли к своему аэродрому.

— Прощай «штадт Лоховня»! — обернувшись в сторону лагеря, сказал Богданов.

Впереди предстояла трудная и опасная дорога. Враг занял все коммуникации, поэтому приходилось двигаться по бездорожью. Над лесом то здесь, то там взвивались ракеты. Иногда раздавались выстрелы. Это каратели «отпугивали» партизан.

Наша главная забота — благополучно перейти железнодорожную линию Себеж — Зилупэ. Мы знали, что ее сильно охраняют немцы, а поэтому очень беспокоились: ведь с нами был обоз раненых. От Лоховни до железной дороги — более двадцати километров. Это расстояние мы должны пройти без проводников, минуя дороги и населенные пункты. Самый удобный участок для перехода железнодорожной линии, на наш взгляд, находился в полутора километрах от латвийской границы, между гарнизонами Мигели и Дылново. Туда и направлялись мы.

Время перевалило за полночь, когда колонна уткнулась в шоссе Заситино — Мигели. До железной дороги — один километр. Остановились, чтобы осмотреться, как лучше перейти линию.

Гарнизоны Мигели и Дылново расположены у самого полотна, в восьмистах метрах друг от друга. Пройти между ними не так просто. Ночь светлая, подходы открытые: чистое поле. В ночной тишине хорошо слышен каждый шорох.

Созываем командирский совет. Одни предлагают выслать вперед ударную группу, другие — с ходу напасть на гарнизоны.

По предложению Назарова, решаем ждать поезда, чтобы под его шум перейти железную дорогу.

Время — третий час. То и дело в небо взлетают ракеты: охрана железной дороги начеку.

Наконец со станции Зилупэ доносится паровозный гудок, слышен шум идущего поезда.

— Приготовиться! — звучит команда.

Выдвигаем вперед группу автоматчиков. Они должны оседлать полотно с двух сторон, чтобы пропустить колонну через железную дорогу.

Грохот приближающегося поезда нарастает с каждой минутой.

— Давай! — командует Назаров.

Возницы хлещут коней, колонна спешит к линии. По сторонам движутся боковые заслоны. Их назначение — прикрыть обоз, если неприятель заметит нас.

Мы быстро бежим. Справа видны огни паровоза. Они все ближе и ближе. Мы устремляемся им наперерез.

Шум поезда заглушает топот многочисленных ног, бряцание оружия, скрип повозок. Но враги свободно могут видеть нас на открытом снежном поле и в любую секунду ударить с двух сторон.

Со взводом автоматчиков я бегу в голове колонны. Мне видно, как передний заслон наших бойцов уже ломает и валит на землю снегозадерживающие щиты, расчищает дорогу обозу. Темная лента вагонов, лязгая колесами, пробегает мимо.

Передний заслон выскакивает на железнодорожное полотно и неожиданно лицом к лицу сталкивается с немецким патрулем.

В воздухе повисает осветительная ракета, слышатся крик, стрельба из автоматов. Гитлеровцев немного — человек десять. Некоторые из них успели залечь и теперь отстреливаются.

Заслышав стрельбу, караульная служба Мигелей и Дылнова подняла тревогу. Оттуда веером взлетают ракеты, слышатся выстрелы.

— Переправить обоз! — раздается голос комбрига.

С кучкой бойцов спешу на помощь заслону. Перед глазами мелькают силуэты вражеских солдат. Мы с ходу бьем по ним, и они, отстреливаясь, пытаются бежать. Как назло, в автомате перекосило патрон. Спешно устраняю неисправность и даю очередь по убегающим немцам. Над моим ухом оглушающе бьет пулемет. Это Беценко стоя стреляет по врагу.

Тем временем обоз переваливает через железнодорожный путь. Боковые заслоны, ведя перестрелку с гитлеровцами, тоже переходят линию. Впереди лес. Позади нас — огромный

фейерверк ракет. Всполошенные немцы во всех гарнизонах от Заситина по границы палят из оружия.

Главная преграда преодолена, ворота в Белоруссию открыты.

Около часа идем лесом, пересекаем латвийскую границу и случайно натыкаемся на пограничную заставу айзсаргов. Может быть, эта встреча обошлась бы без перестрелки, но один из наших бойцов случайно нажал на курок винтовки. Грянул выстрел, залаяла сторожевая собака, взвилась осветительная ракета, и сразу же раздалась пулеметная очередь.

Дружным огнем заставляем врага замолчать. Айзсарги не рады, что связались с партизанами.

Идем по территории Латвии. На пути изредка попадаются спящие хутора-мызы. Ничто не мешает движению. Наши разведчики кое-где стукнут в хуторское окошко, мы возьмем хозяина-проводника и двигаемся дальше. Бригаде предстоит дальняя дорога к станции Дретунь, которая расположена за городом Полоцком.

Наступает рассвет. Попавшийся на пути сосновый бор манит своей тишиной, и мы с удовольствием устраиваем привал. Немало пути пройдено за ночь, много волнений и тревог выпало на долю каждого, но признаков усталости не чувствуется. Даже пессимистически настроенный Гопа вместо своей заунывной песни: «…Иду туда, куда ведут…» запел веселую «Перепетую». Ребята подхватывают задорный куплет:

…Сидели мы на крыше,
А может быть, и выше,
Сидели мы на самой на трубе…

Шутки, смех слышатся повсюду.

— Эй, Гопа, хватит петь песни, доставай «гужи», подзаправимся! — кричит Петя Зеленый.

— Какие «гужи»? Они у тебя в сидоре.

— Ты что, рехнулся?

— Говорят, нету у меня «гужей».

Выясняется, что у Гопы и Пети Зеленого один мешок на двоих. Понадеявшись друг на друга, они оставили его на той стороне железной дороги, когда ждали поезда.

— Эх вы, горемыки, — качает головой Богданов. — все-то вам не везет.

— Не везет, — согласился Гопа. — Ведь у нас там копченого мяса больше чем у всех было. Теперь приходится переходить на пищу святого Антония.

Хорошо придумали наши хозяйственники, что закоптили

мясо. Идя по сожженным и разоренным районам Белоруссии, мы нигде не могли найти соли. Не было ее и у местных жителей. Вот здесь-то и пригодились копчено-соленые «гужи». И не только нам — мы делились ими с больными крестьянами.

Плохо приходилось людям в этих краях. Местность так опустошили фашисты, что на десятки километров не встретишь ни одной деревни. Оставшиеся в живых люди ютились в землянках и питались кое-чем.

Двигаясь по обездоленной земле, мы вышли к Освее. Местные партизаны рассказали нам о своем тяжелом положении. Главная беда — отсутствие продуктов. Действия партизанских отрядов ограничивались в основном операциями но защите населения. Прячась от озверевших фашистских палачей, к партизанам сбегались тысячи советских людей. Были здесь не только старики и женщины, но и совсем крохотные детишки-сироты, спасенные партизанами под Полоцком. Фашистские людоеды собирались взять у них кровь и затем умертвить…

Отсюда, из-под Освеи, наш отряд сходил в разведку к станции Дрисса и к латвийскому местечку Штяуне.

В это время радисты приняли радиограмму. Нам предлагалось найти площадку для посадки самолетов.

Ввиду того, что в Освейском районе стали скапливаться карательные отряды, что говорило о готовящейся экспедиции, мы решили искать площадку в лесной местности. Для этой цели выбрали озеро Страдное.

Наступила оттепель, на льду появились лужи. Лед почернел. Нужно было торопиться, чтобы не утопить самолеты. Но с Большой Земли радировали: низкая облачность не дает возможности вылететь.

Каратели между тем сжимали кольцо. Мы предупредили об этом штаб партизанского движения.

В один из вечеров, когда совсем уже стемнело, все услышали рокот моторов. Дежурные бросились поджигать сигнальные костры, но над головой пронеслась немецкая «рама».

Около полуночи к нам на лед опустился ПО-2. Летчик вручил Назарову бумагу, которая здесь же была расшифрована. Командование партизанского штаба приказывало нам вылететь в советский тыл. Комбриг велел радистам коротко запросить подтверждение. Оно было получено.

На первых машинах отправили раненых и больных, в числе которых был и Григорий Заритовский.

Те из нас, которые должны были покинуть вражеский тыл, отдавали оружие и боеприпасы местным партизанам.

— Придется лететь обратно — дадут, а здешним товарищам

оружие пригодится, — рассуждали мы.

Назаров распорядился доставить на озеро спасенных под Полоцком детей.

— Возьмем с собой, не пропадать же ребятишкам, — сказал комбриг.

В каждую машину садились по три человека — двое в люльки на плоскости и один в фюзеляж. Пассажиру, сидящему в фюзеляже, давали на руки ребенка — «довеска», как называли партизаны малышей.

Уже лед на озере совсем размяк и подоспевшие каратели стали обстреливать из автоматов наш аэродром, когда последний самолет улетел на Большую Землю. В этом самолете летел комбриг Назаров.

В конце мая 1944 года бригада имени Дениса Давыдова была вновь послана в тыл врага. Совместно с частями Советской Армии партизаны приняли участие в изгнании фашистов из пределов Калининской области.

В июле территория области была полностью очищена от оккупантов. Многие народные мстители дошли с советскими войсками до логова агрессора и отпраздновали там победу.

Встреча у костра. Бывшие партизаны (слева направо): В. И. Терещатов, А. И. Штрахов, А. Р. Соловьев, Н. А. Волков и В. Ф. Рыбаков.

У могилы Лизы Чайкиной (слева направо): мать Лизы — Ксения Прокофьевна, родители погибшего партизана Володи Павлова — Александра Федоровна и Максим Павлович — и бывший командир партизанского отряда Терещатов В. И. Июнь 1961 г.

ЭПИЛОГ

1. Там, где гремели бои

…Лето 1961 года. В канун двадцатой годовщины со дня вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз по инициативе областного комитета партии и обкома ВЛКСМ решено совершить поездку по местам партизанских боев, чтобы потом, 22 июня, на традиционном сборе бывших народных мстителей Калининской области рассказать обо всем виденном.

Сборы недолги, и вот уже наш ГАЗ-69 мчится по шоссе. Со мной едет бывший командир партизанского отряда Василий Филиппович Рыбаков.

Путь предстоит немалый. За десять дней мы должны проехать две тысячи километров. Наш маршрут: Калинин — Кувшиново — Осташков — Пено — Андреаполь — Великие Луки — Локня — Новоржев — Опочка — Себеж — Юховичи (Белорусская ССР) — Зилупэ (Латвийская ССР) — Идрица и обратно через Псков и Новгород в Калинин. Нам нужно встретиться со старыми боевыми друзьями, побывать на партизанских тропах и поклониться праху погибших товарищей.

Теплый июньский вечер. Далеко впереди видны заводские трубы и освещенная заходящими лучами солнца водонапорная башня железнодорожной станции.

— Вот оно, наше родное Кувшиново, — говорю я своим спутникам.

Въезжаем на неширокую улицу Партизанскую, названную так в честь кувшиновских народных мстителей. Кажется, что стоит сейчас пройти несколько домов и там, на перекрестке, встретишь улыбающегося Николая Горячева, подтянутого Дмитрия Веренича, скромного, застенчивого Толю Нефедова. Но нет, никто из них не идет по улице… Она тиха, и только два розовощеких паренька гоняют мяч по зеленой траве.

Возле нашего дома останавливаемся.

Навстречу спешат мои старички-родители.

В нашем распоряжении только один вечер, а повидаться надо со многими. Поэтому решаем пригласить всех к себе. Через несколько минут появляются Поповцев, Ворыхалов, Моисеев, их родители, приходят соседи. Радостные приветствия, крепкие объятия.

Мать Поповцева, Александра Ивановна, вспоминает, сколько беспокойства пережили родители партизан, когда их дети сражались с немецко-фашистскими захватчиками.

— Чего только не говорили про вас: и что повесили, и что в плен взяли, и что власовцы расстреляли… Вся душенька-то

изболелась.

Беседа продолжается далеко за полночь. Ложимся, когда светлеет горизонт.

На другой день едем в Осташков. Едем той же дорогой, которой зимой сорок первого уходили на фронт. Вон в том лесочке были дымные землянки, откуда мы пошли на первое боевое задание. Теперь дорогу не узнать. Вместо рытвин и ухабов — гладкая магистраль. Расстояние в семьдесят километров проходим за час с небольшим.

…Осташков. Красивый городок на озере Селигер. Проезжаем несколько улиц, сворачиваем на площадь. Ну, конечно, вот и башня с часами («Коля, сколько там на серебряных…»), вот дом, где встретились и познакомились с лейтенантом Боровским, безвременно погибшим в боях с гитлеровцами.

В конце пятидесятых годов на площади установили памятник партизанам Великой Отечественной войны. На высоком гранитном постаменте — бронзовые фигуры партизан. Скульптор запечатлел в их чертах стойкость, отвагу и волю к победе. Мы кладем к подножию памятника букеты душистой сирени.

Во время войны немцы в Осташкове разрушили много зданий. Помнится, как в 1941 году город бомбили вражеские самолеты с паучьей свастикой на хвостах… Сейчас здесь — никаких следов войны.

В Осташкове, долго задерживаться не можем — в поселке Пено нас ждут школьники и пионеры, учителя и родственники погибших партизан.

Еще издали, выехав из леса, увидели вновь выстроенный поселок. А ведь зимой сорок первого года он был разбит и почти дотла сожжен эсесовцами.

Далеко за пределами нашей области известен этот поселок. Здесь в суровую первую зиму войны фашисты расстреляли отважную советскую партизанку Лизу Чайкину.

В центре поселка, в небольшом сквере, возвышается бронзовый бюст смелой девушки. Рядом с могилой Лизы — могилы замученных немцами партизан Володи Павлова и Зины. Это они, совсем юные советские граждане, не стали на колени перед врагами, предпочли смерть рабству. Фамилию девушки до сих пор установить не удалось. Но нет сомнения, что в конце концов это выяснится.

На площади собирается народ. Пришла мать Лизы, старенькая, но бойкая Ксения Прокофьевна. Пришли Максим Павлович и Александра Федоровна — родители Володи Павлова. Пионеры и школьники плотной стеной обступают нас. Глаза их горят. Затаив дыхание, ребята слушают рассказы бывших воинов.

Родственникам погибших партизан и нам пионеры преподносят букетики ландышей, собранных в лесу, где когда-то с оружием я руках ходили похожие на них подростки.

Встреча затянулась до вечера. Ночевать устроились у родителей Володи Павлова. Дом у них большой, случайно уцелел в войну.

— Было у меня два сына, — рассказывает Максим Павлович. — Думал: вырастут — наделю каждого комнатой, вот и построил такую хоромину. А война проклятая унесла обоих сыновей…

На следующий день мы были в Андреаполе. Здесь мы надеялись встретиться с секретарем районного комитета КПСС, бывшим командиром 4-й бригады Федором Тимофеевичем Бойдиным. Особенно не терпелось увидеться с Федором Тимофеевичем Рыбакову.

К нашему огорчению, Бойдина на месте не оказалось — он утром выехал в колхозы. Телефонные звонки не дали никаких результатов. Заправив машину горючим, оставили Бойдину письмо и поехали на Великие Луки. День стоял очень жаркий. Пыльная проселочная дорога вилась по берегу Западной Двины. Иногда машина приближалась к самой воде, и на нас веяло приятной прохладой.

Перед заходом солнца приехали в Великие Луки. Я был здесь несколько раз: до и после войны, но то, что увидел теперь, меня поразило. Перед нами был современный город-красавец. Асфальтированные проспекты, многоэтажные жилые дома, кинотеатры, Дворцы культуры, школы — все это было построено за каких-нибудь несколько лет. А ведь во время войны город был превращен в груду развалин.

В соответствии с «Декларацией об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» бывший гитлеровский комендант военный преступник Зонневальд был найден и доставлен после войны обратно в Великие Луки, где он творил свое гнусное дело. Фашистский палач был публично повешен на одной из площадей города.

Руководители трех правительств — Советского Союза, Америки и Англии, — подписавшие осенью 1943 года в Москве Декларацию, дали народам мира священное обязательство — покарать преступников, повинных в смерти миллионов людей.

Кто же и как выполнил эту клятву, данную мертвым и живым?

Многих гитлеровских палачей укрыли и продолжают укрывать англо-американские империалисты. Занятые подготовкой к новой войне, они выдвигают бывших военных

преступников на руководящие посты в военных блоках.

Так была нарушена и до сих пор нарушается торжественная клятва, данная людям земли.

…Мы так увлеклись осмотром города, что нарушили правила уличного движения. Машину остановил капитан милиции. Он вежливо пожурил нас за ошибку, а затем спросил, не нуждаемся ли мы в его помощи.

— Нам нужно встретиться с товарищем Марго. Вы не знаете, где он живет? — спросил Рыбаков.

— Одну минутку. Сейчас позвоним ему домой, — ответил капитан. Он вошел в телефонную будку и стал звонить. Номер был занят. Вторая, третья попытка дозвониться также не дали результатов!

— Знаете что, — сказал капитан, — мы только теряем время. Садитесь в машину и следуйте за моим мотоциклом.

Мы согласились. Через несколько минут капитан милиции подрулил к четырехэтажному дому, развернул мотоцикл и заглушил мотор.

— Вот здесь живет товарищ Марго, — сказал он, указывая на дверь.

Через две минуты мы пожимали руку бывшему командиру 5-й партизанской бригады. Владимир Иванович принял нас душевно. Он рассказал, что последнее время работал секретарем Великолукского горкома партии, а недавно ушел на пенсию. Выглядел он неплохо и, как мне показалось, нисколько не изменился, разве что сбрил бороду. Хозяин настойчиво просил нас переночевать, но мы не могли выполнить его просьбу — ночевка была запланирована в городе Локне.

Наш путь шел вдоль железной дороги Новосокольники — Дно. Свет автомобильных фар выхватывал из темноты знакомые названия деревень: Недомерки, Заболотье, Ровни, Барсучки.

А вот и Насва. Когда-то здесь было гнездо полицейщины. Отсюда каратели ходили на партизан, здесь они немало расстреляли честных советских граждан.

На придорожном знаке надпись: «Погост Заклюка». В памяти ярко всплывает апрель 1943 года. Немцы встретили нас тогда сильным пулеметным огнем.

Во втором часу ночи въезжаем в Локню. В гостинице нас уже ждут — это заботливый Марго позвонил по телефону о нашем приезде.

Рано утром отправляемся через Бежаницы на Новоржев. На этом участке расположено село Гривино, где находился вражеский гарнизон, уничтоженный нашим отрядом в марте 1943 года.

Щедрое июньское солнце, сопровождавшее нас на всем пути, спряталось за тучи. В воздухе запахло дождем.

Свернув с большака влево, поднялись на невысокий пригорок, густо засеянный рожью, и увидели перед собой старую церковь с разбросанными возле нее небольшими домиками. На улице — ни души. Мы остановились у церкви, и я долго не мог вспомнить, где жила старушка, которая напутствовала нас перед боем. Пришлось обратиться за помощью к местным жителям. Постучались в первый попавшийся дом. На наш вопрос женщина ничего утешительного ответить не могла, так как не жила здесь в войну.

— А кого же спросить?

— Зайдите вон в ту избу, под высоким тополем, — показала она рукой.

Подъехали туда. На наше счастье, хозяин с хозяйкой были старожилами села. Они не забыли ту ночь, когда мы напали на немцев и когда на нашу сторону перешли поляки.

— А не помните ли, мамаша, старушку, которая жила где-то под горой? Она тогда и показала нам немецкую казарму, — спросил я.

— Как же не помню! Это вы про бабку Гапу спрашиваете.

— Где она теперь?

— Здесь же, в Гривине живет.

— Можно увидеть ее?

— Да почему же нельзя, — ответил хозяин. — Сейчас я моментом сбегаю за нею.

Мы вышли на улицу. Возле машины стал собираться народ. Не прошло и десяти минут, как хозяин представил нам бодрую старушку.

Старая женщина пристально посмотрела на меня и с радостью воскликнула:

— Так это вы были?! Ох, господи… Я сразу приняла вас тогда за партизан, хотя вы и разговаривали по-германски…

— И сказали нам: «Гоните, сынки, иродов отсюда», — подсказал я, обняв старушку. Это была Агафья Петровна Якимова, русская женщина-мать, патриотка.

По пути в Новоржев нас застал большой ливень. Когда явились в Новоржевский райком партии, его работники смеялись:

— Спасибо партизанам, дождичка привезли, а то засуха замучила…

К вечеру наш «газик» был в Опочке. Рабочий день еще не кончился, и мы застали всех на месте. Уже через час в райкоме собрались бывший командир 4-го отряда бригады Гаврилова П. С. Филиппов, заместитель ком брига по разведке Г. Н. Батейкин, старшина А. Н. Кутейников, разведчицы 5-го

отряда — П. П. Запорожец, О. А. Михайлова. Договорились, что завтра опочецкие товарищи выедут с нами в белорусские леса под Юховичи в бывший лагерь 3-й бригады, где зарыто в тайнике оружие и вещи партизан. Тайником занимался старшина Кутейников, и он обещал найти его.

Утром, позавтракав, поднялись на высокий вал, осмотрели Опочку, затем искупались в реке Великой и двинулись в путь. Часам к десяти прибыли в Себеж. Сколько раз в войну приходилось кружить возле него, и вот только теперь впервые довелось проехать по себежским улицам. Небольшой, приютившийся среди двух озер городок напоминал курорт.

Надеясь вернуться в Себеж на обратном пути, мы не стали здесь задерживаться и двинулись дальше. Опять пошли знакомые места. Вот Рудня Себежская, где в сорок третьем мы устроили засаду на карателей.

Через десять километров показалось озеро Осына. Здесь стояла наша бригада. Вспомнился «московский» лед, Каллистрат Устинович, расстрелянный немцами. Деревни, в которой мы жили, не оказалось. Немцы сожгли ее вместе с жителями.

Заполдень приехали в Юховичи. Местные жители встретили нас гостеприимно. Каждый старался сделать нам что-либо приятное.

Развернув партизанскую карту, я увидел знакомые названия деревень и сел, в которых дислоцировались отряды и бригады народных мстителей: Авангард, Черепето, Россоно, Селявщина, Горяне, Альбрехтово. В то время над этими местами, называвшимися Россонским партизанским краем, беспрестанно кружили вражеские стервятники — «костыли» и «рамы». Они бросали листовки и бомбили беззащитные белорусские села. Теперь здесь — мирная жизнь. И ничего не напоминает о суровых днях, тяжелых испытаниях.

Едем в лес. Алексей Никитович Кутейников, сидя в первой машине, показывает шоферу дорогу. Местами попадаются заболоченные участки, и мы с трудом двигаемся вперед. Наконец останавливаемся. Кутейников выходит из машины, долго осматривается, потом решительно говорит водителям:

— Давай назад.

Разворачиваемся, едем обратно. Сворачиваем в сторону и опять попадаем на вырубку. Что за оказия?

Возвращаемся к Юховичам. На дороге встречаем двух лесорубов. Спрашиваем о партизанских лагерях. Один из лесорубов, человек лет шестидесяти, говорит, что может показать землянки. Берем его с собой. Через три километра машины уткнулись в болота.

— Далеко? — спрашиваем проводника.

— Да нет, — отвечает, — ось здесь близко.

Машинам дальше не пройти, и мы пробираемся по высокой траве и густому кустарнику. Через километр останавливаемся.

— Ну как, батя, далеко еще?

— Да нет… ось здесь рядом.

Проходим еще два километра. От комаров нет спасения. Они тучей кружатся над нами.

— Где же, наконец, землянки? — в сердцах говорим мы.

— Да тут они. Вот ваши землянки, любуйтесь на них, — показывает проводник.

С небольшого пригорка видно несколько ям. Землянки давно рухнули. Кроме поросших травой котлованов да не успевших сгнить толстых бревен, ничего не осталось.

Бывший заместитель комбрига по разведке Григорий Никанорович Батейкин, оглядевшись кругом, показывает рукой:

— Это землянки нашей санчасти.

С интересом осматриваем каждый котлован. К сожалению, в землянках ничего нет, кроме битого кирпича. Когда уходили, кто-то поддел ногой гитлеровскую каску. Партизаны не пользовались такими касками, и неизвестно, как она попала сюда.

Кутейников сказал, что оружие зарыто в другом месте. Стало быстро смеркаться, и искать тайник было уже поздно.

…Машина мчится в Латвию. Первая остановка — деревня Логуны. Когда-то здесь стоял немецкий гарнизон, здесь мы пустили под откос вражеский поезд. А вот и деревня Васильково, где раньше часто приходилось бывать. Тут немцы расстреляли девушку Надю, активно помогавшую партизанам.

Навстречу нам выходят жители. Завязывается душевный разговор. Оказалось, при отступлении немцы дотла сожгли Васильково и только после войны деревня отстроилась вновь.

Проехали деревни Заситино и Мигели, где в войну стояли крупные вражеские гарнизоны. В Мигелях осмотрели железнодорожную арку бывшей государственной границы. Это место сильно охранялось неприятелем, но партизанам все же удавалось подрывать немецкие поезда.

Посетив станцию Зилупэ, во второй половине дня вернулись в Себеж.

В центре города, на высоком холме, где захоронены останки партизан, уже собрались бывшие народные мстители. Сюда пришли командир 11-й бригады С. Д. Буторин, секретарь Себежского подпольного райкома партии П. С. Васильев, командир 1-го отряда 5-й бригады О. А. Югансон, командир 3-го отряда 5-й бригады Н. С. Степанов, политрук бригады Марго

М. М. Валлас, командир диверсионной группы 10-й бригады П. Ф. Константинов, партизаны Ф. Ф. Лукин, В. И. Иванов, Б. И. Васильев и другие.

В торжественной обстановке почтили память погибших героев. Затем присутствующие поделились своими воспоминаниями, рассказали о боевых эпизодах.

Посетили мы Себежский краеведческий музей. Нам он очень понравился. Видно люди, работающие там, любят свое дело. В музее собрано много экспонатов, рассказывающих о деятельности партизанских отрядов в этих местах.

Побывали и в бывшей немецкой тюрьме, где провели последние минуты своей жизни партизаны нашего отряда Василий Беляков, Виталий Гребенщиков и Виктор Колокольчиков.

Вечером в сопровождении С. Д. Буторина и М. М. Валласа мы направились в бывшую партизанскую «столицу» — урочище Лоховня, куда так боялись совать нос гитлеровцы. В Лоховне, на месте партизанских лагерей, теперь тихо и пустынно. Только щебетание птиц нарушает покой здешних мест.

Солнце клонилось к горизонту, когда мы выехали к деревне Симаново. Здесь осенью сорок третьего года немцы схватили и бросили в танк раненого Колокольчикова. А вот и Ермолова Гора, где мы сидели в обороне. На месте сожженной фашистами деревни стоят добротные дома колхозников, построены клуб, животноводческая ферма. С каждым годом крепнет и богатеет здешний колхоз.

Не узнать села Томсино — всюду новые постройки. В районе Томсина продолжительное время действовал отряд Рыбакова, а поэтому Василия Филипповича здесь знают все. Мы с Рыбаковым нашли даже того деда, который жил в церковном склепе. Никанора Ильича Алексеева мы узнали сразу, хотя он сильно поседел, сгорбился. После войны колхоз построил ему хороший дом.

Из Томсина мы направились в Идрицу. Проезжая по большаку, решили заглянуть к бывшему адъютанту Рыбакова Ивану Павловичу Михайлову — Ване Толстому, как звали его партизаны.

Машина свернула с большака и, подпрыгивая на ухабах, понеслась по проселочной дороге. Через километров шесть Рыбаков велел остановиться.

— Надо спросить. Где-то здесь.

Рыбаков направился к черневшей у дороги избе. Шофер заглушил мотор. Наступила тишина.

Деревня спала крепким сном.

Василий Филиппович поднялся на крыльцо, постучал.

Скрипнула дверь, послышался женский голос:

— Кто здесь?

— Это я, Рыбаков… Помните, был у вас командиром партизанского отряда?

— Ой, лихо мое. Детеныш ты мой.

Послышались поцелуи. Старушка пригласила нас в дом, но мы не хотели ее беспокоить и попросили только показать дорогу к Михайлову.

— Вот по этой стежине так и идите, родные. Здесь теперь просохло, не намокните. Вон его дом…

Рыбаков подошел к машине. Его высокая, крепко сбитая фигура загородила дверцу. «Ничего себе, детеныш», — подумал я.

Иван Павлович Михайлов встретил нас радушно. Его жена, бывшая партизанка, ныне учительница, принялась готовить ужин.

— Накорми ребят получше, Маруся, — наказал ей Иван Павлович.

Поужинав и отдохнув, мы покинули радушных хозяев и поехали в село Кицково, к бывшему разведчику отряда Рыбакова — В. Я. Семенову. Самого хозяина не оказалось, он работал мастером на заводе в Ессениках, но жена его попросила нас обождать. Мы так и сделали. Часов в десять утра нас разбудили громкие голоса:

— Ауфштейн![4]

Открыв глаза, мы увидели перед собой вместо одного двух бывших разведчиков В. Я. Семенова и Е. Е. Тябута — директора местной школы. Нас усадили за стол, и снова начались расспросы и воспоминания.

В полдень мы выехали из Кицкова на встречу с бывшим командиром Идрицкого партизанского отряда Иваном Константиновичем Никаненком, который работал председателем одного из колхозов Себежского района. Еще будучи в Себеже, мы созвонились с ним и договорились встретиться на берегу реки Великой у деревни Гужово.

Когда наш «газик» подъехал к реке, Никаненка еще не было. Мы осмотрели остатки немецких блиндажей, сооруженных для охраны моста. Вскоре на той стороне реки показалось облачко пыли. Через несколько минут Иван Константинович и еще несколько товарищей, широко улыбаясь, вышли из машины и крепко пожали нам руки. Никаненок повез нас в свой колхоз «Труд».

— Видели, какие хлеба нынче. Красота! — с гордостью показывал он свои поля. — Когда-то эта земля была полита кровью и слезами народными, и ходили по ней чужие люди. Только тех людей давно и след простыл, и неизвестно, где сгнили

их косточки, а русская земля была, есть и будет, свободной…

Через несколько дней в Калинине состоялась встреча бывших партизан Калининской области, посвященная двадцатой годовщине со дня начала Великой Отечественной войны.

В Калинин приехали бывший комиссар партизанского корпуса А. И. Штрахов, командир 5-й Калининской бригады В. И. Марго, секретарь Себежского подпольного райкома партии П. С. Васильев, политрук бригады имени Дениса Давыдова Г. П. Богданов, партизаны отряда «Земляки» В. Д. Соколов и П. Я. Поповцев, разведчик Э. М. Талин, которого долгое время все считали погибшим, командир диверсионной группы А. Ф. Храмов. На встрече присутствовали командиры партизанских отрядов И. В. Жуков и В. Ф. Рыбаков, комиссар 21-й Калининской партизанской бригады В. С. Карговский, комиссар 10-й бригады П. Г. Романов, заместитель командира отряда по комсомолу 2-й Калининской бригады К. И. Тяпина и другие.

Немалый вклад в дело победы над коварным и сильным врагом внесли партизаны Калининской области. Вот об этом и вспоминали на своей встрече бывшие народные мстители. За годы войны калининские партизаны спустили под откос 751 эшелон противника, уничтожили 3048 автомашин, 118 складов, 63 орудия, 16 самолетов, подорвали десятки километров железнодорожного пути, разгромили 85 вражеских гарнизонов, уничтожили 46 480 гитлеровских солдат и офицеров, захватили 7 пушек, 327 пулеметов, 357 автоматов, 3386 винтовок.

Выступающих на встрече было много. Вспоминали былые походы и бои, наших верных товарищей, сложивших головы в борьбе с фашистами: отважного партизана Леонида Ивченко, ценою своей жизни взорвавшего немецкий поезд, и смелого разведчика 5-й бригады Рема Кардаша, и наших дорогих друзей Николая Горячева, Дмитрия Веренича, Василия Белякова, Федора Яковлева, лейтенанта Боровского и многих других, чьи имена навсегда останутся в памяти людей.

Герой чехословацкого народа Юлиус Фучик писал:

> «Об одном прошу — не забудьте… О тех, кто пал за себя и за вас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел, чтобы все знали, что не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды… Пусть же эти люди будут всегда близки вам как друзья, как родные…»

Перед светлой памятью героев мы низко склоняем головы.

Давно заросли бурьяном блиндажи и окопы. Ржавчина съела иноземную стальную каску. Зарубцевались раны, нанесенные стране войной. Люди выплакали слезы, вспоминая тех, кто не пришел к родному порогу. Новая жизнь идет по земле. Но там, у опушки леса, высится небольшой холмик. Над ним обелиск с красной звездочкой — это одинокая партизанская могила. Она напоминает людям: будьте бдительны, не давайте грозовым тучам войны нависнуть злой тенью над нашей землей. Пусть над родной Отчизной всегда светит радостное солнце.

notes

Примечания

1

Город (немецкое).

2

Мать (немецкое).

3

Айзсарги — члены военизированных формирований типа гитлеровских штурмовых отрядов. Они были опорой фашистской диктатуры Ульманиса, а в годы Отечественной войны — фашистского гестапо в оккупированной Латвии.

4

Встать (немецкое).